

Известия Российской академии наук

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том 80 № 6 2021 Ноябрь—Декабрь

Основан в 1852 г. академиком И.И. Срезневским
Выходит 6 раз в год
ISSN 1605-7880

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 0110264 от 08.03.1993
Подписной индекс по объединенному каталогу “Пресса России” 70354

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук*

Главный редактор
член-корр. РАН, д-р филол. наук *В.В. Полонский* (ИМЛИ РАН, г. Москва)

Редакционная коллегия

член-корр. РАН *В.Е. Багно* (ИРЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), проф. *Хенрик Баран* (Университет Олбани, г. Олбани, штат Нью-Йорк, США), член-корр. РАН *Ю.Л. Воротников* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Марчелло Гардзанити* (UNIFI, г. Флоренция, Италия), канд. филол. наук *С.И. Гиндин* (РГГУ, г. Москва, Россия), член-корр. РАН *А.В. Дыбо* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *А.И. Жеребин* (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *Т.Г. Иванова* (г. Москва, Россия), акад. РАН *Н.Н. Казанский* (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *В.Л. Коровин* (научный редактор, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Л.П. Крысин* (зам. главного редактора, ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.Б. Куделин* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.М. Молдован* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), канд. филол. наук *А.Ч. Пиперски* (ответственный секретарь, НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия), акад. РАН *В.А. Плунгян* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), проф. *Александр Строев* (l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3, г. Париж, Франция) акад. РАН *С.М. Толстая* (ИСл РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Е.В. Халтрин-Халтурина* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Герд Хентшель* (Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, г. Ольденбург, Германия), проф. *Чжэн Тиу* (Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, КНР).
Зав. редакцией О.И. Лукашенко

Адрес редакции: 117993 Москва, Ленинский пр., 32а
тел.: 8-495-952-44-90, 8-925-095-84-64
электронная почта: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Сайт журнала: <https://oifn.jes.su>

© Российская академия наук, 2021
© ФГБУН ИМЛИ РАН, 2021
© Редакция журнала “Известия РАН.
Серия литературы и языка” (составитель), 2021

Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk
SERIÂ LITERATURY I ÂZYKA

Bulletin of the Russian Academy of Sciences:
Studies in Literature and Language

Volume 80 No. 6 2021 November–December

Established in 1852 by Academician Izmail I. Sreznevsky
Publication frequency 6 issues per year
ISSN 1605-7880

Mass media registration certificate No. 0110264, March 08, 1993
Subscription code in the Catalogue of the Russian periodicals issued by “Russian Post” is 70354

*The Journal is produced under the aegis of
The Division of Historical and Philological Studies of the Russian Academy of Sciences*

Editor-In-Chief

Vadim V. Polonsky, Correspondent Member of the RAS, Doct. Sci. (Philol.),
The A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow

Editorial board

Vsevolod Bagno, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), *Henryk Baran*, Ph.D., Prof., State University of New York at Albany (Albany, USA), *Cheng Tiu*, Prof., Shanghai International Studies University (Shanghai, China), *Anna Dybo*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Higher School of Economics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Marcello Garzaniti*, Grand Ph.D. (Slavic Philology), Prof., University of Florence (Florence, Italy), *Sergei Gindin*, Cand. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), *Elena Haltrin-Khalturina*, Dr. Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Herd Hentschel*, Prof., Carl von Ossietzky Universität Oldenburg (Oldenburg, Germany), *Tat'yana Ivanova*, Dr. Sci. (Philology), (Moscow, Russia), *Nikolai Kazansky*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, (St. Petersburg, Russia), *Vladimir Korovin*, Scholarly Editor, Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), *Leonid Krysin*, Deputy Editor-In-Chief, Dr. Sci. (Philology), Prof., V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Kudelin*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Moldovan*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Piperski*, Executive Editor, Cand. Sci. (Philology), Higher School of Economics (Moscow, Russia), *Vladimir Plungian*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Stroev*, Prof., l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 (Paris, France), *Svetlana Tolstaya*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Yury Vorotnikov*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Aleksei Zherebin*, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)
Olga I. Lukashenko (Managing Editor)

Address for Correspondence:

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language,
32a Leninsky Prospect, Moscow, 117993 Russia
Tel.: +7(495)952-44-90, +7(925)095-84-64
E-mail: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Web Site: <https://oifn.jes.su>

-
- © The Russian Academy of Sciences, 2021
  - © The A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2021
  - © Editorial Board of “Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language” (editing and composing), 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка.
2021, Том 80, Номер 6

К 200-летию Достоевского

Достоевский: “отзывчивость к крайностям” <i>Жорж Нива</i>	6
“...Все мы нигилисты” <i>Юлия Кристева</i>	11
Достоевский, или “Писатель, который изменил человека...” <i>В. В. Полонский</i>	15
Спор между “отцами” и “детьми” в романе Ф.М. Достоевского “Бесы” в историко-литературном и текстологическом аспектах <i>К. А. Баршт</i>	20
“Возможность Тверитинова”: заметки комментатора <i>И. А. Кравчук</i>	30
О противоречивости трактовок образа Григория Мелехова в советской литературной критике <i>Лю Ядин</i>	46
“Перебранка Локи”: лингво-стилистический этюд <i>Т. В. Топорова</i>	53
О цикле ламентаций в “Королеве фей” Спенсера (линия воительницы Бритомарт) <i>Е. В. Халтрин-Халтурина</i>	61
К истории понятий: лингвистический ракурс. Шугнанское ПРЯТАТЬ <i>Е. В. Рахилина, Ш. С. Никушоева, Е. Е. Арманд</i>	69
Показатели смыслов слов, употребленных в тексте <i>М. Ю. Федосюк, Чжан Сяо</i>	79
Рифма в метрических системах Юго-Восточной Азии <i>И. В. Саркисов</i>	89
Деклинация частоты основного тона: история изучения и природа явления <i>А. Э. Костюк</i>	104
Экхарду Вайеру in memoriam (29.12.1939 – 12.01.2021) <i>Р. Н. Кривко, И. А. Подтергеря</i>	114
Авторский указатель тома 80, 2021 год	118

CONTENTS

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language.
2021, Volume 80, Issue 6

Fyodor Dostoevsky Bicentennial, Commemorating the 200th Birthday of the Writer and Thinker

Dostoevsky: “An Empathy Towards the Extremes” <i>George Nivat</i>	6
“...We are Nihilists, All of Us” <i>Julia Kristeva</i>	11
Dostoevsky, or “the Writer Who Reformed a Human Being...” <i>V. V. Polonsky</i>	15
<hr/>	
The Dispute between “Fathers” and “Children” in F. M. Dostoevsky’s Novel “The Possessed” in Historical, Literary and Textual Aspects <i>K. A. Barsht</i>	20
“The Possibility of Tveritinov”: A Commentator’s Notes <i>I. A. Kravchuk</i>	30
On the Evolution of Interpretations of the Image of Grigory Melekhov in the Soviet Literary Criticism <i>Liu Yadin</i>	46
Locasenna: A Linguo-Stylistic Approach <i>T. V. Toporova</i>	53
On Inset Complaints in Spenser’s the Faerie Queene (The Britomart Plot) <i>E. V. Haltrin-Khalturina</i>	61
On the History of Concepts: A Linguistic Perspective. The Verb ‘to hide’ in Shughni <i>E. V. Rakhilina, Sh. S. Nekushoeva, E. Ye. Armand</i>	69
Indicators of Meanings of Unknown Words Used in a Text <i>M. Yu. Fedosyuk, Zhang Xiao</i>	79
Rhymes in Poetic Metrics of the Southeast Asia <i>I. V. Sarkisov</i>	89
On F0 Declination Studies: History and Nature of the Phenomenon <i>A. E. Kostyuk</i>	104
To Eckhard Weiher in memoriam (December 29, 1939 – January 12, 2021) <i>R. N. Krivko, I. A. Podtergera</i>	114
Index of Authors (Volume 80, 2021)	118

К 200-ЛЕТИЮ ДОСТОЕВСКОГО

---

11 ноября 2021 г. исполнилось 200 лет со дня рождения Ф.М. Достоевского. Эта значительная веха культурного календаря привлекла самое пристальное внимание мирового литературного и научно-гуманитарного сообщества. Одним из центральных событий на международной карте юбилейных торжеств стало проведение 4 октября 2021 г. в Штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже юбилейного круглого стола «"Всемирная отзывчивость": Достоевский без границ» (“L’Empathie universelle”: Dostoïevski sans frontières). Высокий уровень и важное международное значение этой встречи ученых и деятелей культуры из Европы, Азии и Латинской Америки были засвидетельствованы выступлением при ее открытии Генерального директора ЮНЕСКО Одрэ Азуле и Постоянного представителя Российской Федерации при ЮНЕСКО А.И. Кузнецова. Ниже журнал предлагает вниманию читателей раздел из трех статей по материалам выступлений их авторов в первой части круглого стола, с которых начиналось обсуждение значения творчества Достоевского с точки зрения современного научно-гуманитарного знания.

FYODOR DOSTOEVSKY BICENTENNIAL, COMMEMORATING THE 200TH BIRTHDAY OF THE WRITER AND THINKER

November 11, 2021 marked 200 years since the day F.M. Dostoevsky was born. This highlight of the cultural calendar captured attention of the scholars and of all the literary minded around the world. The Jubilee Round-Table Conference “ ‘L’Empathie universelle’: Dostoïevski sans frontières” (“ ‘The universal empathy’: the boundless Dostoevsky”) held on October 4, 2021 at UNESCO headquarters in Paris, turned out to be one of the milestones on the international map of principal events during the Bicentennial celebrations. When addressing the conference, the Director-General of UNESCO Audrey Azoulay and Russia’s Permanent Representative to UNESCO Aleksandr I. Kuznetsov commented on the high level and international importance of this meeting of scholars and cultural delegates from Europe, Asia, and Latin America. Here the readers of our journal are offered an opportunity to acquaint themselves with the materials based on the opening academic speeches delivered at the conference and inviting discussions of the meaning of Dostoevsky works for the present-day literary studies and the humanities at large.

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017807-0

Достоевский: “отзывчивость к крайностям”

© 2021 г. Жорж Нива

Доктор наук, академик Европейской академии,
почетный профессор Университета Женевы,
5 rue De-Candolle, 1211 Genève 4 (Швейцария)
gnivat@icloud.com

Резюме. Автор анализирует возможность перевода на французский язык понятия “всемирной отзывчивости”, введенного Ф.М. Достоевским в Пушкинской речи 1880 г. и вынесенного в заглавие юбилейного круглого стола в Штаб-квартире ЮНЕСКО, посредством концептуального сочетания “l’empathie universelle” (букв. — “универсальная эмпатия”). Категории “эмпатия” / “отзывчивость” рассматривается в работе как одна из центральных констант творчества русского писателя. Особое внимание уделяется ее значению для бытования наследия Достоевского в культурно-исторических контекстах XX–XXI вв., включающих опыт тоталитаризма, сокрушения человека, массового террора и т.п.

Ключевые слова: Достоевский, “всемирная отзывчивость”, эмпатия, “Пушкинская речь”, геноцид, Д.С. Мережковский, Джон Купер Поуис.

Для цитирования: Нива Ж. Достоевский: “отзывчивость к крайностям” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 6–10. DOI: 10.31857/S241377150017807-0

Dostoevsky: “An Empathy Towards the Extremes”

© 2021 Georges Nivat

Docteur d’Etat, Full Member of The Academia Europaea,
Honorary Professor Emeritus of The University of Geneva,
5 rue De-Candolle, 1211 Genève 4 (Switzerland)
gnivat@icloud.com

Abstract. The speaker considers the translatability, from Russian into French, of the expression “vsemirnaya otzyvchivost” (cf. “a ready universal sympathy”) coined by Dostoevsky in his famous Pushkin speech of 1880, which gave the name to the present Jubilee Round-Table Conference at UNESCO headquarters. The conceptual phrase “l’empathie universelle” (cf. “universal empathy”) is offered as a variant. The categories of empathy / ready sympathy (“otzyvchivost”) are viewed as central for the Russian writer. Special attention is paid to the ways it informed the readings of Dostoevsky’s writings in various cultural-and-historical contexts of the 20th and 21st centuries, which include totalitarian experience, inhumanity, mass terror, etc.

Key words: Dostoevsky, “vsemirnaya otzyvchivost”, “l’empathie universelle”, the Pushkin speech of 1880, genocide, D.S. Merezhkovsky, John Cowper Powys.

For citation: Nivat, G. *Dostoevskij: “otzyvchivost k krajnostyam”* [Dostoevsky: “An Empathy Towards the Extremes”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 6, pp. 6–10. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017807-0

Начну с комментария к названию нашей встречи: "L'Empathie universelle: Dostoïevski sans frontières" («"Всемирная отзывчивость": Достоевский без границ»)¹. "L'Empathie universelle" [букв. — "универсальная эмпатия". Прим. ред.] — вполне возможный перевод выражения "всемирная отзывчивость", употребляемого автором "Дневника писателя". Но это лишь один из возможных переводов на французский знаменитого выражения Достоевского из Пушкинской речи, произнесенной 8 июня 1880 г., — речи, которая заставила плакать тысячи слушателей, речи, вписанной в историю тесного союза между литературой и исторической судьбой России, столь характерного для XIX столетия. Ведь существенной особенностью российской истории без всякого преувеличения можно считать ее *литературоцентризм*. В отсутствие иных форм публичных высказываний политическая жизнь России некогда выражалась в литературе и посредством литературы. И речь от 8 июня 1880-го — это одна из вершин этого "литературоцентричного" века.

Это выражение нельзя перевести буквально. Речь идёт о способности *реагировать на* или *отвечать на* всё, что приходит извне, — и реагировать на это *положительно*, и даже быть большим испанцем, чем сами испанцы, большим французом, чем сами французы, большим немцем, чем сами немцы. "Народ же наш именно заключает в душе своей эту склонность к всемирной отзывчивости и всепримирению" [1, с. 131]. Эти слова из "Дневника писателя" Гюстав Окутюрье перевел так: "Notre peuple porte en effet dans son âme ce penchant à l'universelle résonance et à l'universelle conciliation" [2, p. 1348].

Слово, избранное для французского перевода названия нашей сегодняшней встречи, — не "résonance" ("резонанс", "отклик"), а "empathie" ("эмпатия"). И это очень интересное слово. Ведь "всемирная отзывчивость" (или "универсальная эмпатия") для Достоевского, очевидно, есть основная *склонность*, основная *предрасположенность* русского народа. Иными словами, это гораздо больше обычного знания или понимания иностранца — настоящая *устремленность* в его сторону.

Тем знаменательным днем Достоевский провозглашает, что подобная устремленность характеризует как народ, так и элиту, которую

представляет Пушкин, признанный "национальным поэтом". Утверждение о том, что эта предрасположенность — главная характерная черта русского народа, казалось дерзким и спорным уже и в 1880-м. А сегодня, вероятно, — тем более. Клеветники России часто говорили о ее склонности к раболопному подражанию другим или даже просто к подделкам. Это целая традиция, которая восходит к "Первому философическому письму" П.Я. Чаадаева. "Пушкинская речь" — самое яркое отрицание такого подхода. И чью сторону в этих бесконечных старых спорах ни принимай, мы все знаем, в какой мере русской культуре со времён Пушкина удалось освоить знания, творческие миры, науки, пришедшие извне, вобрать их в себя — и порой, подобно хищнику-великану, их поглотить.

Будем иметь в виду, что сегодня нас объединяют два слова: *Достоевский* и *отзывчивость* ("эмпатия"). В "отзывчивости" ("эмпатии") опознается греческое слово *pathos*, обозначающее "болезненное состояние"; по-латыни — *passio* от *patior*, т.е. "претерпевать", "страдать". *Патология* — изучение того, что я претерпеваю, а также испытываю, выношу. По философскому словарю Фулькье и Сен-Жана, "эмпатия" означает познание других посредством аффективного единения (*communion affective*) [3]. Здесь — отличие от "симпатии", так как "эмпатия" подразумевает более бескорыстное притяжение, чувство. Давайте сравним это с "даром", изученным отцом социологии и религиозной этнологии Марселем Моссом. В частности — в его знаменитом "Опыте о даре", который продемонстрировал нам, что в архаичных обществах — а наше в этой части таковым и осталось — нет *дара* без *отдаривания в ответ*. Эмпатия — это не "отдаривание в ответ", а вот симпатия может им оказаться.

Но сам "дар" не всегда соответствует тому, о чём говорит Мосс. Он может быть абсолютно анонимным и, следовательно, совершенно не опознаваемым. Такой дар — милостыня, проповеданная Христом. Это, например, жертва евангельской вдовицы, замеченной Иисусом, когда она пряталась в глубине храма, — маленькой пожилой женщины, которая внесла в сокровищницу свою ничтожную — но для неё огромную — лепту.

Милостыня осуждалась коммунистами. В свой "либеральный период" Степан Верховенский из романа "Бесы", продолжая жить на деньги генеральши Ставрогиной, также утверждал, что милостыня унижает одариваемого, извращает дарителя и парализует общественный прогресс. При большевиках, как и в некоторых буржуазных

¹ Франкоязычный вариант названия международного круглого стола, посвященного 200-летию Ф.М. Достоевского, который прошел в Штаб-квартире ЮНЕСКО (Париж, Франция) 4 октября 2021 г.

западных городах, попрошайничество было — и остается — запрещенным.

В “Преступлении и наказании” Раскольников принимает милостыню, которую ему протягивает купчиха на Николаевском мосту, а затем выбрасывает монету в Неву — жест отказа от любой человеческой общности. “Ему показалось, что он как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего в эту минуту” [4, с. 90]. Именно такой жест воспроизводят в конечном счете многие наши современники, которых за неимением другого слова именуют подверженными “радикализации”. Название сродни слову “радикалы”, под которым в России подразумевались нигилисты. Жест Раскольникова и даже сама фамилия, которую он носит, отсылающая к *раскольнику*, знаменуют собой разрыв с другими человеческими существами. И это тот же самый разрыв, какой бушует в нашем мире в начале XXI в. и какой привел прямиком к произошедшему 11 сентября 2001 г. в Америке. К зрелищу, которое ошеломило и заворожило планету, подобно тому как — в малом масштабе — пожар на Шпигулинской фабрике заворачивает и ошеломяет весь город в “Бесах”, в главе “Окончание праздника”.

В Тобольске по дороге на каторгу Достоевский получил спрятанную в переплёт евангелия милостыню — десятирублёвую купюру. Затем последовало множество иных подаваний, первое из которых оказалось в четверть копейки и было получено писателем от маленькой девочки. Эту милостыню он будет хранить как талисман. Почти непрерывная череда подаваний от совсем простого народа, с религиозным благоговением разделяемых между каторжниками, служит знаком человечности, связывающей людей друг с другом. Этот жест глубокой человечности будет сопровождать молодого заключенного в течение всего того адского периода жизни, который тогда для него только начинался. И в каком-то смысле служить противовесом колоссальному бремени зла, какое каторга порождает, питает, возвращает у всех, кто там находится, — и у заключенных, и у надзирателей. Противовесом издевательствам над мелкими преступниками, “ненавидящими дворян”, равно как и изощренной жестокости палача с “оплывшей жиром душой”. “Свойства палача в зародыше находятся почти в каждом современном человеке”, — говорит рассказчик Горянчиков в “Записках из Мёртвого дома” [5, с. 155].

Старушка, анонимно раздающая милостыню в четверть копейки, и палач, совершенствующий пытки “зеленым коридором” для приговоренного, —

вот два полюса этих каторжных историй. Выйдя с каторги, Федор Михайлович напишет своему брату: “Что за ужасное было это время, не в силах я рассказать тебе, друг мой. (...) всякий час, всякая минута тяготела как камень у меня на душе” [6, с. 181]. И этот камень, это надгробие одновременно олицетворяет и отказ, и невозможность какой-либо эмпатии (“отзывчивости”) к живым. Мы чрезвычайно далеки от позднейших попыток Достоевского преодолеть, поднять этот камень, попыток старца Зосима или Алеши с его маленькой “детской республикой”. Но в каком-то смысле этот камень всегда тяготил Достоевского, до конца его дней.

Солженицын в “Архипелаге ГУЛАГ” цитирует “Записки из Мёртвого дома”, чтобы подчеркнуть, насколько режим царской каторги был менее безжалостным, чем режим большевистского ГУЛАГа. Были предусмотрены, к примеру, такие немислимые для советских зек “паузы”, как праздники Рождества и Пасхи. Однако ясно, что Достоевский, находясь в “Мёртвом доме”, познал и перешагнул барьер *бесчеловечного*, который удивительным образом сближает его с последующими двумя веками — веками Треблинки, Собибора, Секирной горы на советской каторге в Соловецком монастыре, ледяного ада Колымы, похороненных заживо жертв режима Пол-Пота, декад геноцида тутси в прекрасной Руанде и гор человеческих трупов на многих иных наших *фабриках бесчеловечности*. В этом смысле Достоевский помогает нам сегодня гораздо лучше понять именно эту гигантскую фабрику бесчеловечности, чем причины падения старого режима царской России, как зачастую полагали до сих пор.

Речь также идёт о “*страдании вместе с*”, то есть о *сим-патии* в глубоком, этимологическом смысле этого слова — и в ещё большей степени о том, чтобы разделить *непередаваемость* опыта этой фабрики бесчеловечности. “Непередаваемость”, которую выстрадали, о которой пытались говорить Примо Леви, Пауль Целан, Варлам Шаламов и которую пронзительно выразил словенский художник Зоран Музич, выживший в Дахау. Его серия тайных рисунков с сопутствующей подписью — одна из редких попыток в графике представить отчет о “непередаваемом”. На них изображена череда скоплений оледенелых мертвых тел и надпись, которая передает своего рода коллективную мысль покойных: “Мы не последние”. Кажется, что все они покоятся под камнем, о котором говорит Достоевский. Они пребывают под камнем, а мы, читающие зловещую надпись на камне, словно поглощены ими.

Дмитрий Мережковский – первый, кто философски осмыслил, что собой представляет “Великое пятикнижие” Достоевского, – считал, что читатель переживает с этим писателем некий экзистенциальный опыт. Преступный опыт – с Раскольниковым, трепещущим от страха быть пойманным, обезумевшим от радости, что этого так и не произошло, укрывшимся в квартире, где работает маляр, который возьмёт на себя его преступление. Опыт индивидуального и коллективного шантажа – с “Подростком”. Опыт постоянной слежки за собой со стороны убийцы – с “Идиотом”. Мережковский определяет этот опыт как “слияние с”. Это почти сопоставимо с вуду, с силами воздействия его жестокой магии.

И раз зверская жестокость и доброта евангельской вдовицы разделяют человека, разрывают его на части, терзают, словно Диониса, то и стиль писателя тоже оказывается разорванным, истерзанным. И эти разрывы задаются постоянными повествовательными и психологическими скачками, подчеркнутыми словом “вдруг”. И о ком или о чем бы ни шла речь – будь то Раскольников, в адрес которого прохожий бросает обвинение: “Убивец!”, исповедь Ипполита в “Идиоте” или Зосимы в “Братьях Карамазовых”, – персонажи, пораженные этими скачками судьбы, становятся подобны призракам. У многих, если не у всех, бывают моменты, когда, сделавшись призраками самих себя, они *перестают быть реальными*. Позже, в своем романе “Петербург”, который есть что-то вроде суммы всех “террористических” эпизодов из романов Достоевского, Андрей Белый доведет до крайности призрачность человеческого мира.

Но можем ли мы быть отзывчивыми, испытывать эмпатию к призракам? Мережковский справедливо заметил, что все эти призраки суть порождения фанатизма и что подобная фантомизация, происходящая от скрытых или явных вспышек фанатизма и терроризма, приводит их к шизофрении, к расщеплению “я”, как у Ивана во время судебного процесса над его братом в “Карамазовых”. Может быть, сегодняшние совсем юные читатели, вскормленные призраками-убийцами и межзвездными апокалипсисами, лучше нас понимают Ставругина или Раскольникова, совершенно не зная, кем был Каин?

Крупный валлийский писатель Джон Купер Поуис, автор романов о магических мирах “Девичий замок” (*Maiden Castle*) и “Веймаутские пески” (*Weymouth Sands*), которые любил и снабдил предисловием философ Жан Валь, много писал о Достоевском. Он видел в нем брата по духу, близкого Эмпедоклу, Платону и Ницше. И применительно

к обоим, русскому писателю и себе, валлийцу, он говорил о “братстве шарлатанства”. Ведь обычные читатели воспринимают их миры как нереальные, выдуманные, исключительно жестокие – и считают их кем-то вроде торговцев фальшивой правдой, *fake truth*, как сказали бы мы сегодня. Вот почему Поуис называет себя и Достоевского “шарлатанами”. Шарлатанами с оголенными нервами: “Я из тех, кто приходит и уходит без кожи”.

В 1945-м Поуис был человеком прокоммунистических взглядов, что никак не помешало ему почувствовать вдохновение от Достоевского, создателя нового “Прометея прикованного” 24 века спустя после Эсхила. Достоевского, который пережил и “последний день, приговоренного к смерти”, и опьянение, испытанное в Дрездене от полотна Клода Лоррена “Ацис и Галатея”. Версиллов в “Подростке” рассказывает об этом своему родному сыну, описывая ощущение “необычайного счастья” – счастья абсолютной утопии. Но это опьянение оказалось сном, и когда Версиллов просыпается, он узнает о сожжении Тюильри в Париже – знамении начала гражданской войны в Европе и “последнего дня европейского человечества”.

Поуис с прекращением войны, в которой Англия пережила тяжелую осаду, испытывает полную “эмпатию” к Достоевскому. Ему дела нет до того, что автор “Дневника писателя” проповедует новое славянофильство! До того, что Николай Бердяев и другие нашли в его произведениях предсказания о катастрофе большевизма, о коммунистических застенках! Да, большевизм смог вылиться в *шигалевщину* много хуже той, что представлял себе этот безумец Шигалев или Кириллов, играющий – в ожидании приказа о самоубийстве – беспрестанно подпрыгивающим резиновым мячиком!

Для Поуиса, и не только для него, провидец Достоевский узрел нечто гораздо худшее, чем вторжение разъяренных бандитов и анархистов во дворцы, – он слышал в себе гибельный грохот идеологий самого разного толка, видел извержение провокаций планетарного масштаба, ощущал шантаж схлестнувшихся вавилонских народов и городов, предчувствовал торговлю женщиной и всеобщее подчинение террору. Средневековый спор между реализмом и номинализмом, который в конце концов касается непосредственной действительности слов и идей в истории и жизни, исчерпан: идеи – горячка, слова – убийцы.

Что же до повествования Достоевского с его разрывами, противоречиями и пробелами, то

оно более реалистично, чем у любых Диккенсов, Бальзаков или Толстых. Ибо “кусочек мыла”, оставленный Ставрогиным на чердаке, где он повесился, единственная данная нам деталь, пробивается к сюрреальной реальности, которая гораздо красноречивее всяческого реализма.

Вернемся к определению “отзывчивости” / “эмпатии”. “Отзывчивость” Достоевского, как мне кажется, — это прежде всего эмпатия к крайностям, садомазохистская эмпатия, эмпатия *любви-ненависти*, как у современных террористов с их поясами-взрывчатками. И Достоевский делает нас соучастниками этой эмпатии / “отзывчивости”. Ставрогин в изъятой главе “Бесов” просит епископа Тихона прочесть отрывок из Откровения, где Ангелу Лаодикийской церкви велено написать такие слова: “Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тёпл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих” (Откр. 3: 14–16). Затем последует записанный им, но не законченный рассказ о его преступлении, гнусности, учиненной над маленькой девочкой.

Кто “извергнут из уст” — мы, Ставрогин, читатель “Бесов”, зритель, смотрящий по телевизору на падение башен-близнецов в Нью-Йорке, массовую бойню в Батаклане, обезумевших беженцев в Кабуле совсем недавно? Не вошла ли в нас — вместе с Достоевским — “эмпатия” / “отзывчивость” к последним крайностям, даже если мы в стороне и защищены судьбой? Конец “Бесов” прост: “Гражданин кантона Ури висел тут же за дверцей” [7, с. 516]. Эта дверца, открытая Достоевским, все чаще и чаще открывается перед нами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984.
2. *Dostoïevski F.* Journal d'un écrivain. Traduction de Gustave Aucouturier, NRF. Paris: Gallimard, 1972.
3. *Foulquié P., Saint-Jean R.* Dictionnaire de la langue philosophique. Paris: Presses universitaires de France (Vendôme, Impr. des P.U.F.), 1962.
4. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973.
5. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 4. Л.: Наука, 1972.
6. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 28. Л.: Наука, 1985.
7. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974.

REFERENCES

1. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. T. 26* [Complete Works and Letters: in 30 Vols. Vol. 26]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. (In Russ.)
2. Dostoïevski, F. Journal d'un écrivain. Traduction de Gustave Aucouturier, NRF. Paris: Gallimard, 1972. (In Russ.)
3. Foulquié, P., Saint-Jean, R. Dictionnaire de la langue philosophique. Paris: Presses universitaires de France (Vendôme, Impr. des P.U.F.), 1962. (In French)
4. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. T. 6* [Complete Works and Letters: in 30 Vols. Vol. 6]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. (In Russ.)
5. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. T. 4* [Complete Works and Letters: in 30 Vols. Vol. 4]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. (In Russ.)
6. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. T. 28* [Complete Works and Letters: in 30 Vols. Vol. 28]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. (In Russ.)
7. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. T. 10* [Complete Works and Letters: in 30 Vols. Vol. 10]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 14 октября 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 октября 2021 г.

Статья принята к публикации: 30 октября 2021 г.

Дата публикации: 31 декабря 2021 г.

Received by Editor on October 14, 2021

Revised on October 27, 2021

Accepted on October 30, 2021

Date of publication: December 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017844-1

“...Все мы нигилисты”

© 2021 г. Юлия Кристева

Доктор наук, член Британской академии,
Почетный профессор Университета Пари-7 Дени Дидро,
эспланада Пьер Видаль-Наке, 16, XIII округ Парижа, Париж, Франция
kristeva1612@gmail.com

Резюме. Автор рассматривает явление нигилизма как одну из ведущих тем романов Достоевского и утверждает, что для писателя это не только и не столько общественная язва, “болезнь века”, сколько глубинный личностный изъян, встающий на пути человека к подлинным онтологическим смыслам. Такое понимание, по мнению автора, придает творчеству Достоевского новое звучание в современном контексте, представляет собой глубокий вызов европейской и глобальной, социальной и политической истории.

Ключевые слова: Достоевский, нигилизм, нигилисты, полифонический роман, “Бесы”, глобализация, тоталитаризм.

Для цитирования: Кристева Ю. “...Все мы нигилисты” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 11–14. DOI: 10.31857/S241377150017844-1

“...We are Nihilists, All of Us”

© 2021 Julia Kristeva

Docteur d’Etat, Member of the British Academy,
Honorary Professor Emeritus of the Paris Diderot University (Denis Diderot Paris VII)
Esplanade Pierre Vidal-Naquet, 16, XIIIe Arrondissement de Paris, Paris, France
kristeva1612@gmail.com

Abstract. The speaker views nihilism as an overriding characteristic of Dostoevsky’s novels and suggests that, for Dostoevsky, nihilism is a deep personal ail holding a human being back from perceiving deep ontological truths, rather than a social ulcer or “a malady of the age”. From this angle, Dostoevsky might receive quite a new reading, challenging the European and global takes on social and political history.

Key words: Dostoevsky, nihilism, nihilists, polyphonic novel, “The Devils”, globalization, totalitarianism.

For citation: Kristeva, Ju. “...Vse my nigilisty” [“...We are Nihilists, All of Us”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 6, pp. 11–14. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017844-1

Событие, которое сегодня собрало нас вместе, бросает двойной вызов глобализированной современности. Вызов, потому что благодаря своей необычайной способности к “проникновению” Достоевский принимает на себя участь пророка нашей современности. Современности, в которой “всё дозволено”: нигилизм и священные войны, фемицид и педофилия. Вызов прежде всего

потому, что эти “откровения” возможны только через чтение, безусловной ценности которого в наши дни угрожает оцифрованное и вирусное человечество. Поэтому одна из задач гуманитария сегодня — пробудить цивилизацию от цифрового сна, по-новому “оплодотворить” ее, вернув к книге. И я благодарна юбилейным торжествам за предоставленную мне возможность сформулировать

свой вариант прочтения текстов русского пророка вокруг такой актуальной темы, как нигилизм.

Уникальный опыт чтения призывает человека обратиться к цивилизационной памяти, стираемой ускоренными темпами цифрового развития. Таким опытом представляется и феномен “русского людоеда” — исследователя закоулков европейской души, явившего миру целую галерею художественных образов, поглощающих демонов этой души.

“[...] Везде-то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил”, — писал Достоевский поэту А. Майкову (1867) [1, с. 207]. Его творчество, наполненное жизнеутверждающей искренностью вплоть до самой смерти, выводит современного человека, поглощенного сетью Интернет, из киберпространства и предлагает ему сосредоточиться на внутреннем опыте, который я считаю своего рода интимным иммунитетом. Можно сказать, что чтение Достоевского создаёт психические и культурные контрфорсы, необходимые для борьбы человечества за жизнь.

Люблю ли я Достоевского? Могу ли назвать его “писателем моей жизни”? Пожалуй, это слишком ограниченные формулировки, чтобы описать всепоглощающее ощущение обновления, которое вызывают во мне его книги; вокальный диапазон этого вихревого смысла, действия, предпринятого над воплощением Слова с большой буквы, которым является для него человеческая природа, — Слова, которое способно ранить, надоесть или превзойти нас, читателей. Неоднократно мне хотелось отрестить от Достоевского и больше никогда к нему не возвращаться, пока мне в руки не попал гениальный перевод Фёдора Михайловича на французский язык Андре Марковича.

В своей книге “Достоевский перед лицом смерти, или призрачный пол языка” [2] я показываю нового, современного Достоевского через язык его произведений. Творец и его наследие вступают в третье тысячелетие, где наконец-то “всё дозволено”. Поколение интернет-пользователей, опираясь на субъективность опыта и невиданное доселе ощущение свободы, уже не страшится ни перейти границы дозволенного, ни, по словам самого Достоевского, “доходить до последнего предела”.

Я сопровождаю писателя на эшафот, когда его приговаривают к смерти за “революционные идеи”. Я следую за ним на каторгу в Сибирь, откуда берут начало многие его метаморфозы. “Дитя неверия и сомнения”, которым он останется до конца жизни, до “гробовой крышки”

[3, с. 176], обнаружит и воссоздаст “народного Христа”, который не покинет “нового рассказчика” в “Записках из Мёртвого дома” (1860—1862) и “Записках из подполья” (1864—1865). Ученик каторжан, Достоевский-пророк предвидел возникновение тюремной матрицы тоталитарной вселенной, которая проявила себя с невиданным размахом в эпоху Холокоста и ГУЛАГа и продолжает существовать в современном мире в виде цифровой тюрьмы.

Чтобы противостоять нигилизму и его двойнику — крайнему консерватизму, которые гангреной разъедают мир без Бога и мир с Богом, Достоевский делает новую ставку на силу Слова и силу повествования — «полифонического романа» (Бахтин). Он сотворил это, ведомый православной верой в воплощённое Слово. Романы его — «христоподобны» [christiques], его вера — романистична [romanescque]. Достоевский освободил сферу чувствительного от объективации и интеллектуальности, в которых господствует западное христианство, и именно сила православия приводит романиста к самой сердцевине разрушительного пафоса, скажем — пафоса того же нигилизма, которому расколотые демократии Запада тщатся ответить.

“Нигилизм явился у нас потому, что мы *все нигилисты*. Нас только испугала новая, оригинальная форма его проявления. (Все до единого Федоры Павловичи.)”, — писал Достоевский в “предсмертной” тетради [4, с. 54]. “Комический был переполох и заботы мудрецов наших отыскать: откуда взялись нигилисты? Да они ниоткуда и не взялись, а все были с нами, в нас и при нас” (“Бесы”)” [там же].

Остановимся на этих цитатах. Кто такие “мы”? “Мы” — русские, раздираемые между Европой и Азией, которые притягивают и отталкивают друг друга, очарованные и озадаченные привычками и обычаями противоположной стороны. “Мы” — православные, готовые отдать *пафосу стихии*, жестокому надрыву страстей и жалостливому почитанию икон, — “*настоящие деревенские нигилисты*” (“Влас”, “Дневник писателя”, 1873 [5, с. 31—41]), до крайности возвышенные и оставляющие позади скучных доктринеров, преданных схоластическим радостям рассудка.

“Мы” — Федор Михайлович, у которого вызывали тошноту социалисты-позитивисты, «убежденные, что на “табула раса” они сразу же построят рай». “Мы” — бывший фурьерист, переживший смертный приговор и эшафот, который не испытывал недостатка в сочувствии к нигилистам:

разве он не считал себя бывшим нечаевцем? ("Дневник писателя", 1873).

"Мы" – не "пассивные" ли это нигилисты, в которых отказ верить или неспособность к пониманию священного порождают безразличие, убежденность в утилитарности мира, его основанности на биологическом материализме и рациональном эгоизме? Или, быть может, "активные" – вроде обыкновенного убийцы, который в грезах видит себя Наполеоном, а оказывается лишь Раскольниковым (от слова "раскол" – между старообрядчеством и официальной Православной Церковью, но не стоит ли за ним и великая схизма между католичеством и православием)? Или вроде кого-нибудь из тех "наших", членов "тайного общества революционных поджигателей, мятежников", не устоявших перед чарами Петра Верховенского или соблазненных теориями зловещего Шигалёва, вспоминающих о Парижской коммуне и ее сторонниках, сжигающих Тюильри, которых русская печать именвала "петролейщиками"?

Разрушение демократии под воздействием тоталитаризма, коричневая или красная чума, а также самые разные ультралиберальные искажения, глобализированная автоматизация умов или того, что от них осталось, – все это наследие трагикомической, доленинской программы Шигалёва. Степан Трофимович Верховенский приписывает "шигалевщине" "глубину" грядущего общества потребления: "Шекспир или сапоги, Рафаэль или петролей?" ("Бесы", 1872). Эти слова звучат в настоящем времени.

Раскольников, Ставрогин, Кириллов, Верховенский, Иван Карамазов... Великие герои Достоевского – нигилисты, атеисты, неверящие в Бога, но своим протестом утверждающие свою веру в Него. "Ты поклоняешься Святому Духу, сам того не зная", – говорит Тихон, слушая исповедь Ставрогина ("Бесы"). Кириллов совершает самоубийство "чтобы быть свободным" и "одиноким", но кричит: "Свобода, равенство, братство или смерть!" [6, с. 473]. Для Петра Верховенского очевидно, что этот "гражданин мира" "верит в Бога", "даже хуже, чем папа римский".

Православная Россия могла бы не быть колыбелью нигилизма, если бы тезис Достоевского о том, что "все мы нигилисты", не касался бы нас и – в более глубоком и универсальном смысле – "всех нас" – красноречивого человечества, "соучастника" небытия и нигилизма. С каких пор? С начала эпохи безудержного либерализма, колониализма, периода активного развития технологий? Или с начала "истории метафизики", которая "защищает нигилизм внутри себя"? Сегодня

письмо Достоевского представляет собой глубокий вызов социальной и политической, европейской и всеобщей истории.

Романы Достоевского – это романы мысли, которые возвышают словесное выражение до предельной многогранности. Нет другого способа (говорит писатель по существу), кроме полифонии текста, чтобы проникнуть в "подполье" нигилизма. Только таким образом можно передать то загадочное наслаждение, которое испытывает Достоевский и которое позволяет нам оставить нигилизм за спиной.

Я уже предвижу вопрос: какое отношение имеет современный интернет-пользователь к этим сумасшедшим нигилистам, Раскольникову и Ставрогину; к святому князю Мышкину с его двойником, разъяренным Рогожиным; к четырем братьям Карамазовым? Но и в наши дни самым радикальным злом из всех мыслимых преступлений остается сексуальное насилие и убийство ребенка: сон Свидригайлова, исповедь Ставрогина – оно преследует самого Достоевского... Между жестокостью и милостью нет иного прощения за преступления, кроме бесконечного его описания.

Поэтому открывайте книги Достоевского и вслушивайтесь. Когда же наконец будет "все дозволено" и у вас не останется больше ни скорби, ни страданий – лишь тревожность, не останется желаний – лишь потребительская лихорадка, не останется удовольствий – лишь быстрое облегчение от множества приложений, а вместо друзей – френды и лайки, когда вы потеряете способность выражаться в почти прустинских фразах "одержимых" Достоевского, но станете опустошать себя в обуюнности кликами и селфи? Что ж, вы входите в резонанс с изнурительными полифониями "святого Досто", который уже предсказал потоки смс, твитов и Instagram, порнографию, протестные движения против педофилии, флешмобы типа #MeToo и нигилистические войны – под видом войн "священных".

Является ли Достоевский нашим современником? Ни больше ни меньше, чем fuga для струнного квартета и симфония с хором Бетховена. Или наследие Шекспира. Или "Комедия" Данте. Дерзкие вызовы в эпоху безвременья.

Переведенный, наверно, на все возможные языки (существует 16 вариантов перевода "Преступления и наказания" только на китайский!), "русский гигант" призывает нас к переосмыслению романа, философии и свободомыслия в Европе и во всем мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 28. Кн. 2. Л.: Наука, 1985.
2. *Kristeva, Julia.* Dostoïevski face à la mort ou le sexe hanté du langage. Paris, Fayard, 2021. 408 p.
3. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 28. Кн. 1. Л.: Наука, 1985.
4. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 27. Л.: Наука, 1984.
5. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 21. Л.: Наука, 1980.
6. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 10. Л.: Наука, 1974.

REFERENCES

1. Dostoevskiy, F.M. *Pisma. 118. A.N. Majkov. 16 (28) avgusta 1867. Zheneva* [Letters. 118. To A.N. Majkov.

August 16 (28), 1867. Genève]. Dostoevskiy, F.M. *Sobranie sochinenij v 15 tomah* [Collected Works in 15 Vols.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. Vol. 15, p. 314. (In Russ.)

2. Kristeva, Julia. Dostoïevski face à la mort ou le sexe hanté du langage. Paris, Fayard, 2021. 408 p. (In French)

3. Dostoevskiy, F.M. *Pisma. 39. N.D. Fonvizinoj. Konec yanvarya – 20-e chisla fevralya 1854. Omsk* [Letters. 118. To N.D. Fonvizina. The End of January – the 20th of February, 1854. Omsk]. Dostoevskiy, F.M. *Sobranie sochinenij v 15 tomah* [Collected Works in 15 Vols.]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. Vol. 15, p. 96. (In Russ.)

4. *Biografiya, pisma i zametki iz zapisnoj knizhki* [Biography, Letters and Notews from the Notebook]. Dostoevskiy, F.M. *PSS. T. 1* [Complete Works. Vol. 1]. St. Petersburg, 1883, p. 370 (The 2nd Pagation). (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 14 октября 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 октября 2021 г.

Статья принята к публикации: 30 октября 2021 г.

Дата публикации: 31 декабря 2021 г.

Received by Editor on October 14, 2021

Revised on October 27, 2021

Accepted on October 30, 2021

Date of publication: December 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017845-2

Достоевский, или “Писатель, который изменил человека...”

© 2021 г. В. В. Полонский

Доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН,
ученый Янцзы (Сычуаньский университет, Китай),
директор Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
v.polonski@mail.ru

Резюме. В работе демонстрируется уникальная роль Достоевского как создателя художественной антропологии тотального кризиса в мировой культуре XIX–XXI вв. Обозреваются отклики на творчество писателя в диапазоне от критики и публицистики Зигмунда Фрейда, Томаса Манна и Германа Гессе до дискуссий о нем в Парижской Франко-русской студии 1929–1931 гг. Особенное внимание уделяется контекстам рецепции Достоевского, заданным мировыми войнами и эстетическими парадигмами экспрессионизма, авангарда, экзистенциализма.

Ключевые слова: Достоевский, кризис, художественная антропология, рецепция, литература и мировые войны.

Для цитирования: Полонский В.В. Достоевский, или “Писатель, который изменил человека...” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 15–19. DOI: 10.31857/S241377150017845-2

Dostoevsky, or “the Writer Who Reformed a Human Being...”

© 2021 Vadim V. Polonsky

Doct. Sci. (Philol.),
Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences,
Chang Jiang Scholar (Sichuan University, China),
Director of A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS,
25a Povarskaya St., Moscow, 121069, Russia
v.polonski@mail.ru

Abstract. The author emphasizes the unique role of Dostoevsky as a founding father of artistic anthropology of the total crisis of world culture in 19th–21st centuries. There is offered a survey of responses to Dostoevsky’s writings, ranging from critique and opinion pieces by Sigmund Freud, Thomas Mann, and Hermann Hesse to debates about the writer by the members of Le Studio Franco-Russe, which used to gather in 1929–1931, in Paris. Special attention is paid to the contexts of Dostoevsky’s reception set by the world wars and aesthetic paradigms of Expressionism, Avant-garde, Existentialism.

Key words: Dostoevsky, crisis, artistic anthropology, reception, literature and world wars.

For citation: Polonsky, V.V. *Dostoevskij, ili “Pisatel, kotoryj izmenil cheloveka...”* [Dostoevsky, or “the Writer Who Reformed a Human Being...”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 6, pp. 15–19. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017845-2

200-летие Достоевского — необычный, “трудный” юбилей. Трудность его связана с тем, что сама фигура этого писателя вырывается из тисков стереотипов юбилейного жанра. Как мало кто в мировой культуре, Достоевский не поддается “монументализации”, превращению в парадный бюст на аллее классической литературной славы. Его лихорадочное послание — спасительное и мучительное — не только оставило свой след едва ли не на всей мировой литературе и культуре последних 140 лет. Оно еще и пронзительно современно. Так что “casus Достоевский” — убедительное свидетельство в пользу тезиса о том, что подлинная классика в сущности всегда злободневна. И Катулл актуальнее новостей с ленты информагентств.

18 декабря 1929 г. в парижском Социальном музее произошло значимое в перспективе интересующей нас темы событие. На заседании Франко-русской студии — важной площадки диалога между ведущими интеллектуалами двух культурных традиций, российской (представленной, естественно, эмиграцией) и французской, обсуждавших здесь с 1929 по 1931 г. наиболее жгучие для обеих сторон сюжеты, — главным предметом разговора стал Достоевский. Не менее символически значимы оказались фокус и масштаб восприятия его фигуры, величина аксиологических ставок, в общем-то шокирующая, заданные уже в начальной части первого доклада о Достоевском, с каким выступил Кирилл Зайцев, тогдашний известный публицист и главный редактор еженедельника “Россия и славянство”.

Зайцев бросает радикально провокативный и пленительно притязательный тезис: Достоевский стал первым в мире за века писателем, кто оказался по-настоящему способен изменить человека. Никому до него это не удавалось. Даже самым великим, даже Шекспиру, которого автор “Бесов” в черновиках к роману именуется “пророком, посланным Богом, чтобы возвестить нам тайну о человеке” [1, с. 239]; “Человек, испытавший влияние Шекспира, не становится иным. Есть лишь один единственный писатель, за которым можно признать подобное влияние на душу человеческую. Это — Достоевский” [2, с. 92].

Причем влияние его — отнюдь не радостная благодать, а страшный, испепеляющий, воскрешающий через пагубу инициатический огонь, исходящий из пространства духовных экстремумов, где происходит вечная мистериальная битва Добра и Зла — единственный метасюжет Достоевского, титана, восставшего на Создателя, невиданного из богоборцев мировой литературы,

Иакова, обращенного в Израиля по исходу битвы с Богом. Зайцев решается на пронзительную формулу, бросая в зал: “Достоевский — Сатана, обращенный и простертый ниц пред ликом Христовым” (Dostoïevski est le Satan converti et prosterné devant l’image du Christ) [2, с. 93].

А потому-то, по мысли диспутанта, “если вам доведется погрузить свой взгляд, пусть лишь на мгновение, в бездну, в небытие Достоевского, вы испытаете незабываемое потрясение, следы которого нестираемы. Вы отравлены Достоевским на всю жизнь. Вы можете победить Достоевского. И коль хотите жить, Вы должны победить Достоевского. И он сам укажет вам путь к победе. В любом случае более вы не тот человек, каким были прежде” [2, с. 92].

Мировой культурный ландшафт Достоевский изменил точно, представив свой опыт гениальных конвульсий кризисного сознания в поисках искупления ключом к построению и глубинной дешифровке новой парадигмы тотального кризиса — эпохи великих катаклизмов, революций, мировых войн, крушения традиций и человеческой идентификации в мире, возгласившем собственную обезбоженность.

В Достоевском еще на рубеже XIX–XX вв. мир увидел того, кто предложил антропологическую модель, адекватную транснациональному драматическому опыту. Русский писатель — портретист подпольного сознания — вплоть до наших дней будет изумлять потомков бесстрашно взрытыми копиями иррационального, бес- и подсознательного. Неслучайно его присутствие на протяжении более чем столетия окажется неотменимым практически во всех сферах мировой культуры, где сказывается безмерно расширившееся представление о постклассическом человеке с его психической амплитудой от серафического до чудовищного.

Более чем закономерно, что Зигмунд Фрейд признавал ключевое влияние, оказанное на него и целый ряд его концептуальных положений чтением — на протяжении десятилетий — Достоевского. Роман “Братья Карамазовы” венский доктор неоднократно называл величайшим из когда-либо созданных в мировой литературе. А в 1928 г. опубликовал свой знаменитый очерк “Достоевский и отцеубийство” (“Dostojewski und die Vätertötung”), написанный по предложению М. Эйтингона в качестве предисловия к немецкому изданию “Карамазовых”¹.

¹ См. также: [8, с. 590]; [9].

Подобная универсализация взгляда на Достоевского как носителя откровения о кризисном человеке на протяжении XX века идет в параллель важнейшим философским влияниям и историческим катаклизмам эпохи. В 1900-е годы его восприятие на Западе резонирует с влиянием Анри Бергсона, концепцией "жизненного порыва", интуитивизмом и витализмом, сметавшим былую картезианскую рациональную картину мира. К середине 1910-х и на Западе, и в России формируются авангардные художественные системы, которые сейсмографируют антропологический кризис как следствие катастрофических толчков истории — прежде всего травм Первой мировой войны, русской революции и ее следствий на Западе. И для экспрессионизма — интегрального направления и стиля этой эпохи, — и для дадаизма, и для сюрреализма, и для многих иных авангардных феноменов, откликающихся на парадигму кризиса, Достоевский — сильнейший магнит.

Именно в этом своем качестве он оказывается для очень многих уникальным, ни с кем не сравнимым выразителем самого духа трагических переломов истории. Неслучайно Томас Манн в своей страстной, мутной и глубокой книге "Размышления аполитичного" ("Betrachtungen eines Unpolitischen", 1918), которая выросла из крови и пепла Первой мировой войны, в сущности, представляет Достоевского — писателя воюющего с Германией народа, да еще и слывшего "националистом" — своим "альтер эго", собратом, помогающим перенести немцу-традиционалисту-интеллектуалу фрустрацию поражения. И даже противопоставляет России, где Достоевский дескать "забыт", его невиданную популярность в переживающей военный разгром и брожение духа Германии, где "юные художники <...> сегодня, как мало кому, преданы великому провозвестнику души" — русскому романисту [3, с. 489].

Сказанное Томасом Манном как будто подхватывает другой великий немец — Герман Гессе — в эссе послевоенного 1919 г. под символически значимым заглавием "Братья Карамазовы, или Закат Европы". Это заглавие, по сути, превращает в нарицательную формулу сопряжение имени Достоевского с книгой Освальда Шпенглера, которая послужила историософским обоснованием эпохальному диагнозу: упадку и кризису западной цивилизации.

Гессе начинает с красноречивой концептуальной констатации: «В произведениях Достоевского, а всего сильнее в "Братьях Карамазовых" с невероятной отчетливостью выражено

и предвосхищено то, что я называю "Закатом Европы". В том факте, что именно в Достоевском — не в Гёте и даже не в Ницше — европейская, в особенности немецкая, молодежь видит теперь своего величайшего писателя, я нахожу что-то судьбоносное. Стоит лишь бросить взгляд на новейшую литературу, как всюду замечаешь переключку с Достоевским, пусть и на уровне простых и наивных подражаний. Идеал Карамазовых, этот древний, азиатски оккультный идеал начинает становиться европейским, начинает пожирать дух Европы. В этом я и вижу закат Европы. А в нем — возвращение к праматери, возвращение в Азию, к источникам всего, к фаустовским "матерям", и, разумеется, как всякая смерть на земле, этот закат поведет к новому рождению. Как закат этот процесс воспринимаем только мы, современники его [...]» [4, с. 37].

Представителя старой европейской культуры настораживает и, в сущности, ужасает революционный заряд духовидческих полетов русского писателя, лихо сметающих опоры и "строительные леса" классической западной морали и этики и их самодостаточности.

Гессе вопрошает и отвечает: «Но что же это за "азиатский" идеал, который я нахожу у Достоевского и о котором думаю, что он намерен завоевать Европу?»

Это, коротко говоря, отказ от всякой нормативной этики и морали в пользу некоего *всепонимания, всеприятия* (курсив мой — В.П.), некоей новой, опасной и жуткой святости, как возвещает о ней старец Зосима, как живет ею Алеша, как с максимальной отчетливостью формулируют ее Дмитрий и особенно Иван Карамазов

[...] "новый идеал", угрожающий самому существованию европейского духа, представляется совершенно аморальным образом мышления и чувствования, способностью прозревать божественное, необходимое, судьбинное и в зле, и в безобразии, способностью чтить и благословлять их».

Так являет себя, по логике Гессе, коллективный Карамазов — русский человек, но при этом уже и универсальный, завоевавший как минимум Запад, "приближающийся человек европейского кризиса" [4, с. 39].

Велик соблазн соотнести "всепонимание" и "всеприятие" из этой цитаты — равно как и "русского человека" в его универсалистской проекции по Гессе — с категорией "всемирной отзывчивости" из знаменитой Пушкинской речи

Достоевского. Но пока воздержимся от смелых и рискованных выводов из этого соотнесения...

Достоевский провоцировал, преображал и перерождал — пугая и изумляя. Причем уже с начальной поры своего выхода к мировому читателю. Показательна та ошеломленная насто-роженность, с какой оцениваются его мистиче-ские прозрения, попирающие все мыслимые кон-венции “высокого” искусства, варварские с точки зрения классического латинского эстетического императива, Мельхиором де Вогиюэ в знаменитой книге 1886 г. “Русский роман”, знаменующей на-чало победного шествия нашей словесности в Ев-ропе. Вслед за ним дистанцироваться от Досто-евского спешит и датский критик Георг Брандес, для которого русский писатель — “настоящий скиф, истинный варвар без единой капли клас-сической крови” [5, с. 3].

За десятилетия способность Достоевского пу-гать, провоцировать и сводить с ума западного читателя лишь отстаивалась и крепла. Частное, но характерное тому свидетельство мы встречаем в статье известного французского критика меж-военной поры Андре Руссо в газете “Кандид”, посвященной выходу в 1931 г. первой франко-язычной биографии Достоевского, написанной русским эмигрантом и литератором-франкофо-ном Андре Левинсоном [6]. Один из своих вопро-сов автору книги Руссо предваряет таким рас-суждением: «Гений Достоевского меня возмущает более, чем притягивает. Полное издание “Братьев Карамазовых” я держу, как дикого зверя в клетке, запертым в книжном шкафу, поскольку знаю, что стоит лишь мне открыть эту inferнальную кни-гу, как я сразу же брошу ее на стол и убегу, схва-тившись за голову, дабы убедиться, что я не су-масшедший, что существует еще чистый воздух, каким можно дышать под благосклонным небом, что, наконец, мир еще возможен» [7].

Мучительная невыносимость Достоевского предстает обратной и неизбежной стороной его победительно пленяющих мистериальных от-кровений. В мировой критике рубежа столетий и первой половины XX в. его фигура помещается в один ряд не с чистыми писателями, а с мысли-телями — зачинателями новых духовных путей и диагностами эпохальных кризисных сломов. Чаще всего вместе с Платоном, открывающим великую традицию европейского идеализма, Па-скалем, отцом глубинной религиозной рефлексии больного, парадоксального сознания на пороге нового времени, и Ницше, глашатаем трагики сверхчеловеческого.

Примечательно, что, случайно познакомившись с Достоевским в 1887 г. по французскому изданию “L’Esprit souterrain” (“Подпольный дух”) — вольной компиляции “Хозяйки” и “Записок из подполья”, Ницше почувствовал глубокое психологическое родство с героем-парадоксалистом Достоевского. Есть основания предполагать, что понятия “воли к власти”, “ресентимента”, “нигилизма” были сформулированы германским философом в напря-женном диалоге с его русским собратом-писателем. Так рождается одна из классических тем компара-тивистики “Достоевский и Ницше”, которую сло-вами одного из героев этой коллизии можно на-звать “битвой Диониса против Распятого”.

Ближе ко Второй мировой войне и — особен-но — после нее, как результат принесенного ею трагического опыта, воздействие Достоевского оказывается корневым для философии и лите-ратуры западного экзистенциализма. Причем не только для французов, которые формиро-вали эту философскую концепцию (Маритен, Камю, Сартр, Мальро...) и риторизировали такие понятия, как “свобода”, “существование”, “по-кинутость”, “предельная ситуация”, в плотном соотнесении с тезаурусом Достоевского. Ком-плекс “психологического подполья” оказывает радирующее воздействие и на экзистенциальные поиски американской литературы второй полови-ны XX в. (да и вплоть до наших дней). Он вошел в ее обиход, стал одним из культурных архети-пов. Отсылки к “подпольному человеку” и иным “достоевизмам” мы встречаем и у Сола Беллоу, и у Дж. Сэлинджера, и у Джека Керуака, и у Энто-ни Бёрджесса, и у Брета Истона Эллиса, и у Пер-си Уокера, и у Дэвида Фостера Уоллеса.

Таким образом, Достоевский — ключевой эле-мент кода и всей европейской традиции религиоз-ной рефлексии, и эпохи великого культурного сло-ма рубежа веков и XX столетия. И в этом качестве мимо него не мог пройти практически никто из тех больших мировых художников, кто так или иначе нес в себе этот слом. Пожалуй, по степени своей контагиозности, способности инфицировать сво-им опытом художественные миры, Достоевский действительно уникален. Похоже, Кирилл Зайцев был прав. Ведь даже те, кто сознательно и последо-вательно автора “Карамазовых” отвергал и бросал ему вызов, оказывались уже в силу неотвязной по-требности этой борьбы глубоко от него зависимы и отчасти даже им поработаны. Таких в общем мно-го — от Бунина до Набокова и Джозефа Конрада.

Но несравнимо больше тех, кто принял его влияние так или иначе добровольно — от Андре Жида, Альбера Камю, Верфеля, Дёблина, Рильке,

Дж. Фаулза, А. Мердок или Альберто Моравия на Западе Европы до Акутагавы Рюноскэ и Акиры Куросавы на Востоке Азии.

Выступая незадолго до смерти, в 1880 г., на торжественном собрании по случаю открытия памятника Пушкину в Москве, Достоевский произнес знаменитые слова, вынесенные в заглавие нашего круглого стола, — о “всемирной отзывчивости” как главной черте русского человека, который утверждает себя через открытость вовне, другому, через способность понимать *иное* и *иных*, способность в них растворяться. Но писатель подчеркивал, что связывает эти слова с будущим, с той миссией своего народа, которой надлежит реализоваться в грядущем. Насколько будущее оправдало или оправдает эти ожидания романиста — вопрос слишком большой и сложный, чтобы на нем останавливаться сейчас. Довольствуемся же признанием очевидного: послание Достоевского несет в себе такую мощь, что культура просто не может не реагировать на него “всемирной отзывчивостью”.

Иными словами, применительно к Достоевскому “всемирная отзывчивость” — это еще и неизбежность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 11. Л.: Наука, 1974. [Dostoevsky, F.M.

Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. T. 11 [Complete Works and Letters: in 30 Vols. Vol. 11]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. (In Russ.).

2. Le Studio Franco-Russe. Textes réunis et présentés par L. Livak. Sous la rédaction de G. Tassis. Toronto: Toronto Slavic library, 2005. (In French)

3. *Манн Т.* Размышления аполитичного. М.: АСТ, 2015. [Mann, Th. *Razmyshleniya apolitichnogo* [Reflections of the Apolitical]. Moscow, AST Publ., 2015. (In Russ.).]

4. *Гессе Г.* Магия книги: эссе о литературе. СПб.: Лимбус Пресс, 2018. [Hesse, H. *Magiya knigi: esse o literature* [Book Magic: Essays on Literature]. St. Petersburg, Limbus Press Publ., 2018. (In Russ.).]

5. *Brandes G. F.M.* Dostojewski. Berlin: Marquardt, 1889. (In German)

6. *Levinson A.* La vie pathétique de Dostoïevsky. Paris: Plon, 1931. (In French)

7. *Rousseaux A.* Un quart d’heure avec M. André Levinson. *Candide*, 02.04.1931. P. 3. (In French)

8. *Jones, Ernest.* The Life and Work of Sigmund Freud. London: Penguin, 1964.

9. *Vladiv-Glover, Slobodanka.* Dostoyevsky, Freud and Parricide; Deconstructive Notes on “The Brothers Karamazov”. *New Zealand Slavonic Journal*. 1993. P. 8–12.

Дата поступления материала в редакцию: 14 октября 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 октября 2021 г.

Статья принята к публикации: 30 октября 2021 г.

Дата публикации: 31 декабря 2021 г.

Received by Editor on October 14, 2021

Revised on October 27, 2021

Accepted on October 30, 2021

Date of publication: December 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017809-2

Спор между “отцами” и “детьми” в романе Ф. М. Достоевского “Бесы” в историко-литературном и текстологическом аспектах

© 2021 г. К. А. Баршт

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
199034, Санкт-Петербург, наб. адм. Макарова, д. 4
konstantin_barsht@pushdom.ru

Резюме. В статье предлагается изучение диалога между старшим и младшим поколениями русских людей конца 1860-х годов, лежащего в основании сюжета романа Ф.М. Достоевского “Бесы”, в связи с конкретными записями споров между “идеалистом” 1840-х годов Степаном Трофимовичем Верховенским (псевдоним “Грановский” в рукописях к роману) и его сыном Петром Степановичем, организатором подпольного революционного кружка в городе N. Исследуется ряд записей, связанных с историей взаимоотношений этих двух персонажей в подготовительных материалах к этому произведению. Критически анализируются версии прочтения, предложенные в Полном собрании сочинений писателя в 30 т. (т. 11, Л., 1974) и более раннем издании тетрадей Достоевского, подготовленном Е.Н. Коншиной (1935 г.). На основе текстологической обработки этих записей предложены новые версии прочтений рукописных текстов, исправляющих ошибки. Проводится исследование особенностей словоупотребления в творческом наследии Достоевского ряда лексем, связанных с рассматриваемыми фрагментами рукописи, анализируются семантика и контекстуальные связи слов и выражений, входящих в круг значений рассматриваемых текстов (“шут”, “тут” и “шум”).

Благодарность: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00263 «Комплексная автоматизированная база данных “Объединенный цифровой архив рукописей Ф.М. Достоевского”».

Ключевые слова: Роман Ф.М. Достоевского “Бесы”, “Отцы и дети” И.С. Тургенева, Т.Н. Грановский, С.Г. Нечаев, “нигилисты”, текстология, новые прочтения рукописи.

Для цитирования: Баршт К.А. Спор между “отцами” и “детьми” в романе Ф.М. Достоевского “Бесы” в историко-литературном и текстологическом аспектах // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 20–29. DOI: 10.31857/S241377150017809-2

The Dispute between “Fathers” and “Children” in F.M. Dostoevsky’s Novel “The Possessed” in Historical, Literary and Textual Aspects

© 2021 Konstantin A. Barsht

Doct. Sci. (Philol.),
Professor, Leading Researcher at the
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
4 Admiral Makarov Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
konstantin_barsht@pushdom.ru

Abstract. The article offers a study of the dialogue between the older and younger generations of Russian people of the late 1860s, which informs the plot of F.M. Dostoevsky’s novel “The Possessed” in connection with factual records of disputes between an “idealist” of the 1840s – Stepan Trofimovich Verkhovensky (pseudonym “Granovsky” in the manuscripts of the novel) – and his son Pyotr Stepanovich, the organizer of an underground revolutionary circle in the city of N. The article examines a number of records related to the history of the relationship between these two characters in the preparatory materials for the work. The interpretive versions of these texts proposed in the Complete Works of Dostoevsky in 30 volumes (vol. 11, L., 1974) and an earlier edition of Dostoevsky’s notebooks prepared by E.N. Konshina (1935) are critically evaluated. Our scrupulous study of these handwritten texts results in a new textual interpretation correcting previous erroneous readings. The article focuses on the specifics of Dostoevsky’s word usage, particularly on those lexemes from his artistic heritage which are associated with the studied fragments of the manuscript; the semantics and contextual connections of words and expressions invested with meanings within the texts in question (e.g. ‘fool’, ‘here’, and ‘noise’) are analyzed.

Acknowledgements: The work was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 18-18-00263 “Integrated automated database ‘United Digital Archive of F.M. Dostoevsky’s manuscripts’”.

Key words: F.M. Dostoevsky’s novel “The Possessed”, “Fathers and Children” by I.S. Turgenev, T.N. Granovsky, S.G. Nechaev, “Nihilists”, textual studies, new readings of the manuscript.

For citation: Barsht, K.A. *Spor mezhdu “otcami” i “detmi” v romane F.M. Dostoevskogo “Besy” v istoriko-literaturnom i tekstologicheskom aspektah* [The Dispute between “Fathers” and “Children” in F. M. Dostoevsky’s Novel “The Possessed” in Historical, Literary and Textual Aspects]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 6, pp. 20–29. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017809-2

В записных тетрадях к роману “Бесы” Достоевский, разрабатывая сюжет и корпус персонажей своего произведения, опирался на творческий диалог с И.С. Тургеневым, пытаясь создать полемический ответ на его роман “Отцы и дети” – о либералах-гегельянцах 1840-х годов во главе с В.Г. Белинским и их идеологическом потомстве, нигилистах 1860-х, заменивших в своих умах Гегеля на Ч. Дарвина, Г. Бюхнера и Я. Молешотта, о преемственности поколений и непримиримой вражде между ними [1, с. 131–154]. На фоне развиваемой Достоевским идеологии почвенничества, в основе которой предполагалось установить русскую культуру на традиционную для нее культурную и религиозную почву, одновременно с этим – жизнь каждого человека на базовую основу его реального существования (“вековечный вопрос” о смысле его жизни), и “отцы” с их идеальными оторванными от жизни мечтаниями, и “дети” с их категорическим требованием “все разрушить”, так как любой хаос лучше того, что есть, были, по мнению Достоевского, одинаково далеки от правды и верного пути к преодолению “раскола” в русском обществе, главной беды отечественной истории, согласно мнению писателя. В романе “Бесы” общественно-политический конфликт между “отцами” и “детьми” буквализируется, переносится на уровень семейного скандала; центром противостояния оказывается семья Верховенских – философ и публицист

Степан Трофимович, на первоначальной стадии работы над произведением имевший рабочий псевдоним “Грановский”, в связи с его основным прототипом, историком, профессором Московского университета Т.Н. Грановским (1813–1855), и его сын Петр, обозначенный в рукописях псевдонимами “Студент” или “Нечаев”, в связи с его основным прототипом, С.Г. Нечаевым (1847–1882), руководителем революционного кружка “Народная расправа” [2, с. 164–184]. Сам писатель считал, что написал нечто вроде историко-политической притчи; окончив свое произведение, он преподнес экземпляр книжного издания наследнику престола А.А. Романову, со словами, проясняющими художественную задачу: “Это – почти исторический этюд, которым я желал объяснить возможность в нашем странном обществе таких чудовищных явлений, как нечаевское преступление. <...> Эти явления – прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни” [3, 29], с. 260].

Помимо отца и сына Верховенских, конфликт “отцов” и “детей” в романе “Бесы” реализуется также на уровне противостояния, с одной стороны, Варвары Степановны Ставрогиной, губернатора фон Лембке и “великого писателя” Кармазинова, с другой – Николая Ставрогина, Липутина, Виргинского, Лямшина, Шигалева и других “наших”, составляющих круг “новых людей” в городе N.

Согласно мысли писателя, русские западники 1840-х годов во главе с В.Г. Белинским породили в конечном итоге ужас нигилизма 1860–1870-х, который в следующем поколении, продолжая ту же логику, перешел затем к “внукам”, порождая кровавые революционные события начала XX в., реализующие планы Петра Верховенского и Шигалева, что предвидел и чего опасался Достоевский.

Для писателя этот вопрос был важнейшим в силу того, что увлеченные материалистическими концепциями Бюхнера и Молешотта, теорией эволюции Дарвина, идеями прагматизма и утилитаризма, они “выволакивали на улицу” научные концепции, начиная их эксплуатировать как социально-политическое доктрины и требуя революционных изменений в общественном устройстве. Увлеченность нигилистов идеей “социального дарвинизма”, по Достоевскому, обещала в будущем трагические события в стране, и он решил противостоять этой перспективе с помощью нового романа, названного достаточно прозрачно – “Бесы”.

В этом произведении противостояние между либералами старшего поколения и либералами новой формации проходит одновременно по двум направлениям: в социальной жизни, где нигилисты совершают святотатство в церкви или убийства, и на уровне семейном. Петр Степанович Верховенский позиционирует себя как представителя русской секции Интернационала, организует революционную “пятерку” и идет по стопам своего основного прототипа, Сергея Геннадьевича Нечаева, руководителя подпольной организации “Топор, или Народная расправа”, совершая убийство. В рукописях к роману отец и сын Верховенские постоянно пикируются, обмениваясь колкими репликами: сын с презрением относится к своему отцу, издеваясь над его странным положением “как бы приживальщика” – Степан Трофимович живет на пансион, который ему выделила богатая помещица Варвара Петровна Ставрогина. Следует отметить, что такого рода мезальянсы не были редкостью в России середины XIX в., известны случаи частного спонсорства по отношению к писателям, философам, художникам со стороны богатых сограждан, это в целом не считалось чем-то зазорным.

Однако в среде нигилистов любая попытка обратиться к какому-либо денежному мешку считалась позором. Превалировала этика заработка своим трудом, и поскольку, как установил в своей нашумевшей книге В.В. Берви-Флеровский, в России “нет пролетариата” [4], двое героев

“Бесов”, Кириллов и Шатов, отправились в США, чтобы на собственной шкуре почувствовать, что такое быть поденным рабочим. Положение Степана Трофимовича, которому наряды и даже цвет галстука выбирает Варвара Степановна, выглядит в глазах “Студента” (будущего Петра Верховенского) позором, который не ощущает его отец, но которого стыдится его сын. Следует отметить, что “Студент” ранних редакций “Бесов” существенно отличается от персонажа, в которого он превратился в окончательной версии романа, Петра Степановича Верховенского, “социалиста-мошенника”. Из всех свойств “Студента” в нем осталось одно только качество – беспардонность в оценках, которые он выдает в глаза своим собеседникам, не считаясь ни с правилами вежливости, ни с опасением кого-то обидеть, в то время как честность и прямота первого оказались заменены на хитрость и склонность к интригам второго. Следует отметить, что эта мутация одного из главных героев “Бесов” в его моральной деградации происходила весь 1870 год, от искреннего и честного юноши, без остатка поглощенного социалистической идеологией, к откровенному проходимцу и жулику Петру Верховенскому. Но “студент-нигилист” первых редакций романа являл собой нечто весьма похожее на хорошо известного Достоевскому молодого критика и одного из лидеров “нигилизма” Виктора Петровича Буренина, который издевался над “почвеннической” идеологией Достоевского ничуть не меньше, чем “Студент” над своим отцом [5, с. 112–123].

Одна из причин обращения, казалось бы, безобидной философской мысли в монстра, жаждущего крови, Достоевскому виделась в психологическом отталкивании требовательных молодых людей от кажущейся им затхлой рутинной взглядов предшествующего поколения. Другой причиной такого перехода писатель считал традиционный психологический срыв русского общественного деятеля, стремящегося к “правде”, к грубости и цинизму. В “Дневнике писателя” он так объясняет суть такого рода перемены: «Но когда наш русский идеалист, заведомый идеалист, знающий, что все его и считают лишь за идеалиста, так сказать, “патентованным” проповедником “прекрасного и высокого”, вдруг по какому-нибудь случаю увидит необходимость подать или заявить свое мнение в каком-нибудь деле <...> то вдруг обращается весь, каким-то чудом, не только в завзятого реалиста и прозаика, но даже в циника. Мало того: цинизмом-то, прозой-то этой он, главное, и гордится. Подает мнение и сам чуть не щелкает себе языком. Идеалы побоку, идеалы вздор, поэзия, стихи; наместо них одна “реальная

правда”, но вместо реальной правды всегда пересолит до цинизма. В цинизме-то и ищет ее, в цинизме-то и предполагает ее. Чем грубее, чем суше, чем бессердечнее, тем, по-его, и реальнее» [3, 23, с. 64]. В основе этого синдрома, считал Достоевский, лежит свойственное национальной ментальности затаенное “глубоко внутреннее неуважение к себе”, которого не избежал, по мнению писателя, ни один русский человек, включая выдающихся, лучших представителей страны, “таких людей, как Пушкин и Грановский” [3, 23, с. 64–65]. В “Былом и думах” А.И. Герцен уточняет проявление этого синдрома в молодом поколении 1860-х годов: «С одной стороны, реакция против старого, узкого, давившего мира должна была бросить молодое поколение в антагонизм и всяческое отрицание враждебной среды — тут нечего искать ни меры, ни справедливости. Напротив, тут делается назло, тут делается в отместку. “Вы лицемеры — мы будем циниками; вы были нравственны на словах — мы будем на словах злодеями; вы были учтивы с высшими и грубы с низшими — мы будем грубы со всеми; вы кланяетесь, не уважая, — мы будем толкаться, не извиняясь; у вас чувство достоинства было в одном приличии и внешней чести — мы за честь себе поставим поправление всех приличий и презрение всех points d’honneur’ов» [6, с. 351]. Эту же мысль Герцен повторяет в статье “Еще раз о Базарове”, опубликованной в “Полярной звезде” [7, с. 141–160], по его мнению, Д.И. Писарев в Базарове “узнал себя и своих” [7, с. 141]. Основное свойство нигилистов, по Герцену, — отсутствие каких-либо “регуляторов” в психической и умственной деятельности: “Впереди никакой высокой цели, в уме никакого высокого помысла и при всем этом силы огромные” [7, с. 143]. Именно Писарев, пишет Герцен, впервые представил “генеалогическое дерево Базарова: Онегины и Печорины родили Рудиных и Бельтовых, Рудины и Бельтовы — Базарова” [7, с. 144]. Писарев, поставив перед собой задачу “проследить <...> историческое происхождение” Базарова, обнаруживает его родственное отношение к предшественникам, “разным Онегиным, Печориным, Рудиным, Бельтовым и другим литературным типам, в которых, в прошлые десятилетия, молодое поколение узнавало черты своей умственной физиономии” [8, с. 15]. Однако, пишет далее Герцен, если нигилисты узнавали себя в Базарове, то “мы вовсе не узнаем себя в Кирсановых, так как не узнавали себя ни в Маниловых, ни в Собакевичах, несмотря на то, что Маниловы и Собакевичи существовали сплошь да рядом...” [6, с. 146].

Причиной, породившей несколько поколений русских оппозиционеров на протяжении всего XIX в., Герцен называет “канцелярскую форму” существования страны, которая заменяет практические шаги по переустройству жизни на бюрократический бумагообмен, из чего и “развились статская и военная аракчеевщина. Всякое личное индивидуальное проявление, отступление — считалось непокорством и возбуждало преследования и беспрерывные придирки” [7, с. 153]. По мнению Герцена, именно правительство с его пристрастием к жесткому и тупому администрированию привело общество к тому, что разные поколения лучших русских людей оказались связаны не нормами христианской этики, а “красными нитками” [7, с. 148]. Таким образом, идея об “отцах и детях” русской политической жизни, центральный сюжетобразующий мотив “Бесов”, принадлежит Д.И. Писареву и А.И. Герцену в не меньшей степени, чем И.С. Тургеневу, которого принято считать основным источником этой мысли, заложенной Достоевским в его роман. “Декабристы — наши великие отцы, Базаровы — наши блудные дети”, — писал один из самых ярких “людей 1840-х годов” А.И. Герцен [7, с. 155], одновременно с этим обвиняя в принадлежности к идеологии нигилизма самого Достоевского: «Когда петрашевцы пошли на каторжную работу за то, что “хотели ниспровергнуть все божеские и человеческие законы и разрушить основы общества”, как говорит сентенция, выкрадывая выражения из инквизиторской записки Липранди¹, — они были нигилистами» [7, с. 159]. Руководствуясь доказанным фактом большого внимания, которое Достоевский уделял “заграничным русским изданиям”, в частности продукции “вольной русской печати” А.И. Герцена [10, 18], можно предположить высокую вероятность знакомства писателя с этой статьей. Возможно, аллюзией на нее является запись в подготовительных материалах к “Бесам”: “Придерживаться более типа Петрашевского”, “Нечаев — отчасти Петрашевский” [3, 11, с. 107, 106].

Работая над статьей для “Дневника писателя”, мысленно возвращаясь к своему герою, Достоевский помечает: “Степан Трофимович. Это было нечто безупречное и прекрасное, о, не без раздраженного самолюбия, разумеется, но у кого из тогдашних русских людей его не было, а у теперешних даже и больше именно от неимения дела” [3, 23, с. 186].

¹ И.П. Липранди (1790–1880) — военный историк, сотрудник тайной полиции, чиновник для особых поручений министра внутренних дел, раскрывал и расследовал деятельность кружка петрашевцев. См. об этом: [9].

Согласно этой мысли писателя, напряжение “раздраженного самолюбия” нарастает пропорционально удаленности от “дела”, под которым в рамках разработанной им идеологии “почвенничества” писатель понимал практическую работу, основанную на заповедях Христа и направленную на благо ближних. Разрабатывая в середине 1870-х годов образ “отца нигилистов”, Достоевский продумывает решение, которое получило свое место в тексте романа “Бесы”: заигрывая с нигилистами на протяжении всего романного действия вплоть до своей катастрофической “лекции”, где Степан Трофимович пытался защищать от улюлюкающей толпы молодежи свои идеалы (Пушкина, Рашель, Рафаэля), он отказывается признать свое “отцовство” над ними: “Сущность Степана Трофимовича в том, что он хоть и пошел на соглашение сначала с новыми идеями, но порвал в негодовании (пошел с котомкой) и один не поддался новым идеям и остался верен старому идеальному сумбуру...” [3, 11, с. 176].

В своем романе Достоевский фиксирует губительное влияние бездуховного рационализма на русскую общественную жизнь, в представителях молодого поколения обретающую черты радикализма, граничащего с требованиями пролития крови. Каким образом прекраснодушный “либерал-идеалист” мог породить опасную для страны нечаевщину, писатель объясняет, выводя этот общественный конфликт на уровень отношений представляющих эти общественные явления отца и сына, напряженные диалоги между которыми играют сюжетобразующую роль в романе “Бесы”; они тщательно прорабатывались в рукописях к этому произведению, где временами на задний план уходили смысл и вежливая форма напряженных споров и собеседники переходили на личности. Нелицеприятные обмены репликами между отцом и сыном Верховенскими являются ключевым центром формирования романа “Бесы”. Важно правильно прочитать соответствующие разделы записных тетрадей Достоевского, играющих важную роль в правильном понимании истории создания этого произведения. Неточности были допущены в Полном собрании сочинений писателя в 30 т. (1974 г.) и в более ранней публикации записных тетрадей Е.Н. Коншиной (1935 г.) [11].

В рассматриваемом эпизоде старший и младший Верховенские обсуждают значение идей и творческого наследия Д.И. Писарева, одного из законодателей мод в среде “нигилистов”. Степан Трофимович, намекая на ничтожность идеологии критика, называет его “маленьким

Писаревым”. Заметим, что этой репликой Степана Трофимовича дается отповедь критику “Русского слова” в ответ на его идею о “маленьком Пушкине” в статье “Лирика Пушкина” (из цикла “Пушкин и Белинский”, 1865) [12, с. 1–60]. Оценивая восприятие Пушкина Белинским, Писарев иронизировал над стремлением Белинского ввести Пушкина в круг духовных титанов: Шекспира, Байрона, Гёте, Шиллера. Позже этот эпитет достался и С.Г. Нечаеву, поведение которого на судебном процессе Достоевский оценил словами “маленький-маленький гимназистик” [3, 21, с. 312].

Отвечая на эти слова отца, “Нечаев” говорит: “Почему маленького? <...> он был росту [обыкновенного] вовсе не очень маленького, обыкновенного росту”. “Я не про рост, <...> но он мне казался таким маленьким, одним словом осталось впечатление чего-то маленького...”, — отвечает Степан Трофимович, и далее он получает от сына оскорбление. В прочтении Коншиной: “Ты-то, небось, великан! — Гр. покоробился. Шум. Мопшер, ты бы мог, *вы бы могли выразить* сказать иначе это [иначе]” [11, с. 200]. Значение этого эпизода подчеркивается тем, что в своей тетради Достоевский обращается к нему снова: “— Маленький Писарев. — Почему ты говоришь маленький Писарев? — Писарев был невысокого роста, но и не маленького? — Я сказал: маленький? (как бы сам удивляясь и спохватившись) Не знаю почему у меня вырвалось это слово — но мне кажется это идет к Писареву. Я не про рост, и не про что другое, а как-то мне весь он показался маленьким, все впечатление было чего-то маленького... — Ну уж ты-то [боль] великан, (вдруг проговорил Ст.) — Мне Писарев очень понравился, заметила Княгиня” [11, с. 116].

В записи этого эпизода [11, с. 200] со всей очевидностью логически не стыкуется с контекстом слово “Шум”. Разговор между Степаном Трофимовичем и сыном происходит тет-а-тет, какой-либо одобрительный или негодующий ропот со стороны группы слушающих эту беседу зрителей исключается. Шум технического характера в такого рода эскизах Достоевский никогда не помечал и обычно это делал с более конкретными определениями — например, стук колес проезжающего экипажа, “гудит самопрялка у старой Фроловны” [3, 1, с. 84], в канцелярии, где служит Голядкин, раздается шум “переворачиваемых листов” [3, 1, с.147], в “Селе Степанчикове” вдруг возникает “шум” и “крик” [3, 3, с. 80], в рукописях к “Бесам” слышен “шум шагов” [3, 12, с. 136]. В записях Достоевского шум возникает, стихает,

вызывает удивление, выглядит странно и т.п., но это слово у Достоевского обычно не употребляется в виде назывного предложения: “Шум.” Такого рода конструкция, в виде исключения, возникает один раз, в рукописях к “Преступлению и наказанию”, когда Раскольников после совершенного им убийства тревожно вслушивается в возникший шум на улице или на лестнице дома [3, 7, с. 29].

Чувствуя, что в этой фразе (“Гр. покоробился. Шум. *Мон cher*, ты бы мог, *вы бы могли выразить* сказать иначе это [иначе]”) слово “Шум” выглядит изолированным от смысла предложения, издатели Полного собрания сочинений Достоевского в 30 т. решили дать этот фрагмент в следующем виде: «Гр <ановский> покоробился: “*Мон cher*, ты бы мог сказать это иначе»», с подстрочным примечанием комментатора: “*Мон cher* ∞ это иначе. — снабжена авторской пометой: Тут.” [3, 11, с. 171]. Рассмотрение этой версии с безличным предложением, состоящим из наречия “Тут”, порождает большие сомнения. Дело в том, что наречие “тут” не использовалось в рукописях к “Бесам” в качестве маркировочного знака, в отличие от знака “Здесь”, которым писатель действительно широко пользовался для обозначения фрагментов текста, предназначенных для их соединения в одно целое [13, с. 10–12]. Наречием “тут” Достоевский часто пользовался для обозначения обстоятельств места или времени событий в своих произведениях. Например, в подготовительных материалах к “Бесам”: “Тут запомнило свою колыбель европейское человечество, здесь первые сцены из мифологии, его земной рай... Тут жили прекрасные” [3, 11, с. 21]; “Тут на стуле у самой двери лежал сложенный вицмундир” [3, 11, с. 15], “Тут Красавица заговорила с родителями” [3, 11, с. 83] и т.п. Таких примеров в рукописях к “Бесам” несколько сотен. Случаев, когда это слово употреблялось бы отдельно, в функции безличного предложения, пока обнаружить не удалось.

Новые копии рукописей Ф.М. Достоевского с разрешением 1200 dpi, изготовленные научной группой ИРЛИ РАН в рамках программы “Цифровой архив Ф.М. Достоевского”², позволили со значительно большей точностью прочитать записи в тетрадях писателя, в результате чего было сделано полторы сотни исправлений неверно прочитанных или непрочитанных слов и словосочетаний. В частности, изучение данной реплики Степана Трофимовича дало следующее прочтение: “Гр. покоробился. Шут. *Мон cher*, ты

бы мог, вы бы могли выразить сказать [иначе] это иначе”.

Инерция неверного прочтения слова (“Шум” вместо “Шут”), вероятно, заставила Е.Н. Коншину в подобном же ключе прочитать тематически сходную запись на следующей странице тетради: “За что жалованье получаешь? Шум.” [11, с. 201], оставляя прежние сомнения по поводу природы “шума”, который сопровождал разговор на повышенных тонах между “либералом-идеалистом” и его полностью оторвавшимся от родной “почвы” сыном. Преодолевая эту проблему, издатели текста записных тетрадей в Полном собрании сочинений Достоевского в 30 т. решили вопрос, применив метод “колумбова яйца”, просто устранив из рукописи странное, необъяснимое слово. “Нечаев” спрашивает Степана Трофимовича: “Что же ты такое делаешь? За что жалованье получаешь?”, на что “Грановский” отвечает: “Но ты меня оскорбил, я не потерплю” [3, 11, с. 172]. Убрав из фразы ключевое слово, авторы прочтения лишили диалог смысла — ведь прямого оскорбления в таком прочтении со стороны “Нечаева” Степан Трофимович не получил, только лишь язвительный вопрос. Однако, вернувшись к правильному прочтению этой фразы и восстановив утраченное слово, мы получаем точный и ясный смысл: “За что жалованье, шут, получаешь?” — резкий, но справедливый упрек человека, привыкшего зарабатывать на хлеб личным трудом, обращенный к барствующему отцу, живущему у богатой генеральши Ставрогиной в приживалках и, действительно, временами напоминающего собой придворного шута. Такую формулировку Степан Трофимович справедливо считает невыносимой.

Эта ситуация с названием Степана Трофимовича “шутом” настолько важна была Достоевскому, что он возвращается к ней и в третий раз, и вот здесь тонкий и внимательный текстолог Е.Н. Коншина начала сомневаться в трактовке неясного слова “шум”. Она снова воспроизводит это слово, снабжая его вопросительным знаком, показывая свою неуверенность в такого рода прочтении: “Шум (?). — Опомнитесь, что вы говорите!” [11, с. 201]. Избранную текстологическую линию сохраняет и Полное собрание сочинений Достоевского, настаивая на своем прочтении слова (“Тут”): “Тут. — Опомнитесь, что вы говорите!”, в подстрочном примечании указано: «Текст: Нечаев: “А то что же? со что вы говорите! — снабжен двумя авторскими пометами: Тут» [3, 11, с. 172]. Верное прочтение слова подтверждается возвращением фразе нормального смысла: “Шут. — Опомнитесь, что вы говорите!”.

² См.: <https://dostoevskyarchive.pushdom.ru/>

Добрый и деликатный Степан Трофимович Верховенский в ответ на явную грубость и непочтительность сына не отвечает ему в подобном тоне, но призывает его сохранять уважительную тональность в разговоре с родителем.

Следует отметить, что “Нечаев” (“Студент”, Петр Верховенский) и в других случаях не стесняется употребить слово “шут” для характеристики презираемых им собеседников. Так, например, когда участники его подпольного кружка просят разъяснить им его полномочия как эмиссара Интернационала (которых и на самом деле не было), он туманно отвечает: “Я подчиняюсь высшим инструкциям”. Липутин резонно интересуется, “какие это инструкции”, на что “Нечаев” отвечает оскорблением, задача которого — оборвать разговор и тем самым избавиться от необходимости ответа на прямой вопрос: “Кабы вы не такой шут и если б хоть каплю умнее, то я...” [3, 11, с. 290]. Сообщить самому “Нечаеву” “шутовские черты” Достоевский планировал во второй части своего романа “Бесы” [3, 11, с. 264]. Это обидное слово слышит в своей адрес романтически настроенный наивный капитан Картузов в набросках к одноименному произведению: “Да они вас за шута считают”, на что тот отвечает: “Шуты и считают” [3, 11, с. 47]. “Шутом” стремится представить Картузова “Граф”; однако реплика повествователя поясняет, что тот “хоть и смешон <...>, но держит себя так просто и с таким достоинством, что Граф никак не может обратиться к нему в шута (что бы желал)” [3, 11, с. 56]. Слово “шут” употребляет также губернатор Андрей Антонович фон Лембке по отношению к одному шалунишке, молодому человеку, который на литературном вечере несколько раз возникал перед идущим по залу губернатором и кланялся ему в пояс: “всё забегал вперед и в каждой дверях отвешивал Андрею Антоновичу глубокий и важный поклон”. Обратив на него внимание, фон Лембке произнес: “Конечно, это был только шут — еще молодой человек, известный кой-кому в городе...” [3, 11, с. 392].

Прием представления героя в шутовском облике — один из наиболее часто употребляемых в творческом арсенале Достоевского. В настоящему момент существует немало ценных исследований этой темы, в которых отмечен ряд специфических черт, отличающих “шуты” Достоевского, выработан ряд трактовок иронии, сарказма, сатиры, смеховой культуры в произведениях Достоевского.

Согласно мнению А.Е. Кунильского, Достоевский “позитивно оценивал смех и не считал его несовместимым с христианской традицией”

[14, с. 78]. Н.М. Чирков обнаружил в поэтике Достоевского прием формирования “грубого буффонного комизма, шутовства и паясничания” [15, с. 173]. Вне сомнений, такого рода сцен в романе “Бесы” немало, например, посещение капитаном Лебядкиным Варвары Петровны Ставрогинной с чтением басни “Таракан”, его неожиданный визит к Шатову и др. Н.М. Чирков обнаруживает у Достоевского также особый жанр “романа-комедии”; таковы, по его мнению, “Село Степанчиково” и “Дядюшкин сон”, произведения, с которыми Достоевский возвращался в литературу после ссылки в Сибири. Исследователь отмечает также особое значение у Достоевского характера шута-приживальщика, который “прочной войдет в цепь создаваемых им образов” [15, с. 229], разумеется, оттенок этого амплуа распространяется и на Степана Трофимовича Верховенского. Однако, каким жестким осмеянием ни подвергался бы человек в романах писателя, ирония имеет смысловую сердцевину безграничной любви, которая лишает силы жесткое “судебное отношение” к человеку, как сказал бы М.М. Бахтин. Эту тему развивает в своей работе И.И. Лапшин [16, с. 101–120]. Об органической связи трагического и комического в характерах героев Достоевского писал также Р.Г. Назиров [17, с. 46–55]. Во всех случаях шутовство и паясничание в произведениях Достоевского, начиная с героев ранних произведений писателя (Ежевиков, Ползунков и др.) и кончая буффонадой Федора Павловича Карамазова, охотно называющего себя “шутом”, не является самоцелью, но лишь средством обнажения глубоких экзистенциальных проблем, терзающих его героев, с возникновением эффекта “трагической иронии”.

Следует отметить, что добросердечные “шуты” Достоевского с самого начала его творчества балансировали на тонкой грани, отделяющей комедию от трагедии. Трагическая фигура героя его первого романа “Бедные люди” Макара Девушкина не лишена комических черт, в том числе и многочисленных актов самоиронии. В той же тональности “смеха сквозь слезы” изображен герой его второго произведения Голядкин (“Двойник”), в квартире которого висит “гравированный портрет шута Балакирева” [3, 1, с. 394], любимого слуги Петра I и, далее, Анны Иоанновны. Достоевский мог знать о нем из популярного издания К.А. Полевого [18]. Роль “шута” как личную трагедию переживает герой-повествователь “Игрока”, также поминая в связи со своей судьбой шута Балакирева [3, 5, с. 286]. И уже совсем не располагает к смеху главный герой рассказа “Господин Прохарчин”, несмотря на обыгрывание темы “шутки” и “шутовского человека” в произведении [3, 1, с. 253]. В “Селе Степанчиково”

Ежевикин призывает окружающих к уважению его личности: “А вы меня уважайте: я еще не такой подлец, как вы думаете. Оно, впрочем, пожалуй, и шут. Я – раб, моя жена – рабыня. <...> Фортуна заела, благодетель, оттого я и шут” [3, 2, с. 51]. Шутливой колпак примерял Достоевский и на героев “Преступления и наказания”, говоря о “буффоне” и поминая имя Полишинеля [3, 7, с. 269]. В романе “Идиот” в роли записного шута выступают сразу два героя: генерал Иволгин и Фердыщенко, который назван в романе “сальным шутком” [3, 8, с. 31, 39]. В рассказе “Вечный муж”, который писатель окончил непосредственно перед началом “Бесов”, Вельчанинов многократно возвращается к мысли о том, можно ли трактовать Трусоцкого как “шута” [3, 9, с. 22, 40, 49, 51, 58, 70]. В романе “Бесы” также развивается эта тема: Степан Трофимович упоминает “православного шута с бородой” [3, 10, с. 24]; Лямшина в кружке “наших” называют “шутком” за намерение уничтожить “девять десятых человечества, если уж некуда с ними деваться” [3, 10, с. 312]; “шутком” называет Петра Верховенского, наставившего на него револьвер, Ставрогин [3, 10, с. 408].

В “Братьях Карамазовых” этой теме посвящена целая глава (“Старый шут”) [3, 14, с. 36–43], в которой дан образец нарочито непотребного поведения и авторский анализ сущности этого демарша. В этом описании выступают все известные детали ампула: он “был у дворян приживальщиком и приживанием хлеб добывал”, сравнение себя с “юродивым”, стремление “нечистым духом своим” “в Бога веровать”, и что он “от стыда шут”, и, одновременно, “рыцарь” [3, 14, с. 39, 41, 86]. Отсутствии какой-либо настоящей веселости в “шутовстве” героев Достоевского убедительно объясняет Федор Павлович: “Мне всё так и кажется <...> что меня за шута принимают, так вот давай же я и в самом деле буду шутком, не боюсь ваших мнений! Вот почему я и шут, по злобе, от мнительности” [3, 14, с. 41]. В разных контекстах слово “Шут!” вырывается из уст героев “Братьев Карамазовых” как своего рода психологическое решение разнообразных психологических коллизий [3, 14, с. 184; 15, 80]. Отвечая на вопрос Коли Красоткина о природе такого рода шутовства, какое присутствует в капитане Снегиреве, Алеша объясняет: “Есть люди глубоко чувствующие, но как-то придавленные. Шутство у них вроде злобной иронии на тех, которым в глаза они не смеют сказать правды от долговременной унижительной робости пред ними. Поверьте, Красоткин, что такое шутство чрезвычайно иногда трагично” [3, 14, с. 483].

Баланс комического и трагического присутствует во множестве других сюжетных событий

в романах Достоевского. Например, внешне “комическая” смерть генерала Иволгина, где он испускает дух в облаке пышных цитат из произведений классической драматургии [19, с. 217–232]. Даже в старом князе из “Дядюшкиного сна” и в Фоме Опискине из “Села Степанчиково”, казалось бы, определено комических произведений, смеховое начало выглядит легким покрывалом, за которым скрывается подлинная человеческая трагедия. Настоящим утверждением этого сочетания трагической иронии и комической серьезности стали “Записки из подполья”, в которых стилевое шутовство повествователя функционирует как кардинальное средство освобождения от культурных штампов, социально-этической рутины, в роли своего рода фактора свободы, установления интимного доверия к адресату. Достоевский использовал этот метод при строительстве характера Степана Трофимовича Верховенского – многочисленные шутки в его адрес в определенный момент заставляют читателя устыдиться своих улыбок, когда в финале романа герой, обретший истину за несколько часов до смерти, являет нам настоящую трагедию человеческого существования. Через три года, работая над статьей для “Дневника писателя”, Достоевский записал: “Древняя трагедия – богослужение, а Шекспир отчаяние. Что отчаяннее Дон-Кихота” [3, 24, с. 160]. Любимое произведение мировой литературы, “Дон-Кихот” М. Сервантеса, формирует близкую мировоззрению писателя конструкцию: образцовый шут, с точки зрения обывателя, и философ глубокой и искренней идеи изнутри его существа, “один из самых великих сердцем людей”, как определил это сам Достоевский [3, 26, с. 24]. Роман Сервантеса, задуманный автором как пародия на рыцарский роман, Достоевский считал “самой грустной из книг” [3, 26, с. 25]. Герой-философ писателя пребывает в состоянии отчаяния, либо отложенного до времени (Степан Трофимович, Николай Ставрогин), либо уже наступившего (Кириллов). Достоевский полностью отдавал себе в этом отчет, создавая такое сочетание “шутовского” и “трагически-серьезного”: “NB. Алеко. Разумеется, это не сатира, а трагедия. Но разве в сатире не должно быть трагедии? Напротив, в подкладке сатиры всегда должна быть трагедия. Трагедия и сатира – две сестры и идут рядом и имя им обеим, вместе взятым: правда” [3, 24, с. 305]. Писателя на протяжении всей жизни интересовали люди, выбивающиеся из обыденной колеи, совершающие необычные, пусть иногда и неловкие, смешные и нелепые поступки.

Постоянные колебания между этически противоположными точками отсчета личностной оценки (“я-для-себя” и “я-для-тебя” [20, с. 130–134]),

порождающие комическое (с одной стороны) и трагическое (с противоположной) суждения, являются в творчестве Достоевского мощным фактором порождения сюжетных событий, который эффективно работал в его произведениях на протяжении всей жизни писателя. “Шуты” и “юродивые”, “еретики” и “чудаки”, все, кто не смиряется с расхожей моделью “жизни в свое пузо” [3, 27, с. 51], кто стремится покинуть нахоженные тропы, — соль земли русской, по Достоевскому, который не раз говорил, что стране для выхода из состояния застоя остро не хватает донкихотов. Не исключением является и Степан Трофимович Верховенский в романе “Бесы”, “шут” в глазах его сына и других “наших” и одновременно человек с большим сердцем и незаурядным умом, способный к “самоисправлению”, пусть и пришедшему к нему столь трагически поздно. Как и в других подобных случаях, с героя Достоевского легко слетает шутовской флер, когда он при встрече со странствующей книгоношей принимает в свою душу “Откровение” Иоанна Богослова. Обвинение, выдвинутое Петром Степановичем Верховенским в том, что его отец ведет образ жизни шута-приживальщика, снимается, когда он покидает дом генеральши Ставрогиной и пускается в путь, подобно “бегунам” из старообрядцев беспоповского чина, где ему суждено было познакомиться со Словом Божиим. В этом смысле С.Т. Верховенский отчасти воспроизводит общую линию сюжета задуманной непосредственно перед “Бесами” эпопеи “Житие великого грешника”, где писатель намеревался показать, как мечущийся в поисках истины, совершающий множество ошибок человек обретает ее в конце своего пути — итог и результат осуществления своей судьбы, согласно указанному в разговоре “Князя” и Шатова принципу, выдвинутому в подготовительных материалах к “Бесам”: «Мы, очевидно, существа переходные, и существование наше на земле есть, очевидно, непрерывное существование куколки, переходящей в бабочку. Вспомните выражение: “Ангел никогда не падает, бес до того упал, что всегда лежит, человек падает и восстает”» [3, 11, с.184]. Это цитата из “Лествицы”, где Иоанн Лествичник воспроизводит мысль архиерея Македония: “Ангелам <...> свойственно не падать, <...> людям же свойственно падать и скоро восставать от падения, <...> только бесам свойственно, падши, никогда не восставать”³. В своем романе “Бесы”, в шутовском образе жизни своего идеального мыслителя

1840-х годов и его последующем драматичном предсмертном прикосновении к Истине Достоевский использовал сюжетную линию неосуществленного романа “Житие великого грешника”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Батюто А.И.* Идеи и образы (к проблеме “И.С. Тургенев и Ф.М. Достоевский в 1860–1870-е годы”) // Русская литература. 1982. № 1. С. 131–154.
2. *Буданова Н.Ф.* Проблема “отцов” и “детей” в романе “Бесы” // Достоевский. Материалы и исследования. Т. I. Л., 1974. С. 164–184.
3. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 т. Л., 1972–1990 (с указанием номера тома арабскими цифрами).
4. *Берви-Флеровский Н.* Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования. СПб., 1869.
5. *Баршт К.А.* Философское эссе В.П. Буренина и статья Родиона Раскольникова в романе “Преступление и наказание” // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 112–123
6. *Герцен А.И.* Былое и думы // Герцен А.И. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 11. М., 1957.
7. *Герцен А.И.* Еще раз о Базарове // Полярная звезда. 1868. Кн. 8. С. 141–160.
8. *Писарев Д.И.* Базаров // Писарев Д.И. Сочинения в 4 т., Т. 2. М., 1955.
9. *Егоров Б.Ф.* Петрашевцы. Л., 1988.
10. *Гроссман Л.П.* Библиотека Достоевского. Одесса, 1919.
11. Записные тетради Ф.М. Достоевского, публикуемые Центральным архивным управлением СССР (тетради №№ 1 и 4) и Публичной библиотекой СССР имени Ленина (тетради №№ 2 и 3). Подготовка к печати Е.Н. Коншиной. Комментарии Н.И. Игнатовой, Е.Н. Коншиной. М.–Л., 1935.
12. *Писарев Д.И.* Пушкин и Белинский // Русское слово. 1865. Кн. 4. Литературное обозрение. С. 1–68; Кн. 6. С. 1–60.
13. *Баршт К.А.* Рисунки в рукописях Ф.М. Достоевского. СПб., 1996.
14. *Кунильский А.Е.* Смех в мире Достоевского. Петрозаводск, 1994.
15. *Чирков Н.М.* О стиле Достоевского. М., 1967.
16. *Лапшин И.* Комическое в произведениях Достоевского // О Достоевском. Сб. ст. Под ред. А.Л. Бема. Paris, 1986. 101–120.
17. *Назирова Р.Г.* Юмор Достоевского // Русская литература 1870–1890-х гг. Сб. 10. Свердловск, 1977. С. 46–55.
18. Полные избранные анекдоты о придворном шуте Балакиреве, любимце Петра I. Ч. 1–4. М., 1836.

³ Иоанн Лествичник. Слово 31 // Иоанн Лествичник. Лествица. М., 2009. С. 28.

19. Баршт К.А. Смерть и “позор” генерала Иволгина в романе Ф.М. Достоевского “Идиот” // Новое литературное обозрение. 2020. № 4. С. 217–232.
20. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 1. М., 2003.

REFERENCES

1. Batjuto, A.I. *Idei i obrazy (k probleme “I.S. Turgenev i F.M. Dostoevskij v 1860–1870-e gody”)* [Ideas and Images (on the Problem of “I.S. Turgenev and F.M. Dostoevsky in the 1860s–1870s”)]. *Russkaja literatura* [Russian Literature]. 1982, No. 1, pp. 131–154. (In Russ.)
2. Budanova, N.F. *Problema “otcov” i “detej” v romane “Besy”* [The Problem of “Fathers” and “Children” in the novel “The Possessed”]. *Dostoevsky. Materialy i issledovanija* [Dostoevsky. Materials and Research]. Vol. I. Leningrad, 1974, pp. 164–184. (In Russ.)
3. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij v 30 t.* [Complete Works in 30 Vols.]. Leningrad, 1972–1990. (In Russ.)
4. Bervi-Flerovskiy, N. *Polozhenie rabocheho klassa v Rossii. Nabljudeniya i issledovanija* [The Situation of the Working Class in Russia. Observations and Research]. St. Petersburg, 1869. (In Russ.)
5. Barsht, K.A. *Filosofskoe jesse V.P. Burenina i statja Rodiona Raskolnikova v romane “Prestuplenie i nakazanie”* [V.P. Burenin’s Philosophical Essay and Rodion Raskolnikov’s Article in the Novel “Crime and Punishment”]. *Voprosy filosofii* [Topics in the Study of Philosophy]. 2017, No. 5, pp. 112–123. (In Russ.)
6. Herzen, A.I. *Byloe i dumy* [My Past and Thoughts]. Herzen, A.I. *Polnoe sobranie sochinenij v 30 t.* [Complete Works in 30 Vols.]. Vol. 11. Moscow, 1957. (In Russ.)
7. Herzen, A.I. *Eshhe raz o Bazarove* [Once again about Bazarov]. *Poljarnaja zvezda* [Polar Star]. 1868, Part 8, pp. 141–160. (In Russ.)
8. Pisarev, D.I. *Bazarov* [Bazarov]. Pisarev, D.I. *Sochinenija in 4 t.* [Works in 4 Vols.]. Vol. 2. Moscow, 1955. (In Russ.)
9. Egorov, B.F. *Petrashevcy* [Petrashevsky Circle]. Leningrad, 1988. (In Russ.)
10. Grossman, L.P. *Biblioteka Dostoevskogo* [Dostoevsky’s Library]. Odessa, 1919. (In Russ.)
11. *Zapisnye tetradi F.M. Dostoevskogo, publikuemye Centralnym arhivnym upravleniem SSSR (tetradi №№ 1 i 4) i Publichnoj bibliotekoj SSSR imeni Lenina (tetradi №№ 2 i 3). Podgotovka k pečati E.N. Konshinoj. Kommentarii N.I. Ignatovoj, E.N. Konshinoj* [Notebooks of F.M. Dostoevsky Published by the Central Archival Administration of the USSR (Notebooks No. 1 and 4) and the Lenin Public Library of the USSR (Notebooks No. 2 and 3). Preparation for Printing by E.N. Konshina. Comments by N.I. Ignatova, E.N. Konshina]. Moscow, Leningrad, 1935. (In Russ.)
12. Pisarev, D.I. *Pushkin i Belinskij* [Pushkin and Belinsky]. *Russkoe slovo* [Russian Word]. 1865, Part 4. *Literaturnoe obozrenie* [Literary Review]. Pp. 1–68; Part. 6, pp. 1–60. (In Russ.)
13. Barsht, K.A. *Risunki v rukopisjah F.M. Dostoevskogo* [Drawings in the Manuscripts of F.M. Dostoevsky]. St. Petersburg, 1996. (In Russ.)
14. Kunilskiy, A.E. *Smeh v mire Dostoevskogo* [Lough in the Dostoevsky’s World]. Petrozavodsk, 1994. (In Russ.)
15. Chirkov, N.M. *O stile Dostoevskogo* [On the Style of Dostoevskiy]. Moscow, 1967. (In Russ.)
16. Lapshin, I. *Komicheskoe v proizvedenijah Dostoevskogo* [The Comic in Dostoevsky’s Works]. *O Dostoevskom. Sb. st. Pod red. A.L. Bem* [About Dostoevsky. Collection of articles. Edited by A.L. Boehm]. Paris, 1986. P. 101–120. (In Russ.)
17. Nazirov, R.G. *Jumor Dostoevskogo* [Dostoevsky’s Humor]. *Russkaja literatura 1870–1890-h gg.* [Russian Literature of the 1870^s–1890^s]. Vol. 10. Sverdlovsk, 1977, pp. 46–55. (In Russ.)
18. *Polnye izbrannye anekdoty o pridvornom shute Balakireve, ljubimce Petra I* [Complete Selected Anecdotes about the Court Jester Balakirev, Pet of Peter the First]. Part 1–4. Moscow, 1836. (In Russ.)
19. Barsht, K.A. *Smert i “pozor” generala Ivolgina v romane F.M. Dostoevskogo “Idiot”* [The Death and “Shame” of General Ivolgin in F.M. Dostoevsky’s novel “The Idiot”]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2020, No. 4, pp. 217–232. (In Russ.)
20. Bakhtin, M.M. *Avtor i geroj v jesteticheskoj dejatelnosti* [Author and Hero in Aesthetic Activity]. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenij v 7 t.* [Collected Works in 7 Vols.]. Vol. 1. Moscow, 2003. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 24 июня 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 августа 2021 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2021 г.

Дата публикации: 31 декабря 2021 г.

Received by Editor on June 24, 2021

Revised on August 27, 2021

Accepted on October 15, 2021

Date of publication: December 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017810-4

“Возможность Тверитинова”: заметки комментатора

© 2021 г. И. А. Кравчук

внештатный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
199034, Санкт-Петербург, наб. адм. Макарова, д. 4
kolesovan@gmail.com

Резюме. Статья посвящена небольшому отрывку из записной тетради Ф.М. Достоевского к роману “Бесы” (РГБ, ф. 93, I.1.5, стр. 60), в котором упоминается “возможность Тверитинова”. Смысл этой записи до сих пор не получил удовлетворительного объяснения. Идентификация Тверитинова как второстепенного участника русского революционного движения и переводчика А.Н. Тверитинова, впервые гипотетически предложенная Е.Н. Коншиной и поддержанная составителями Академического Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского, видится ошибочной. Представляется, что речь идет либо о вымышленном герое публицистических диалогов Д.Ф. Самарина, либо о московском религиозном вольнодумце Д.Е. Тверитинове. В статье подробно разбираются оба предположения.

Благодарность: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00263 «Комплексная автоматизированная база данных “Объединенный цифровой архив рукописей Ф.М. Достоевского”».

Ключевые слова: Достоевский, “Бесы”, Тверитинов, Д.Ф. Самарин, сектантство, иконоборчество.

Для цитирования: Кравчук И.А. “Возможность Тверитинова”: заметки комментатора // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 30–45. DOI: 10.31857/S241377150017810-4

“The Possibility of Tveritinov”: A Commentator’s Notes

© 2021 Igor A. Kravchuk

Visiting Research Fellow at the
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
4 Admiral Makarov Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
kolesovan@gmail.com

Abstract. The article considers a small excerpt from the notebook of F. M. Dostoevsky for the novel “The Possessed” (RGB, f. 93, I.1.5, p. 60), which mentions the “possibility of Tveritinov”. The meaning of this record has not yet received a satisfactory explanation. The identification of Tveritinov as a secondary participant in the Russian revolutionary movement and translator A.N. Tveritinov, first hypothetically proposed by E.N. Konshina and supported by the compilers of the Academic Complete Works of F.M. Dostoevsky, seems erroneous. It seems that we are talking either about the fictional hero of journalistic dialogues of D.F. Samarin, or about the Moscow religious freethinker D.E. Tveritinov. The article deals in detail with both assumptions.

Acknowledgements: The article is supported by the Russian Science Foundation (project 18-18-00263 «Integrated Automated Database “United Digital Archive of F.M. Dostoevsky”»).

Key words: Dostoevsky, “The Possessed”, Tveritinov, D.F. Samarin, sectarianism, iconoclasm.

For citation: Kravchuk, I.A. “*Vozmozhnost Tveritinoва*”: *zametki kommentatora* [“The Possibility of Tveritinoва”: A Commentator’s Notes]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 6, pp. 30–45. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017810-4

Подготовительные материалы Ф.М. Достоевского к роману “Бесы”, несмотря на колоссальную работу, сделанную несколькими поколениями историков литературы и текстологов, всё еще содержат в себе записи, не получившие пока адекватного научного комментария либо допускающие различные истолкования. В этой статье мы бы хотели подробнее остановиться на одном из таких случаев, поспорить с общепринятым объяснением и поделиться собственными предположениями.

В тетради III (РГБ, ф. 93, I.1.5) на стр. 60 читаем: “Заметка важная: Фабричные у Шатова. Возможность Тверитинова. Одни вольнодумцы и отрицают, по своему, эти с Нечаевым (и всё не то). Другие осторожнее, у Шатова, слушают возражения, желают просветиться. Нечаев лопается с раскольником.

Характеры и типы народные в роде как из мертвого дома.

ВВ важное: Нечаеву приготовил дорогу инженер; он первый затеял сношения с фабричными”.

Запись, по всей видимости, относится к сентябрю 1870 г. Выше нее на листе – абзац: “Инженер провез прокламации, рассыпал на юге на фабрике, с Фельдой и проч. Исполнитель у Нечаева, рассуждая так: Если узнают, то схватят одного меня. Я же сделаю признание на бумаге и застрелюсь, ибо мне Это все равно”.

На развороте весь текст, посвященный распространению прокламаций, четко отделен от фрагмента “2^а Заметка важная”, где Достоевский характеризует губернаторшу фон Лембке, ее политические пристрастия и взаимоотношения с нигилистами.

В приведенном фрагменте нас больше всего будет интересовать словосочетание “Возможность Тверитинова”, вынесенное в заголовок статьи. Необходимо заметить, что Е.Н. Коншина и составители *Акад. ПСС* расшифровывают фамилию как “Тверитинова” (см. [2, с. 242]; [ППС₁, XI, с. 234]). Как нам кажется, и в рукописном тексте читается довольно отчетливо, так что в дальнейшем мы будем писать именно “Тверитинова”. Кто же это такой?

Первую и, как мы понимаем, на сегодняшний день единственную догадку на этот счет предложила Е.Н. Коншина. Исследовательница

допустила, что Достоевский мог подразумевать здесь А.Н. Тверитинова (1846–?). Это допущение было основано как на теме отрывка, так и на упоминании фамилии Тверитинова в материалах следствия по делу нечаевской организации. Коншина ссылается на публикацию писем Н.Д. Горемыкина журналом “Красный архив”. Служащий III Отделения, Горемыкин был в 1869 г. командирован в Москву для содействия расследованию нечаевского дела с помощью документов и вещественных доказательств, изъятых в книжном магазине А.А. Черкесова. В донесении петербургского чиновника от 8 января 1870 г. читаем: “До сих пор мы не можем отыскать дворянина Дмитрия Егоровича Коведяева, очень нужного производимому здесь дознанию. Между тем оказывается, что о нем можно получить сведения от сестры его, живущей с инженером Тверитиновым где-то на Петербургской стороне. Г. Тверитинов занимается изысканиями по железным дорогам” [1, с. 145]. О взаимоотношениях обоих молодых людей в том же донесении сообщено, что Коведяев “занимался с Тверитиновым” [Там же].

Д.Е. Коведяев состоял в организации С.Г. Нечаева “Народная расправа”, также он входил в революционный кружок И.Г. Прыжова. Арест Коведяева был произведен 12 января 1870 г. Вместе с тем, как справедливо указывала сама Е.Н. Коншина, судим по нечаевскому делу Тверитинов не был, хотя и присутствовал на процессе в качестве наблюдателя, что следует из его воспоминаний [2, с. 458]; [3, с. 65]. “...Мог ли знать ее [фамилию Тверитинова как лица, прикосновенного к нечаевскому делу] Достоевский?”, – задавалась вопросом ученая.

Такие сомнения уместны. Алексей Николаевич Тверитинов – безусловно, не последняя фигура в истории русского революционного движения и нелегальной печати. Выпускник 1-го Кадетского корпуса и Института корпуса инженеров путей сообщения, Тверитинов с ранней юности был увлечен социалистическими идеями. В 1864 г. он был в числе лиц, пришедших на Мытнинскую площадь выразить поддержку Н.Г. Чернышевскому. Судя по сведениям, собранным Р.М. Кантором, Тверитинов никогда не играл центральной роли в деятельности подпольных организаций, хотя неоднократно подвергался арестам, ссылкам, дознаниям, тайной слежке. В 1870-х он

по несколько лет живет за границей, где общается с европейскими левыми, а также с такими видными фигурами, как М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, С.М. Кравчинский, П.Н. Ткачев и др. В России Тверитинов писал в газету “Земля и воля”, проводил благотворительные вечера в пользу революционных организаций, помогал подпольщикам с жильем. Подозревался он и в соучастии в убийстве полицейского агента Н.В. Рейнштейна. Впрочем, главной заслугой Тверитинова считается его деятельность как переводчика и популяризатора русской литературы за границей. В 1874 г., находясь в Брюсселе, Тверитинов перевел на французский язык часть примечаний Чернышевского к “Основаниям политической экономии” С. Милля. Свой перевод Тверитинов снабдил предисловием, в котором подробно разобрал судебный процесс Чернышевского, познакомил европейского читателя со взглядами и судьбой автора. Впоследствии Тверитинов перевел на французский “Письма без адреса”. В 1900-е годы Тверитинов перевел на русский для издательства Павленкова работы Герцена “О развитии революционных идей в России” и “Русский заговор 1825 года”¹.

Однако всё это еще только впереди. Осенью 1870 г. Алексей Тверитинов — юный инженер, чье имя едва ли может что-то говорить Достоевскому. Обратим внимание на то место, которое занимает фамилия “Тверитинов” в структуре “важной заметки”. Достоевский планирует писать об агитации в рабочей среде, которую ведут сначала Инженер (будущий Кириллов) и Нечаев (будущий Петр Верховенский). Роль Шатова здесь еще неясна: возможно, он отговаривает рабочих от следования радикальной программе Нечаева, возможно, еще находясь внутри социалистического кружка, Шатов пытается создать более умеренное крыло, близкое к правому народничеству. Если наше предположение действительно соответствует замыслу Достоевского, очевидно, “важная заметка” представляет собой одну из вариаций магистрального сюжета будущего романа: здесь Шатов — не просто будущая “священная жертва” фанатичных революционеров, не разочаровавшийся и отпавший от социалистов русский человек, а сознательный политический оппонент, желающий привлечь рабочую массу на свою сторону. В этом случае у Шатова преимущество: рабочие его *слушают и желают просветиться*. Запомним и то, что Нечаев *лопается с раскольников*, иначе

говоря, терпит неудачу в попытке заручиться его поддержкой.

Отсюда следует, что таинственная “возможность Тверитинова” имеет отношение либо к программе Нечаева, либо к программе Шатова. Велика ли вероятность, что, разрабатывая осевой конфликт будущего романа, обрисовывая идеологические устремления важнейших его персонажей, не считая Князя (Ставрогина) и Грановского (Степана Трофимовича), Достоевский мог опираться на совершенно *проходную* фигуру, эпизодического героя нечаевской драмы, даже если допустить, что, находясь за границей, писатель где-либо видел имя обысканного инженера или слышал о нем? Мы полагаем, ответ на такой вопрос должен быть очевиден.

Несмотря на это, осторожный вопрос, сформулированный Е.Н. Коншиной в 1935 г., в комментарии к *Акад. ЛСС* неожиданно превращается в утверждение: “По-видимому, речь идет об Алексее Николаевиче Тверитинове (р. 1846 г.), участнике русского революционного движения конца 1860–1870-х годов, близкого к нечаевцам” [*ЛСС*, XII, с. 356]. Еще раз спросим себя, чем так замечательна фигура Алексея Тверитинова в 1870 г., что Достоевский узнает о существовании этого человека, сопоставляет его либо с Шатовым, либо с будущим Петром Верховенским? Неужели Тверитинова можно сравнить с Нечаевым, Успенским, Николаевым, Прыжовым? Без сомнения, нет. В противном случае нужно показать, что А.Н. Тверитинов либо мог претендовать на лидерские позиции в революционных кружках конца 60-х — начала 70-х годов (мы достоверно знаем, что это не так), либо развивал идеи, близкие правому народничеству и распространял их в рабочей среде (ничего подобного о нем неизвестно).

Так кто же такой Тверитинов и что такое *возможность Тверитинова*?

Однозначного ответа на этот вопрос у нас нет, но есть две гипотезы, которые могут задать направление дальнейших поисков. Мы бы хотели, чтобы эта статья стала приглашением к дискуссии по поводу анализируемой заметки.

Нашим двум гипотезам мы дадим условные обозначения *самаринской* и *сектантской*. Смысл этих названий будет ясен из дальнейшего описания.

1. В 1861 г. в № 7 славянофильской газеты “День” была помещена статья “Уставная грамота”. Ее автором был выпускник Московского университета, опытный участник земского движения Дмитрий Федорович Самарин (1827 или 1831–1901), младший брат знаменитого славянофила,

¹ О жизни и трудах А.Н. Тверитинова, помимо его мемуаров, см.: [4]; [5].

впоследствии издавший собрание сочинений Ю.Ф. Самарина. В славянофильском кружке Дмитрий Самарин считался экспертом по вопросу крестьянского землевладения (см. [6, с. 102]). Помимо аксаковских газет "День", "Москва" и "Русь", Дмитрий Самарин в течение жизни публиковал свои статьи в таких славянофильских органах, как "Современные известия" Н.П. Гилярова-Платонова и "Сельское благоустройство" А.И. Кошелёва. 9 января 1865 г. Самарин публично схлестнулся с лидерами так называемых дворянских олигархов Н.А. Безобразовым и В.П. Орловым-Давыдовым в московском дворянском собрании. Со свойственных славянофилам антиаристократических позиций Самарин-младший осудил проект адреса на имя императора с просьбой даровать российскому дворянству право политического представительства, закрепленное в конституции. Публичный диспут Самарин проиграл, большинство в собрании голосовало за адрес, что окончилось для аристократической фронды публичным выговором от Александра II и министра внутренних дел (см. [7, с. 189]; [6, с. 283–285]).

Такова была, в основных чертах, общественная позиция Д.Ф. Самарина в период Крестьянской реформы. К моменту обнародования Манифеста у Самарина был опыт представления правительства в Рязанском губернском дворянском комитете, после официальной отмены крепостного права он работал мировым посредником, на практике разрешая земельные разногласия, неизбежно возникавшие в процессе выхода крестьян из крепостной зависимости. И.А. Христов замечает важную черту мировоззрения Самарина, а именно его симпатии к идее сильного государства. Как пишет историк, в конце 1870-х годов Д.Ф. Самарин сыграет видную роль в становлении "многочисленных постславянофильских консервативных концепций государственного регулирования экономики" [8, с. 188]. Этот подход уже в 1860-е резко противопоставит друг другу взгляды Д.Ф. и Ю.Ф. Самариных. Старший брат публициста, как и князь В.А. Черкасский, с предубеждением относился к чрезмерному вмешательству государства и государственной бюрократии в тонкие хозяйственные споры помещиков и крестьян.

Спустя годы после указанных публикаций, в 1898 г. Д.Ф. Самарин достаточно подробно и точно объяснял проблему, побудившую его взяться за перо: "Приняв в начале 1861 г. должность мирового посредника с полной верою в Положение 19 февраля, я был совершенно неожиданно

поражен тем впечатлением, которое оно произвело на крестьян" [9, с. 15]. Самым интересным в поведении крестьян Самарину показалось их стремление во что бы то ни стало получить землю в собственность, даже если условия приобретения были объективно невыгодными. "Крестьяне не допускали возможности освобождения без земли, — писал Самарин, — они были твердо убеждены в том, что земля им будет дана Царем так же, как наделялись землею города, колонисты и государственные крестьяне; на повинность в пользу помещика они смотрели как на последствие крепостного права; они готовы были мириться с нею как с мерою временною, оправдываемую необходимостью; но они отвергали ее как повинность бессрочную, пожалуй вечную, от которой можно освободиться только посредством выкупа" [9, с. 16].

Чтобы удовлетворить потребности крестьян, Самарин предложил прибегнуть к посредничеству государства, превратив повинности крестьян перед помещиками в казенные подати, к которым крестьяне привыкли и которые согласятся платить и дальше. Из этих налогов государство будет выплачивать помещикам ежегодную ренту, компенсируя потери от фактического перехода земли крестьянам. «...Нужно, чтобы правительство, став между помещиками и крестьянами, рассекло разом все отношения между ними», — гласит статья [9, с. 12].

Для изложения своей теории Д.Ф. Самарин избрал драматургическую форму: большая часть статьи написана им в форме диалога между воображаемыми лицами — князем Бецким и неким *Тверитиновым*, alter ego автора. Наиболее важным, с точки зрения славянофильской идеологии, оказывается не столько конкретное предложение по проведению в жизнь реформы, сколько сам *метод* решения тех или иных экономических и социальных проблем. В диалоге Самарина князь Бецкий стоит на стороне буквы закона. Упрямство крестьян, отказывающихся подписывать уставные грамоты на взаимовыгодных условиях, кажется ему абсурдным и нечестивым. Тверитинов терпеливо объясняет князю, что тот подходит к народу с формальной меркой. Для Бецкого существуют только юридические нормы, а в соответствии с ними свободу получают именно крестьяне, тогда как *земля* остается в собственности дворян до тех пор, пока не будет выкуплена крестьянами. Тверитинов возражает Бецкому: крестьянам этот порядок непонятен. Их вековой принцип: "мы ваши, а земля наша". Иными словами, индивидуальная свобода

без собственности на землю не имеет ценности в глазах того, кто живет этой землей и целиком от нее зависит. Крестьяне считают, что *выслужили* свои наделы у царя тяжелым трудом. На это князь возражает, что народ недостаточно образован и народные предрассудки не могут влиять на распоряжения правительства, иначе общество легко дойдет до анархии и прудоновского отношения к собственности как к краже. Тверитинов парирует: “Положим, закон и будет исполняться народом, но, чтобы он был живуч и полезен, он не должен идти наперекор народному убеждению” [9, с. 8].

Тогда Бецкий пускает в ход против доводов Тверитинова либеральный подход к частной собственности, обосновывающий безусловную благодетельность срочного выкупа в противоположность идее бессрочных податей. Однако на это Тверитинов выдвигает типично славянофильское возражение: “Выкупом можно было решить вопрос крестьянский в Германии, где понятие о праве частной собственности на землю укоренилось в народе, но едва ли он применим у нас, где склад народного ума тянет не к частной поземельной собственности, а к общинному пользованию землею” [9, с. 11]. Наконец, Самарин связывает славянофильскую идеализацию сельской общины с государственным началом: “Земля по их [крестьян] понятиям — собственность всего русского народа <...>. Определить размер этого участия они предоставляют тому, кто управляет русскою землею” [9, с. 8]. Понятая таким образом, крестьянская община становится *слепком нации*, а устройство общины отображает фундаментальные этические представления русского народа. Русская крестьянская идентичность предполагает осознание себя внутри единого народного тела, русский мужик — не фермер.

Издатель газеты “День” И.С. Аксаков, как следует из его переписки, придавал статье Дмитрия Самарина большое значение, считая принципиально важным донести до читателя основной принцип, из которого исходит автор. В письме к графине А.Д. Блудовой от 25 ноября 1861 г. Аксаков пишет о своей передовице в № 7 как о *вступлении* к статье Самарина. Фактически редактор “Дня” открыто противопоставляет либерализму чичеринского типа *моральную экономику русского крестьянства*, глашатаями которой призваны стать славянофилы. Естественным союзником славянофилов становится царь, также стоящий за “уступку бытовым воззрениям народа”. “У вас закричат, что всё это непрактично. Нужды нет: самая идея такого свойства, что она залезет, как

заноза в голову, и помешает, я надеюсь, совершиться предполагаемому выкупу казенными крестьянами земель, им принадлежащих” [10, с. 213]. Статья Аксакова называлась “О трудности согласить юридическое и бытовое право в вопросе об освобождении крестьян”. В ней статья Самарина рекомендуется читателям прежде всего как удачный пример осуществления начала *юридического* с учетом начала *народного*.

Несмотря на все усилия Аксакова, экономическая проповедь Тверитинова была встречена настороженно, а в ряде случаев насмешливо. Многим казалось, что апелляции к “народной правде” плохо сочетаются с фискальным трюком, который этой “народной правдой” обосновывается. В ответ на диалог Бецкого и Тверитинова свой диалог, под названием “Разговор мирового посредника о крестьянском деле” (1862), пишет великий хирург Н.И. Пирогов, живший в то время в своей винницкой усадьбе и интересовавшийся ходом крестьянской реформы. В сценке Пирогова ожесточенный спор о выкупе и других хозяйственных вопросах ведут *Мировой посредник*, *Любопытный* и *Недовольный*. Идею равнозначности законодательной нормы и народного обычая Пирогов представляет как проявление морального и правового релятивизма. Мировой посредник указывает на главную слабость позиции Самарина: предложенная им новация вовсе не следует народному образу справедливости, а *подделывается* под него. Если народное *воззрение* в самом деле правдиво, тогда пусть крестьяне платят налог государству, но государству, в свою очередь, уже незачем выплачивать ренту помещикам — все расчеты с ними окончены. Кроме того, в статье государству предлагается *обманывать* крестьян, убеждая их, что они собственники и платят налог; а заодно обманывать и помещиков, внушая им, что землей владеют они, хотя реально ей пользуются освобожденные земледельцы (см. [11, стлб. 804]).

С иной точки зрения к статье брата подходил Ю.Ф. Самарин, также опубликовавшийся в газете у Аксакова под псевдонимом *Дмитрий Рычков*. Основная претензия Юрия Самарина к Дмитрию состоит в том, что, предостерегая князя от абсолютизации буквы закона, Тверитинов впадает в другую крайность, видя в исторических преданиях крестьян точно такой же строгий свод законов. Да, сущность и польза выкупной операции может быть не сразу понята крестьянами. Однако предания прошлого неизбежно уступают насущным потребностям и здравому смыслу. Свою рецензию Самарин-старший завершает сценкой

с "новыми приключениями" Тверитинова, представляя, чем бы обернулось на практике исполнение его предложений. Вначале сельский сход искренне радуется этой новости: теперь они свободные граждане! Дальше, однако, выясняется, что сумма оброка, которую они раньше выплачивали барину, прибавляется к подушному и земскому сбору, так что суммарный налог с пяти десятин мгновенно вырастает с полутора рублей до восьми с половиной рублей серебром, из которых в казне будет оставаться 50 копеек, а 8 рублей будет уходить на содержание пекущегося о народной правде Тверитинова. Следует заметить, что в сценке мужики достаточно быстро разгадывают этот маневр, после чего разъяснения главного героя, что это зато не оброк, а подать, перестают производить на них всякое впечатление: "Мы, батюшка — не прогневайтесь — люди темные, грамоты не знаем; по-нашему что оброк, что подать, всё восемь рублей с полтинником" [12, с. 405–406].

Реагируя на критику, Дмитрий Самарин продолжает объяснять свою позицию в тексте под заголовком "Оброчная подать". В ней возобновляются диалоги князя и Тверитинова. Но начавшаяся дискуссия затухает под действием внешнего вмешательства: спор о налогообложении и выкупе, затеянный славянофилами, вызывает недовольство государственного секретаря В.П. Буткова. В начале 60-х Буткову были отданы полномочия цензора любой литературы по крестьянскому вопросу. Свою задачу этот высокопоставленный чиновник видел в том, чтобы свести любые споры о подготовке и осуществлении реформы к минимуму. Бутков обратил особое внимание на статьи Д.Ф. Самарина. Вначале "День" был вынужден их печатать в значительно сокращенном виде, а затем Бутков распорядился, чтобы абсолютно *все* материалы по теме "Уставной грамоты" Московский цензурный комитет пересылал ему лично. Такой порядок сильно замедлил ход полемики, подрывая к ней читательский интерес, но и этого Буткову показалось мало, и очередной ответ Дмитрия Самарина на критику тот просто не допустил к публикации. И.С. Аксаков справедливо счел дальнейшую дискуссию на страницах "Дня" невозможной, поскольку одной из сторон не дают высказываться. Обсуждение программы Тверитинова было завершено волевым решением редакции (см. [13, с. 302–305], [9 <Приписка>, с. 18]). Самарин-младший не сразу откажется от полюбившейся ему дидактической формы: в № 51 газеты "День" за 22 декабря 1862 г. будет опубликован новый диспут Бецкого и Тверитинова, где последний снова будет рекламировать общинное землевладение [14]. Тем

не менее, в памяти современников останется лишь беседа об уставных грамотах и налоге для крестьян².

Говоря о восприятии "программы Тверитинова" читающей публикой, нельзя пройти мимо отзывать из революционно-демократического лагеря. В № 8 сатирического приложения к "Современнику" "Свисток" Чернышевский помещает памфлет, подписанный псевдонимом *Эфиоп*. Сравнительно небольшой текст полон пародийных аллюзий, достаточно указать его полный заголовок: "Опыты открытий и изобретений. Г. Магистр Н. де Безобразов — псевдоним! Библиографическое открытие!! (Посвящается немецкому философу Фихте и русскому библиографу М.Н. Лонгинову)". Вложенное в уста Тверитинова предложение Самарина сделать из оброка подать Чернышевский воспринимает едва ли не как проект узаконенного мошенничества: "В самом деле, как сделать, чтобы люди, не желающие платить, стали платить с удовольствием?" [33, с. 74] "...Подлинный г. магистр Н. Безобразов найден! Да это он, г. Д. Самарин. Абсолютное тождество этих двух имен очевидно", — приходит к выводу Чернышевский [Там же, с. 74–75]. Здесь нужно дать краткое пояснение, чтобы стало понятно, на что Чернышевский намекает.

Петербургский уездный предводитель дворянства, камергер Н.А. Безобразов был одним из первых представителей "партии крупных землевладельцев", публично отозвавшихся об инициативе по освобождению крепостных. В 1858 г. в Берлине была напечатана его брошюра на эту тему — "Об усовершенствовании <sic> узаконений, касающихся до вотчинных прав дворянства". В ней Безобразов, рекомендуя себя *магистром законовещения*, доказывает, что уничтожение крепостного права, а вместе с ним и сословных привилегий дворянства — мера преждевременная и избыточная. Несмотря на отдельные вопиющие случаи помещичьего произвола, между классами крестьян и помещиков нет неразрешимого, вытекающего из самой системы межсословных отношений конфликта. В этой уверенности Безобразов выказывает себя единомышленником другого идеолога "аристократической партии" Г.Б. Бланка, писавшего в частности: "В России рабства в том смысле, в каком оно существовало в прочей Европе,

² Небезынтересно, что спустя полвека после публикации статья Самарина удостоится лестного отзыва со стороны авторитетного историка великих реформ, секретаря ЦК партии кадетов А.А. Корнилова. Корнилов назовет статью "остроумной" и согласится с выводами автора, касавшимися устроений крестьян вскоре после издания Манифеста (см. [15, с. 243–244]).

нет и не бывало: там человек принадлежал человеку, тут принадлежат одному, и то с законным ограничением, только рабочие силы другого; там были рабы, а теперь бездомные наемники, здесь подчиненные, имеющие оседлость, обеспеченные в своем существовании, связанные в своих пользах с пользами своих помещиков...” [16, с. 119–120]. Безобразов не настолько идеализирует нравы русских поместий, признавая, что в настоящее время многие дворяне смотрят на крепостных крестьян как на собственное имущество, наравне с землей, скотом, хозяйственными постройками. Чтобы исправить это положение, утверждает *магистр законовещения*, достаточно просто внести необходимые уточнения в Свод законов, причем уточнения эти почти косметические. Необходимо устранить смешение собственно крепостного права с правом вотчинного управления: помещик владеет землей, и он же регулирует жизнь крестьян на своей земле. Однако вывод, что крестьяне на этом основании сами прикреплены к земле, то есть являются *имуществом*, попросту не соответствует законодательству. Это юридическая химера. Поэтому для исправления положения крестьян будет достаточно перенести некоторые статьи из одного тома Свода законов в другой, не включать крестьянские души в купчие, а указывать их в особом приложении к купчим, наконец, изобрести новые формулировки вместо слов “крепостное право” и “крепостные”. Последних Безобразов, к примеру, предлагал назвать “людьми, в помещичьем ведомстве состоящими”.

Брошюра Безобразова была встречена шквалом насмешек со стороны всех, кроме узкого круга богатых помещиков, некоторые из которых впоследствии вошли в редакционный кружок газеты “Весть”. «Изменить название и оставить факт! — выражал свое изумление с полос “Колокола” Н.П. Огарев. — Это крайний предел иезуитизма. <...> Как ни называй Федула Клеопатрой, он все-таки останется Федулом» [17, с. 120].

Таким образом, Чернышевский проводит очевидную параллель между словесной эквилибристикой Н. Безобразова и ухищрениями, предлагаемыми в статье Самарина Тверитиновым.

Компрометирующее для славянофила сравнение с готовностью разделял и поэт В.С. Курочкин в стихотворении “Благоразумная точка зрения (руководство для незрелых старцев и юношей)” (*Искра*. 1862. № 6):

Уважая свободные мнения,
Быт, обычай, преданья и род,
Я читаю газет рассуждения
Как философ, юрист, патриот.

Но, конечно, с достоинством барина
Я смотрю беспристрастно на них, —
С точки зрения Бланка, Самарина,
Безобразова Н. и других [18, с. 127]³.

Материал газеты “День” не прошел мимо и Достоевского. Публикация Самарина бегло, сдержанно и скорее без сочувствия упоминается в журнале “Время” (см. [19, с. 41–42]).

Велика ли вероятность, что запись “Возможность Тверитинова” отсылает нас именно к *самаринскому* Тверитинову, а если это так, то что это может обозначать в контексте замысла “Бесов”?

От споров вокруг самаринской статьи Достоевского на момент возникновения “важной заметки” отделяет около десятилетия. Вместе с тем, в ходе работы над романом Достоевский нередко обращается к, казалось бы, устаревшим реалиям и приметам. Н.А. Безобразова не стало в 1867 г., однако на определенном этапе творческой работы Достоевского именно эта фигура становится воплощением той самой “боярской партии” или «партии “Вести”», к которой в романе тяготеют Юлия Михайловна фон Лембке, Артемий Павлович Гаганов и ряд других персонажей. Уже давний к началу 1870-х годов скандал с «безобразным поступком “Века”» также кочует по произведениям и замыслам писателя. В целом нет ничего необычного и в том, что Достоевский в определенный момент припоминает и статьи Д.Ф. Самарина, а также, вероятно, и пародийные отклики на них Ю.Ф. Самарина, Н.Г. Чернышевского и др. Как писателя и публициста Достоевского отличала достаточно цепкая память на имена, крылатые фразы, символические происшествия, литературные скандалы — это был весьма наблюдательный свидетель литературного процесса.

Предположим, *Тверитинов* в тетради III — это тот самый Тверитинов, что описывал преимущества общинного землевладения князю Бецкому. На что же может указывать его упоминание в подготовительных материалах к “Бесам”? Шатов как альтернативный Нечаеву (Верховенскому) лидер может убеждать рабочих попытаться привлечь на свою сторону государство, которое, как и в случае с оброком и выкупом, могло бы прийти на помощь людям, выступив посредником между хозяевами и работниками. Конфликты между

³ В примечании к процитированному фрагменту И.Г. Ямпольский уточнял, что Курочкин имел в виду не Григория Борисовича Бланка, а его родного брата Петра Борисовича, также примыкавшего к «партии “Вести”». Статья П.Б. Бланка “Крестьянские выборы” была опубликована в выпуске “Дня” от 4 ноября 1861 г., т.е. незадолго до выхода в свет статьи Д.Ф. Самарина (25 ноября).

фабричными крестьянами и нерадивыми заводчиками случались регулярно (см. [20, с. 50–51]). Стоит вспомнить и аннотацию Аксакова, писавшего о необходимости учета *народного* права наряду с формальным *юридическим*.

Как мы помним, замысел Достоевского предполагает "характеры и типы народные в роде как из мертвого дома". В письме к брату Михаилу, отправленном в 1854 г. из Омска, Достоевский писал: "...В каторге между разбойниками я, в четыре года, отличил наконец людей. Поверишь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото. И не один, не два, а несколько. <...> Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его" [ЛСС₁, XXVIII₁, с. 172, 173]. В "Записках из мертвого дома" (1862) перед нами не просто разворачивается галерея народных типажей — чрезвычайные обстоятельства каторжной тюрьмы нагляднее знакомят нас с устройством России, нежели более "привычные" социальные среды. "...Этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего" [ЛСС₂, IV, с. 257]. И все же именно по необыкновенным чертам, по нетипичной концентрации сил, способностей, страстей Достоевский вместе со своим рассказчиком познает народное целое.

Именно это испытание, очевидно, ожидало героев Достоевского и при общении с фабричными работниками: встретив раскольника, Нечаев (Верховенский) должен был *спасовать* перед духовным разнообразием и психологической сложностью того народа, который участники революционного кружка так легко надеялись сагитировать. Еще в «Объявлении о подписке на журнал "Время" на 1861 год» (1860) писатель интерпретировал распространение религиозного инакомыслия следующим образом: "...Разойдясь с [петровской] реформой, народ не пал духом. Он неоднократно заявлял свою самостоятельность, заявлял ее с чрезвычайными, судорожными усилиями, потому что был один и ему было трудно. Он шел в темноте, но энергически держался своей особой дороги. Он вдумывался в себя и в свое положение, пробовал создать себе воззрение, свою философию, распался на таинственные уродливые секты, искал для своей жизни новых исходов, новых форм. <...> А между тем его называли хранителем старых допетровских форм, тупого старообрядства" [ЛСС₃, XVIII, с. 36].

Такое понимание Достоевским раскола создает возможность для второй, *сектантской* гипотезы.

2. Дело московского лекаря Дмитрия Евдокимовича Тверитинова (Дерюшкина), обвиненного духовными и светскими властями в распространении протестантизма среди православных, было известно специалистам по истории церкви и петровской эпохи. В некоторых источниках учение Тверитинова отождествляется с кальвинизмом⁴. О деле Тверитинова в контексте судебных протестантских учений в России вспоминал и В.И. Кельсиев [23, с. x–xi]. Долгое время основным источником сведений о Тверитинове и его последователях являлось одно из главнейших антипротестантских сочинений, оставленных православным богословием, — "Камень веры" (1718) митрополита Стефана Яворского. Разбирательство по делу о московских "хулителях веры" стало непосредственным поводом к составлению этого труда. Во вступлении к книге митрополит Стефан задает основной круг мотивов, которые впоследствии будут развиваться во всех дальнейших сочинениях, посвященных Тверитинову: "Смолоду он пристал к некоему врачу-иноверцу, от которого научился врачебным хитростям, но при этом повредился душой от недуга еретичества. Он стал телесным врачом, но жесточайшим душевным губителем. <...> он стал ересеучителем и, возглавив сборище губителей, стал засеивать плевелы различных ересей посреди пшеницы святого благочестия. То, что он впитал с молоком с молодости, в совершенстве лет и своей злобы стал выплевывать. Он учил не по чину, вопреки всем Вселенским и Поместным Соборам, что следует отвергнуть святые иконы, что в Святейшей Евхаристии есть только обычный хлеб, что бесполезно призывать святых, что напрасно поклоняться животворящему Кресту Господню, что не следует почитать святые мощи и молиться за умерших, а также другим нечестивым догматам, издревле проклятым Вселенскими Соборами" [24, с. 18]. Стефан Яворский упоминает и учеников московского лекаря. Из них для нас наиболее интересен *цирюльник Фома Иванов* — наиболее фанатичный поклонник тверитиновских рассуждений. Иванов, сообщает Стефан, "достиг такой степени беснования, что по демонскому наущению, из-за своего еретичества, будучи пьяным, дерзнул надругаться даже над образом Божия угодника святого Митрополита Российского Алексия в Чудовом монастыре. <...> по монаршескому указу <...> звероподобный еретик Фома за свое безумное дерзновение понес соответствующее суровое наказание — смертную казнь. За это он достоин похвалы, поскольку, хотя

⁴ См., напр.: [21, с. 248]. Интерпретация Аскоченского почти дословно воспроизводится духовным писателем Е.Н. Поселяниным: [22, с. 12].

и сотворил вначале зло, но после этого совершил добро, загладив свое злодеяние искренним покаянием, исповеданием своих грехов и публичным покаянием в своей дерзости. Остальные еретики, не покорившиеся Святой Церкви, то есть Димитрий Тверитинов с единомышленниками, на общем Совете Священного Собора были преданы анафеме” [24, с. 18—19].

Дело Тверитинова, судя по сохранившимся документам, в самом деле было значимым для своего времени, сыграв немалую роль лично в биографии Стефана Яворского и в его политической борьбе с другими видными церковными иерархами, в первую очередь с подозревавшимся в симпатиях к немецким протестантам Феофаном Прокоповичем.

Что касается научного и общественного интереса к Тверитинову и его адептам, то, надо полагать, решающую роль в возрастании этого интереса сыграли исследования молодого церковного историка, будущего профессора Киевской духовной академии Ф. А. Терновского (1838—1884). В 1862 г. Терновский защитил магистерскую диссертацию по теме “Местоблюститель патриаршего престола митрополит рязанский Стефан Яворский и Димитрий Тверитинов”. В 1864 г. диссертация была дополнена автором и переиздана под названием “Митрополит Стефан Яворский: биографический очерк” в “Трудах Киевской духовной академии”. Годом ранее в Москве и Казани издавались статьи по теме диссертации из журнала “Православное обозрение” и материалы следствия по делу (см. [25]; [26]).

В конце 1860-х — начале 1870-х годов, незадолго до начала работы Достоевского над “Бесами” и непосредственно во время этой работы, в свет выходит сразу несколько трудов по истории православной церкви и русского религиозного раскола, в которых более или менее подробно излагаются биография и основные взгляды Дмитрия Тверитинова. Для Достоевского, с его неоднозначным отношением к фигуре и историческим заслугам Петра, особенно интересным и важным могло показаться как раз то, что Тверитинов действует в петровское время и во многом заимствует свои воззрения из Немецкой слободы. Рецепция немецкого протестантизма московским лекарем могла быть рассмотрена в качестве наглядного примера взаимодействия русского национального сознания с европейской цивилизацией. Общим местом в литературе по расколу становится утверждение линии духовной преемственности: вначале протестантские вероучения просачиваются на русскую почву в царствование Ивана IV

(так появляются так называемые *рационалистические* секты Матвея Башкина и Феодосия Косого), затем влияние протестантов достигает пика в эпоху Петра и в конце концов теряет европейские черты, порождая секты духоборов и молокан. Следует заметить, что для 1860—1870-х г. довольно типичным является сочувственное отношение к ересям и сектам как к проявлению духовных поисков и свободомыслия русского народа. Тверитинов — промежуточное звено между привнесенным Петром лютеранством и современными протестантскими сектами.

Наиболее отчетливо эта идея выражена и развита в трудах популярного публициста и историка Ф.В. Ливанова, чье имя было, несомненно, знакомо Достоевскому и даже упоминалось им в записных тетрадях к роману (см. [ЛСС, XI, с. 150; XII, с. 219, 350]). В первой части своего известного труда “Раскольники и острожники” (1869) Ливанов соглашается с теми, кто пишет о персональных симпатиях Петра к лютеранам и о том, что бурные и резкие преобразования императора поколебали религиозные убеждения народа, дав повод к брожению умов и возникновению ересей. Вместе с тем, историк настаивает: учение Тверитинова не было простой *калькой* ни с лютеранства, ни с какого-либо еще протестантского верования: более того, целый ряд утверждений Тверитинова и его учеников, насколько можно судить по материалам следствия, прямо противоречат лютеранским догматам. Ливанов настаивает на глубоко самобытном характере “русского протестантизма”, его укорененности в духовных и интеллектуальных потребностях самого народа, так что мы можем говорить о полноценном “реформационном движении русском” [27, с. 192]. В своем анализе Ливанов пытается уйти от чрезмерного соотнесения тех или иных тенденций религиозной жизни с конкретными историческими лицами: Лютер дал имя лютеранству, но лютеранство жило прежде Лютера; русская реформация не имела лидеров, и Тверитинов также не мог бы претендовать на этот статус. Популярность рационалистических толков в народе обусловлена не столько деятельностью “ересеучителей”, сколько объективными историческими условиями, такими как деградация и падение авторитета официальной церкви: “...Духовенство подверглось полной деморализации, унизились перед аристократизмом XVIII века, на который тогда изливались милости и привилегии, отнимаемые у духовенства, и в чувстве этого самоунижения и раболепства перед обществом, при отсутствии сил и средств подняться на высоту общественного положения, окончательно упало нравственно,

закоснело в бессознательности своего назначения и свыклось с худым мнением о нем общества, отчего, без зазрения совести, не дорожило уже собою... Народ и общество московское отшатнулись, вследствие сего, от духовенства окончательно, и рационализм, в последнем представителе своем, Тверитинове и его учениках, полил потоком по России...», — заключал Ливанов [27, с. 395].

В комментарии к записным тетрадям Достоевского Н.Ф. Буданова обращает внимание на знакомство писателя с разгромными рецензиями В.И. Кельсиева на ливановские сочинения в журнале В.В. Кашпирёва и Н.Н. Страхова "Заря". Так, в апрельском номере журнала за 1870 г. Кельсиев открыто обвиняет Ливанова в "проповеди молоканства": с точки зрения рецензента, автор явно утратил необходимую дистанцию с предметом изучения и превратился из рассказчика в своего рода миссионера. При этом Кельсиев прямо пишет о некомпетентности Ливанова в целом ряде вопросов, о которых тот берется писать, а также о недопустимом тоне предисловия к переизданию "Раскольников и острожников" 1870 г. Отдельные обороты из предисловия Ливанова, действительно, производят странное впечатление: «Первое издание нашей книги "Раскольниковы и Острожники" вызвало со всех концов России благодарность за беспристрастный взгляд на дело раскола и фактическое разоблачение так называемых тайн сектантских... Нам довелось получать благодарственные письма от всех слоев русского общества. Все желают одного: света и света для темных дел раскольничьих... ближе к развязке!» [27, с. I]. Всех своих критиков Ливанов подозревает в тайной работе на богатых раскольников, нередко опускаясь до прямых оскорблений и распространения ложных слухов. О самом Кельсиеве Ливанов пишет как о недоучке, считающем себя турецким султаном (намек на поездки Кельсиева в Турцию) и сидящем в "желтом доме" [28, с. iii–iv].

Очевидно, именно насмешки Кельсиева над обидчивостью и самомнением Ливанова повлияли, как отмечал В.А. Туниманов, на соответствующую запись в тетради Достоевского: «Нечаев страшно самолюбив, но как младенец (Ливанов). "Мое имя не умрет века, мои прокламации — история, моя брошюра проживет столько же, сколько проживет мир»» [ЛСС, XI, с. 150; XII, с. 219]. Кельсиев приводил буквальную цитату из предисловия ко второму тому "Раскольниковы и острожников": "...Изданные нами книги, по своим источникам и разработке оных, послужат краеугольным камнем всех последующих исследований сих любопытных сект, и книги наши

проживут [...] столетия; потому не нам обращать серьезное внимание на жалкие завывания малограмотных фельетонистов и бездарных рецензентов — неучей, неспособных отличить даже поповца от беспоповца..." [28, с. i].

Внимательное отношение Достоевского к Кельсиеву должно было объясняться его заслугами в деле изучения народных верований. Василий Иванович Кельсиев (1835–1872) окончил коммерческое училище за счет Российско-американской компании и по условиям соглашения должен был отработать свое обучение на Аляске. Отправившись морским путем в Ситку (Ново-Архангельск) на Аляске, Кельсиев сбежал с рейса в Плимуте, а затем перебрался в Лондон, где стал сотрудником Герцена и Огарева. Именно Кельсиеву принадлежала идея привлечь на сторону революционного движения в России раскольников — старообрядцев и сектантов. Энергичный, добросовестный и любознательный, Кельсиев собрал и проанализировал огромный массив полевой и архивной информации, принимал участие в издании огаревской газеты "Общее вече", нелегально посещал Москву и Петербург, вел агитацию в среде австрийских старообрядцев и осевших в Турции казаков-некрасовцев, мечтал основать русскую колонию на Дунае. За время эмиграции от нищеты и болезней скончались родной брат Кельсиева, а также его жена и двое маленьких детей. Сломленный семейными трагедиями и неудачами всех его политических проектов, он разочаровался в прежних взглядах, официально вернулся в Россию и публично отрекся от прежних убеждений, за что был помилован властями. Остаток лет Кельсиев проработал в журналах "Заря", "Русский вестник", "Всемирный труд" и др. Есть основания предполагать, что фигура Кельсиева, его необычная судьба и редкие познания в области народной жизни могли послужить Достоевскому при разработке образа Шатова в "Бесах" (см. об этом [ЛСС, XII, с. 232–233]).

В своей рецензии Кельсиев пытался продемонстрировать истоки суждений Ливанова и ему подобных, считавших старообрядчество и мистические секты плодом народного невежества и фанатизма, а вероучения, тяготевшие к европейскому протестантизму, напротив, проявлением здравого смысла и тяги к просвещению. С точки зрения Кельсиева, такой подход является порождением либеральных симпатий русского образованного общества, которое в рецензии "Зари" названо "по-ливановски молоканствующим" [23, с. 129]. Фактически же и русское молоканство, и западный протестантизм, и мода на них

у определенной части либеральной публики – явления бесплодные, порождения интеллектуальной и духовной лени, трусости. Протестантские учения с их отрицанием чудес, обрядности и предметов поклонения пытаются предложить человеку удобный (в терминах записных тетрадей Достоевского можно было бы сказать “пищеварительный”) компромисс между верой и неверием. Честный протестант или молоканин рано или поздно признается сам себе, что его убеждения требуют либо воссоединения с “истинной” религией (православием или католичеством), либо тотального отказа от идеи Бога, принятия атеизма [23, с. 124–125].

В публицистике Достоевского нетрудно отыскать рассуждения, близкие подходу Кельсиева. Так, в статье “Три идеи” из январского “Дневника писателя” за 1877 г. читаем: “...Лютеров протестантизм есть уже факт: вера эта есть протестующая и лишь *отрицательная*, и чуть исчезнет с земли католичество, исчезнет вслед за ним и протестантизм, наверно, потому что не против чего будет протестовать, обратится в прямой атеизм и тем кончится” [ЛСС, XXV, с. 8]. Впрочем, критика протестантизма у Достоевского простирается гораздо дальше насущных вопросов, и в этом его взгляд отличается от взгляда Кельсиева. Достоевский, как и Кельсиев, видит в протестантизме *критику, отторжение* католичества, камуфлированное в форму самостоятельной религии, каковыми лютеранство или англиканство, по существу, не являются. Однако в противостоянии католиков и лютеран Достоевский, видимо, находясь под влиянием идей Н.Я. Данилевского, распознает и цивилизационный конфликт – девятнадцативековое противоборство римской и германской идеи. Вся Германия, убежден Достоевский, выросла из мечты о крушении Рима, и как только эта мечта будет полностью воплощена, исторический смысл существования германской нации будет утрачен.

Именно этими размышлениями, к примеру, обусловлено отношение Достоевского к штундизму: штунда, по мнению, высказанному им со страниц “Гражданина” в 1873 г., явление сколь случайное, столь и национальное. Русский крестьянин пришел к немцу поучиться хозяйственности и *правде*, движимый желанием *очнуться*, обретя свободу после Манифеста 19 февраля. “Главное, правды захотелось, правды во что бы ни стало, даже жертвуя всем, что было до сих пор ему свято. Потому что никаким развратом, никаким давлением и никаким унижением не истребишь, не замортишь и не искоренишь в сердце народа нашего

жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего” [ЛСС, XXI, с. 58]. Желая правды, мужики из Херсонской губернии тянутся к немецкому пастору лишь потому, что православное духовенство своих пастырских функций не исполняет. Вот почему люди увлечены ложным путем: “Ну какой в самом деле наш народ протестант и какой он немец? <...> И не заключается ли всё, всё, чего ищет он, в православии? Не в нем ли одном и правда и спасение народа русского, а в будущих веках и для всего человечества? Не в православии ли одном сохранился божественный лик Христа во всей чистоте?” [Там же, с. 59].

В разбираемом нами фрагменте из записной тетради Достоевского упомянуты раскольники. В разговоре со Ставрогиным о перспективах политической агитации на шпигулинской фабрике Петр Верховенский ссылается на суждение Шатова: “...Шатов уверяет, что если в России бунт начинать, то чтобы непременно начать с атеизма. Может, и правда” [ЛСС, X, с. 180]. В логическом переходе разговора от пропаганды атеизма к возможным беспорядкам на фабрике можно увидеть *структурную* параллель с записью на стр. 60. В этом случае *возможность Тверитинова* – это возможность облечь социальный протест в религиозные формы.

Ливанов отдавал должное не только миссионерской убедительности Тверитинова, но и его организационным способностям. Тверитинов был медиком по роду занятий, а потому “звание врача и обширная практика давали ему возможность сблизиться со всеми классами общества...” [27, с. 182–183]. Сама пропаганда сводилась к простому и убедительному приему: Тверитинов раздавал всем желающим тетрадки с выдержками из Священного писания и краткими комментариями. По утверждению Ливанова, цитаты из тетрадок Тверитинова до сих пор используются молоканами в повседневной жизни [27, с. 183]. Исследователь Ф.А. Терновский комментировал состав тетрадей следующим образом: “Самостоятельной работе Д. Тверитинова принадлежала только группировка текстов и надписаний; все остальное взято из Библии и отцев” [29, с. 115].

В заключение укажем на еще один важный довод в пользу второй гипотезы. Обвинения, предъявленные духовным и светским судом Тверитинову и его ученикам, как бы распадаются надве части: с одной стороны, еретиков наказывали за распространение протестантизма, с другой – за *иконоборчество*. К примеру, 21 марта 1715 г. тверитиновское дело слушалось в Канцелярии Сената именно как “иконоборное” (см. [30, стлб. XIII]).

Следует заметить, что следствие и суд о Тверитинове и его товарищах длились не один год. Гражданские власти, согласно разысканиям Ф.А. Терновского, не исключая императора Петра, склонялись к тому, чтобы отпустить лекаря на свободу, приняв от него покаянное письмо. Рассматривался план торжественно огласить воссоединение Тверитинова с церковью, дабы вернуть врачу доброе имя. Однако Стефан Яворский убедил церковные и светские власти в том, что покаяние, принесенное Тверитиновым и др., притворное и что возвращать еретикам свободу не следует, а дознание надлежит возобновить. Участников религиозных собраний регулярно разлучали, переводя из одного монастыря в другой. Именно в это время случилось то *надругательство* над иконой, о котором писал в "Камне веры" еще митрополит Стефан Яворский. Из авторов, современных Достоевскому, наиболее полно и красноречиво этот эпизод пересказывал С.М. Соловьев в XVI томе "Истории России с древнейших времен" ("История России в эпоху преобразования", т. IV): «...Один из еретиков, Фома Иванов, был отдан под начал в Чудов монастырь, и велено его в оковах приводить в церковь во время службы; 5 октября [1714 г.], после заутрени, Фома вынул косарь⁵, принесенный им тайно из кельи, и перерубил по лицу образ св. Алексия митрополита "в церкви Благовещения, за железною решеткою стоящий по человечеству резной на серебре"; монахи и лампадчики едва успели схватить его и удержать. Приведенный в Духовный патриарший приказ, Фома сказал: отец его был посадский человек и жил в Твери; он, Фома, учился грамоте у попа; 22 года тому назад приехал в Москву, жил в разных домах, нанимался работать, на исповеди не бывал, в церкви хаживал и молился истинному богу, а иконам поклонялся; в прошлом 1713 году велено сыскать его в Преображенский приказ, где расспрашиван об иконоборстве, послан был в Петербург, оттуда — в Чудов монастырь и порубил образ для того, что икон, креста и мошей не почитает и не поклоняется, ибо иконы и крест — дела рук человеческих, а мощи его, Фому, не милуют; призывания святых и молитвы за умерших не приемлет, в евхаристии не верует быти истинному телу и крови Христовой, но просвира и вино церковное просто, и в книгах Ветхого и Нового завета не нашел ничего этого. Ни у кого не учился, до всего дошел сам, других не учил и не знает, кто бы с ним одинаково думал; подал покаяние, чтоб получить свободу, а если б получил свободу,

творил бы прежде; лекарь Тверитинов ему брат двоюродный» [31, с. 343–344].

Мотив иконоборчества занимает важное место в структуре романа "Бесы". Наиболее подробно он рассмотрен польской исследовательницей Д. Вальчак, возводящей размышления Достоевского о сходстве между иконоборчеством и нигилизмом к цитате из письма Белинского к Гоголю: "Основа религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх Божий. А русский человек произносит имя Божие, почесывая себе задницу. Он говорит об образе: *годится — молиться, не годится — горшки покрывать*. Приглядитесь пристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ" [Белинский, X, с. 215]; [32, с. 71]. В самом романе перед нами проходит целая вереница иконоклястов, как, например, подпоручик, ударивший и укусивший своего командира: "Сомнения не было, что сошел с ума, по крайней мере обнаружилось, что в последнее время он замечен был в самых невозможных странностях. Выбросил, например, из квартиры своей два хозьяйские образа и один из них изрубил топором; в своей же комнате разложил на подставках, в виде трех налоев, сочинения Фохта, Молешотта и Бюхнера и пред каждым налоем зажигал восковые церковные свечки" [ЛСС, X, с. 269]. Одним из самых ярких эпизодов в "Бесах" становится и эпизод поругания иконы Богородицы. Сошлемся на ценное наблюдение Вальчак: «Автором проводится четкое различие между самим ограблением образа — кражей части драгоценных камней из ризы — и "глумительным кошунством", которым был запуск живой мыши за стекло иконы (хотя, в отличие от кражи, мышь не причинила никакого физического вреда образу)» [32, с. 72]. Приведем, вслед за нашей коллегой, упрек, который кидает Петру Верховенскому Федька-каторжный: "Я, видишь, Петр Степанович, говорю тебе это верно, что обдирали; но я только зеньчуг поснимал, и почем ты знаешь, может, и моя слеза пред горнилом всевышнего в ту самую минуту преобразилась, за некую обиду мою, так как есть точь-в-точь самый сей сирота, не имея насущного даже пристанища. <...> А ты пустил мышь, значит, надругался над самым Божиим перстом. И не будь ты природный мой господин, которого я, еще отроком бывши, на руках наших нашивал, то как есть тебя теперича порешил бы, даже с места сего не сходя!" [ЛСС, X, с. 428].

Вальчак заключает, что Достоевский проводит четкую взаимосвязь между нигилизмом и иконоборчеством, с одной стороны, и иконой, церковью и государством — с другой. Ко времени

⁵ Разновидность тяжелого хозяйственного ножа.

публикации “Бесов” эти мотивы стали уже типичными в жанровой поэтике антинигилистического романа (исследовательница приводит пример из романа Вс. Крестовского “Кровавый пух”) (см. [32, с. 73, 74–75]). На наш взгляд, введение в наброски имени *Тверитинова* может послужить лишним указанием на то, что иконоборческая тема в “Бесах” простирается гораздо дальше “антинигилистического” жанрового задания.

Сама Вальчак неслучайно упоминает Кирилова, который, по меткому наблюдению Петра Верховенского, верует, “пожалуй, еще больше попа” [ЛСС₁, X, с. 471]. Обратимся к более позднему тексту — очерку “Влас” из “Дневника писателя” за 1873 г. Достоевский проводит тонкий психологический анализ поступка двух деревенских парней, один из которых вызвал своего приятеля на неслыханную дерзость, на богохульство: вынуть изо рта причастие, отойти в укромное место и выстрелить в причастие (т.е. в тело Христово) из ружья, *расстрелять Иисуса*. Юноша, не в силах противиться соблазну и трепеща от ужаса, исполняет почти все условия спора, но в последний момент видит перед собой распятого Христа и падает без чувств. Для Достоевского в этом эпизоде сконцентрированы все проблемы русской духовной жизни: потребность в серьезных нравственных испытаниях, в постоянном познании добра и зла, замороженном изучении бездны; и при том безошибочный инстинкт сердца, которое в последний момент не позволило совершиться ужасному греху, сознание которого могло бы навсегда уничтожить молодого крестьянина. Достоевский пишет о типе *русского безобразника*, который “прежде всего сам страдалец” [ЛСС₁, XXI, с. 36]. Заметим, что надругательство над причастием — гораздо более изощренная форма богохульства, нежели насмешка над иконой или даже ее уничтожение, несмотря на семиотическую близость этих деяний. Тем не менее, и в том, и в другом случае Достоевский оставляет пространство для разных интерпретаций. Последует ли за надругательством покаяние и примирение? Свидетельствует ли иконоборчество о поиске истины или об отпадении от нее? Разорение драгоценной ризы может обернуться глубоким пониманием своего проступка, а неудавшийся выстрел в причастие — драматичным духовным переломом.

За подобными случаями Достоевский видит не только теологические и этические, но и социальные проблемы. Так, во “Власе” он интересуется не только судьбой стрелка, но и судьбой его *искусителя*. Вопрос о том, раскаялся ли другой парень, подговаривавший друга, представляется

писателю важным в свете общественных перемен, вызванных реформами: “...Что, если это и впрямь настоящий нигилист деревенский, доморощенный отрицатель и мыслитель, не верующий, с высокомерною насмешкой выбравший предмет состязания, не страдавший, не трепетавший вместе с своею жертвою, как предположили мы в нашем этюде, а с холодным любопытством следивший за ее трепетаниями и корчами, из одной лишь потребности чужого страдания, человеческого унижения, — черт знает, может быть, из ученого наблюдения?” [Там же, с. 40]. Достоевский допускает вероятность того, что, освободившись, крестьянская молодежь начнет по-своему переживать все те интеллектуальные искушения, через которые проходят их сверстники-горожане.

Отсюда следует, что *возможность Тверитинова* подразумевает различные варианты пограничного религиозного опыта: пересмотр православных канонов и обрядов, стихийное иконоборчество, увлечение атеизмом, а может быть, и наоборот, путь штунды, испытание протестантизмом.

Так или иначе, эти сюжетные варианты не были реализованы, по крайней мере в том схематическом виде, в каком они были обозначены на стр. 60. Замысел “Бесов” продолжил трансформироваться. Тверитинов первой или второй гипотезы, вероятно, послужил Достоевскому вспомогательным материалом, опорной точкой для дальнейших размышлений над композицией произведения. Вымышленный филантроп из диалогов Самарина или религиозный вольнодумец петровского времени, он не занял в ряду исторических образов и прототипов романа того же места, что Грановский или Нечаев. Однако и такая крохотная деталь может быть полезна литературоведу при реконструкции идеологического и философского контекста романа “Бесы”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ЛСС₁ — Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- ЛСС₂ — Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 35 т. СПб.: 2013—.
- Белинский — Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Издательство АН СССР, 1953–1959.
1. К истории нечаевского процесса. (Донесения и письма Н.Д. Горемыкина) // Красный архив. 1930. Т. 6 (43). С. 111–165.

2. Записные тетради Ф.М. Достоевского / Подг. Е.Н. Коншиной, И.И. Игнатовой. М.; Л.: Academia, 1935.
3. *Тверитинов А.Н.* Об объявлении приговора Н.Г. Чернышевскому, о распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и о многом другом. Воспоминания. СПб., 1906.
4. *Кантор Р.М.* Тверитинов, Алексей Николаевич // Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. II. Семидесятые годы. Вып. IV. С–Я. М.: Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. Стлб. 1681–1683.
5. *Петров Ф.А.* Популяризатор идей Чернышевского // Вопросы истории. 1979. № 8. С. 174–178.
6. *Цимбаев Н.И.* Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2013.
7. *Нольде Б.Э.* Юрий Самарин и его время. Paris: [б. и.], 1926.
8. *Христофоров И.А.* Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М.: Собрание, 2011.
9. *Самарин Д.Ф.* Уставная грамота // Самарин Д.Ф. Собрание статей, речей и докладов. Т. I. Крестьянское дело. М.: Типолиитография товарищества "И.Н. Кушнерев и К°", 1903. С. 1–18.
10. *Аксаков И.С.* Письмо к А.Д. Блудовой // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. IV. Ч. 2. СПб.: Императорская Публичная библиотека, 1896. С. 212–214.
11. *Пирогов Н.И.* Разговор мирового посредника о крестьянском деле с любопытным и недовольным // Пирогов Н.И. Сочинения. Т. I. Киев: Пироговское общество, 1914. Стлб. 794–816.
12. *Самарин Ю.Ф.* Ответ на статьи Д.Ф. Самарина, напечатанные в №№ 7 и 10 "Дня" // Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. IV. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1911. С. 385–418.
13. *Попельницкий А.З.* Специальная цензура книг и статей по крестьянскому вопросу в 1861–1862 гг. // Русская старина. 1916. Т. 165. Февраль. С. 294–309.
14. *Самарин Д.Ф.* Передел общинных полей // Самарин Д.Ф. Собрание статей, речей и докладов. Т. I. Крестьянское дело. М.: Типолиитография Товарищества "И.Н. Кушнерев и К°", 1903. С. 228–244.
15. *Корнилов А.А.* Деятельность мировых посредников // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. V. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1911. С. 237–252.
16. *Бланк Г.Б.* Русский помещичий крестьянин // Труды Вольного экономического общества. 1856. Т. 2. № 6. Отд. II. С. 117–129.
17. [*Огарев Н.П.*] Разбор брошюры Н. Безобразова «Об усовершенствовании узаконений, касающихся до вотчинных прав дворянства» // Колокол. 1858. Л. 15. 15 мая. С. 117–122.
18. Поэты «Искры»: В 2 т. Т. 1. В. Курочкин. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1987.
19. <*Порецкий А.У.*> Наши домашние дела. Современные заметки // Время. 1862. № 7. С. 35–64.
20. *Трефилова Л.А.* Землевладение и землепользование горнозаводского населения посессионных заводов Пермской губернии в 1861–1917 гг. // Из рабочего класса и крестьянства Пермского края. Сб. ст. Пермь: Пермское книжное издательство, 1965. С. 46–68.
21. *Аскоченский В.И.* Киев с древнейшим его училищем Академиию. Ч. I. Киев: Университетская типография, 1856.
22. *Поселянин Е.Н.* Русская церковь и русские подвижники 18-го века. СПб.: И.Л. Тузов, 1905.
23. *Кельсиев В.И.* Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. 1. Лондон: Trübner & Co, 1860.
24. *Стефан Яворский, Митрополит Рязанский и Муромский.* Камень веры Православно-Кафолической Восточной Церкви. СПб.: Общество Памяти Игуменьи Таисии, 2010.
25. *Терновский Ф.А.* Московские еретики в царствование Петра I. Материалы по делу о Тверитинове. [Казань, 1863].
26. *Терновский Ф.А.* Следственное дело о московских еретиках в царствование Петра I и полемические сочинения против них. М.: Университетская типография (Катков и К°), 1863.
27. *Ливанов Ф.В.* Раскольники и острожники. Очерки и рассказы. Т. I. СПб.: Типография доктора М. Хана, 1869.
28. *Ливанов Ф.В.* Раскольники и острожники. Очерки и рассказы. Т. II. СПб.: Типография доктора М. Хана, 1870.
29. *Терновский Ф.А.* Московские еретики при Петре I (*Окончание*) // Православное обозрение. 1863. Т. XI. С. 111–135.
30. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. I. СПб., 1868.
31. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. XVI. М.: Университетская типография (Катков и К°), 1866.
32. *Вальчак Д.* Нигилист и икона. Революционеры-иконоборцы в романе Ф. М. Достоевского "Бесы" // LibriMagistri. 2018. V. С. 70–76.

33. Чернышевский Н.Г. Магистр Н. де-Безобразов — псевдоним! Библиографическое открытие! (Посвящается немецкому философу Фихте и русскому библиографу М.Н. Лонгинову) // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. X. М.: ГИХЛ, 1951. С. 71–77.

REFERENCES

Dostoyevsky, F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy: V 30 t.* [Complete Collected Works: In 30 Vols.] Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

Dostoyevsky, F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 35 t.* [Complete Collected Works and Letters: In 35 Vols.] St. Petersburg, 2013–. (In Russ.)

Belinsky, V.G. *Polnoye sobraniye sochineniy: V 13 t.* [Complete Collected Works: In 13 Vols.] Moscow, Izdatelstvo AN SSSR Publ., 1953–1959. (In Russ.)

1. *K istorii nechayevskogo protsessa. (Doneseniya i pisma N.D. Goremykina)* [To the History of the Nechaev Trial. (Reports and Letters by N.D. Goremykin)]. *Krasnyy arkhiv* [Red Archive]. 1930, Vol. 6 (43), pp. 111–165. (In Russ.)

2. *Zapisnyye tetradi F.M. Dostoyevskogo. Podg. E.N. Konshinoy, I.I. Ignatovoy* [Notebooks of F.M. Dostoyevsky. Prepared by E.N. Konshina, I.I. Ignatova]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. (In Russ.)

3. Tveritinov, A.N. *Ob obyavlenii prigovora N.G. Chernyshevskomu, o rasprostraneniі ego sochineniy na frantsuzskom yazyke v Zapadnoy Evrope i o mnogom drugom* [On the Announcement of the Judgement to N.G. Chernyshevsky, about the Distribution of his Works in French in Western Europe and Much More. Memoirs]. *Vospominaniya* [Memoirs]. St. Petersburg, 1906. (In Russ.)

4. Kantor, R.M. *Tveritinov, Aleksey Nikolayevich. Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii. Biobibliograficheskiy slovar. T. II. Semidesyatyye gody. Vyp. IV. S—Ya* [Tveritinov, Alexey Nikolaevich. Participants of the Revolutionary Movement in Russia. Biobibliographic Dictionary. Vol. II. Seventies. Iss. IV. S—YA]. Moscow, Vsesoyuznoye obshchestvo politicheskikh katorzhan i ssylno-poselentsev Publ., 1932. Col. 1681–1683. (In Russ.)

5. Petrov, F.A. *Populyarizator idey Chernyshevskogo* [Popularizer of Chernyshevsky's Ideas]. *Voprosy istorii* [Topics in the Study of History]. 1979, No. 8, pp. 174–178. (In Russ.)

6. Tsimbayev, N.I. *Slavyanofilstvo: iz istorii russkoy obshchestvenno-politicheskoy mysli XIX veka* [Slavophilism: Excerpts on the History of Russian Socio-Political Thought of the 19th Century]. Moscow, Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii Publ., 2013. (In Russ.)

7. Nolde, B.E. *Yuriy Samarin i ego vremena* [Yuriy Samarin and His Time]. Paris [b. i.], 1926. (In Russ.)

8. Khristoforov, I.A. *Sudba reformy: Russkoye krestyanstvo v pravitelstvennoy politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-e gg.)* [The Fate of Reform: The Russian Peasantry in Government Policy Before and After the Abolition of Serfdom (1830–1890s)]. Moscow, Sobraniye Publ., 2011. (In Russ.)

9. Samarin, D.F. *Ustavnyaya gramota* [The Statute Charter]. Samarin, D.F. *Sobraniye statey, rechey i dokladov. T. I. Krestyanskoye delo* [Collection of Articles, Speeches and Reports. Vol. I. Peasant Affair]. Moscow, Tipolitografiya tovarishchestva “I.N. Kushnerev i K” Publ., 1903, pp. 1–18. (In Russ.)

10. Aksakov, I.S. *Pismo k A.D. Bludovoy* [Letter to A.D. Bludova]. *Ivan Sergeyevich Aksakov v ego pismakh. T. IV. Ch. 2* [Ivan Sergeevich Aksakov in His Letters. Vol. IV. P. 2]. St. Petersburg, Imperatorskaya Publichnaya biblioteka Publ., 1896, pp. 212–214. (In Russ.)

11. Pirogov, N.I. *Razgovor mirovogo posrednika o krestyanskom dele s lyubopytnym i nedovolnym* [The Conversation of the Commune Conciliator on the Peasant Affair with the Curious Man and the Dissatisfied Man]. Pirogov, N.I. *Sochineniya. T. I* [Writings. Vol. I]. Kiyev, Pirogovskoye obshchestvo Publ., 1914. Col. 794–816. (In Russ.)

12. Samarin, Yu. F. *Otvet na statji D.F. Samarina, napechatannyye v №№ 7 i 10 “Dnya”* [Response to Articles by D.F. Samarin, Published in Nos. 7 and 10 of “The Day”]. Samarin, Yu.F. *Sochineniya. T. IV* [Works. Vol. IV]. Moscow, Tovarishestvo tipografii A.I. Mamontova Publ., 1911, pp. 385–418. (In Russ.)

13. Popelnitsky, A.Z. *Spetsialnaya tsenzura knig i statey po krestyanskomu voprosu v 1861–1862 gg.* [Special Censorship of Books and Articles on the Peasant Question in 1861–1862]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity]. 1916, Vol. 165, February, pp. 294–309. (In Russ.)

14. Samarin, D.F. *Peredel obshchinnykh poley* [The Repartition of Communally Owned Fields]. Samarin, D.F. *Sobraniye statey, rechey i dokladov. T. I. Krestyanskoye delo* [Collection of Articles, Speeches and Reports. Vol. I. Peasant Affair]. Moscow, Tipolitografiya Tovarishestva “I.N. Kushnerev i K” Publ., 1903, pp. 228–244. (In Russ.)

15. Kornilov, A.A. *Deyatelnost mirovykh posrednikov* [Activities of the Commune Conciliators]. *Velikaya reforma. Russkoye obshchestvo i krestyanskiy vopros v proshlom i nastoyashchem. T. V* [The Great Reform. Russian Society and the Peasant Question in the Past and Present. Vol. V]. Moscow, Tipografiya Tovarishestva I.D. Sytina Publ., 1911, pp. 237–252. (In Russ.)

16. Blank, G.B. *Russkiy pomeshchichiy krestyanin* [Russian Landowner's Peasant]. *Trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva. 1856. T. 2. № 6. Otd. II* [Works of the

- Free Economic Society]. 1856, Vol. 2, No. 6, Sec. II, pp. 117–129. (In Russ.)
17. [Ogarev, N.P.] *Razbor broshyury N. Bezobrazova "Ob usovershenstvovanii uzakoneniya, kasayushchikhsya do votchinnykh prav dvoryanstva"* [Analysis of the Brochure by N. Bezobrazov "On the Improvement of Laws Relating to the Patrimonial Rights of the Nobility"]. *Kolokol* [The Bell]. 1858, L. 15, May, 15, pp. 117–122. (In Russ.)
18. *Poety "Iskry". V 2 t. T. I. V. Kurochkin* [Poets of "Iskra". In 2 Vols. Vol. I. V. Kurochkin]. Leningrad, Sovetskiy pisatel, Leningradskoye otdeleniye Publ., 1987. (In Russ.)
19. <Poretsky, A.U.> *Nashi domashniye dela. Sovremennyye zametki* [Our Home Affairs. The Modern Notes]. *Vremya* [The Time]. 1862, No. 7, pp. 35–64. (In Russ.)
20. Trefilova, L.A. *Zemlevladieniye i zemlepolzovaniye gornozavodskogo naseleniya possessionnykh zavodov Permskoy gubernii v 1861–1917 gg.* [Landownership and Land-Use by the Mining Population of the Possessional Factories of the Perm Governorate in 1861–1917]. *Iz istorii rabochego klassa i krest'yanstva Permskogo kraja. Sb. st.* [Excerpts on the History of the Working Class and Peasantry of the Perm Krai. Collection of Articles] Perm, Permskoye knizhnoye izdatelstvo Publ., 1965, pp. 46–68. (In Russ.)
21. Askochensky, V.I. *Kiyev s drevneyshim ego uchilishchem Akademiyeyu* [Kiev with its Oldest School Academia]. Ch. I. Kiyev, Universitetskaya tipografiya Publ., 1856. (In Russ.)
22. Poselyanin, E. N. *Russkaya tserkov i russkiye podvizhniky 18-go veka* [Russian Church and Russian Ascetics of the 18th Century]. St. Petersburg, I.L. Tuzov Publ., 1905. (In Russ.)
23. Kelsiyev, V.I. *Sbornik pravitel'stvennykh svedeniy o raskolnikakh. Vyp. 1* [Collection of Governmental Data on Schismatics]. London, Trübner & Co Publ., 1860. (In Russ.)
24. Stefan Yavorsky, Metropolitan of Ryazan and Murom. *Kamen' very Pravoslavno-Kafolicheskoy Vostochnoy Tserkvi* [The Stone of Faith of the Orthodox-Catholic Eastern Church]. St. Petersburg, Obshchestvo Pamyati Igumenji Taisii Publ., 2010. (In Russ.)
25. Ternovsky, F.A. *Moskovskiy eretiki v tsarstvovaniye Petra I. Materialy po delu o Tveritinove* [Moscow Heretics During the Reign of Peter I. Materials on the Tveritinov Case]. Kazan, 1863. (In Russ.)
26. Ternovsky, F.A. *Sledstvennoye delo o moskovskikh eretikakh v tsarstvovaniye Petra I i polemicheskiye sochineniya protiv nikh* [Investigative Case of Moscow Heretics During the Reign of Peter I and Polemic Writings Against Them]. Moscow, Universitetskaya tipografiya (Katkov i K^o) Publ., 1863. (In Russ.)
27. Livanov, F.V. *Raskolniki i ostrozhniki. Ocherki i rasskazy. T. I* [Schismatics and the Ostrog Prisoners. Essays and Short Stories. Vol. I]. St. Petersburg, Tipografiya doktora M. Khana Publ., 1869. (In Russ.)
28. Livanov, F.V. *Raskolniki i ostrozhniki. Ocherki i rasskazy. T. II* [Schismatics and the Ostrog Prisoners. Essays and Short Stories. Vol. II]. St. Petersburg, Tipografiya doktora M. Khana Publ., 1870. (In Russ.)
29. Ternovsky, F.A. *Moskovskiy eretiki pri Petre I (Okonchaniye)* [Moscow Heretics under Peter I (Ending)]. *Pravoslavnoye obozreniye* [Orthodox Review]. 1863, Vol. XI, pp. 111–135. (In Russ.)
30. *Opisaniye dokumentov i del, khranyashchikhsya v arkhive Svetleyshego Pravitel'stva svuyushchego Sinoda. T. I* [Description of Documents and Cases Stored in the Archive of the Most Holy Governing Synod. Vol. I]. St. Petersburg, 1868. (In Russ.)
31. Solovyev, S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. T. XVI* [History of Russia from the Earliest Times. Vol. XVI]. Moscow, Universitetskaya tipografiya (Katkov i K^o) Publ., 1866. (In Russ.)
32. Valchak, D. *Nigilist i ikona. Revolyutsionery-ikonobortsy v romane F.M. Dostoyevskogo "Besy"* [Nihilist and Icon. Iconoclast Revolutionaries in the Novel by F. M. Dostoevsky "The Possessed"]. *LibriMagistri*. 2018, No. V, pp. 70–76. (In Russ.)
33. Chernyshevsky, N.G. *Magistr N. de-Bezobrazov – psevdonim! Bibliograficheskoe otkrytie! (Posvyashchetsya nemeckomu filosofu Fihte i russkomu bibliografu M.N. Longinovu)* [Master N. de-Bezobrazov is a Pseudonym! Bibliographic Discovery! (Dedicated to the German Philosopher Fichte and the Russian Bibliographer M.N. Longinov)]. Chernyshevsky, N.G. *Polnoe sobranie sochinenij: V 15 t. T. X* [Complete Works in 15 Vols. Vol. 10]. Moscow, GIHL Publ., 1951, pp. 71–77. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 24 июня 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 июля 2021 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2021 г.

Дата публикации: 31 декабря 2021 г.

Received by Editor on June 24, 2021

Revised on July 27, 2021

Accepted on October 15, 2021

Date of publication: December 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017811-5

Об эволюции трактовок образа Григория Мелехова в советской литературной критике

© 2021 г. Лю Ядин

Доктор филологических наук,
профессор кафедры мировой литературы и сравнительной литературы
Института литературы и журналистики
Сычуаньского университета (КНР),
No. 24, South Section 1, Yihuan Road,
Chengdu, Sichuan Province, China
liuyading2007@163.com

Резюме. В статье рассмотрена эволюция литературно-критических трактовок образа Григория Мелехова – главного героя романа М.А. Шолохова “Тихий Дон”. Отмечается, что на начальном этапе критические оценки носили во многом вульгарный характер и были связаны с политической конъюнктурой. Исследователи выделяли в этом образе противоположные составляющие (“два Григория”), однако первичным для них был анализ классовых заблуждений персонажа. После смерти И.В. Сталина критика изменила свое направление, и образ Григория Мелехова начал позиционироваться как образ “блудного сына” своего народа. На третьем этапе, в 1970–1980-х годах, критики смогли полностью отказаться от вульгарно-социологических методов и оценок и приблизиться к пониманию авторской концепции образа Григория Мелехова.

Ключевые слова: М.А. Шолохов, “Тихий Дон”, Григорий Мелехов, литературная критика.

Для цитирования: Лю Ядин. О противоречивости трактовок образа Григория Мелехова в советской литературной критике // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 46–52. DOI: 10.31857/S241377150017811-5

On the Evolution of Interpretations of the Image of Grigory Melekhov in the Soviet Literary Criticism

© 2021 Liu Yadin

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the Department of World Literature and Comparative Literature
in the School of Literature and Journalism
of Sichuan University (China)
No. 24, South Section 1, Yihuan Road,
Chengdu, Sichuan Province, China
liuyading2007@163.com

Abstract. The article examines the history of Soviet literary criticism, dedicated to the image of Grigory Melekhov – the main character of M.A. Sholokhov’s novel “And Quiet Flows the Don”. It is noted that at the initial stage of literary criticism the interpretations contained vulgar overtones closely related to the ideological perception of the image of Grigory Melekhov. Researchers distinguished the opposite components within the image (“two Gregory”), but primarily they were concerned with the so-called ideological faults of the character. After the death of I.V. Stalin, the mainstream Soviet criticism seems to have changed its direction, rethinking the image of Grigory Melekhov as that of the “prodigal son” among his people. Yet another, the third turn in critical thought occurred in the 1970s and 1980s, when the critics

were able to completely abandon the vulgar sociological interpretations of the character of Grigory Melekhov, approaching Sholokhov's work on the terms suggested by the writer himself.

Key words: M.A. Sholokhov, "And Quiet Flows the Don", Grigory Melekhov, literary criticism.

For citation: Liu Yadin. *Ob evoliutsii traktovok obraza Grigoriya Melekhova v sovetskoj literaturnoy kritike* [On the Evolution of Interpretations of the Image of Grigory Melekhov in the Soviet Literary Criticism]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 6, pp. 46–52. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017811-5

Мнение о литературном персонаже у каждого читателя индивидуально, кем бы он ни был — обычным любителем литературы или литературным критиком. Мнения советских критиков и литературоведов о Григории Мелехове, главном герое романа М.А. Шолохова "Тихий Дон", были не только различными в разное время, но нередко и противоположными, и споры вокруг этого образа были бурными. В истории литературной критики такая ситуация в связи с определенным литературным персонажем встречается нечасто. Статьи, посвященные изучению образа Григория Мелехова, не только дают различные его интерпретации, характерные для времени их написания, но и помогают ознакомиться с историей самой советской литературной критики, являющейся логическим дополнением к истории советской литературы.

Цель нашей статьи — проанализировать различные позиции по отношению к образу Григория Мелехова, сложившиеся на разных этапах развития советской литературной критики¹.

1. "Два Григория"

Первый этап критического осмысления образа Григория Мелехова в советском литературоведении и литературной критике — с 1928 г., когда вышли из печати первые части романа, до 1953 г. — можно обозначить как время преобладания концепции "двух Григориев". В.В. Петелин отмечал, что эта концепция была определяющей в восприятии образа Григория Мелехова в 1930–1940-х годах: с одной стороны, на страницах романа перед читателями предстает решительный и мужественный герой, судьба которого заслуживает их внимания и сострадания, а с другой — "Григорий Мелехов, находясь во враждебном советской власти лагере, теряет свои положительные

качества, постепенно превращается в жалкое и страшное подобие человека" [1, с. 158]. Как положительные, так и отрицательные его оценки в данный период были тесно связаны с общими тенденциями развития советской литературной критики, с политической ситуацией и специфической психологией читателей того времени.

Последняя, восьмая часть "Тихого Дона", опубликованная в журнале "Октябрь" в 1940 г., вызвала полемику. В.Ц. Гоффеншефер называл Григория "искателем общественной истины", однако теперь было необходимо дать объяснение его приходу в банду Фомина (в конце романа), найти оправдание герою, и критик нашел его в том, что Шолохов, завершая повествование о жизни Григория-искателя, решил показать поиск героем внутреннего покоя (см.: [2]). Л.И. Левин защищал Григория по-другому: он подчеркивал, что судьба героя зависит от позиции, на которой он сам настаивает, поэтому существует возможность возрождения героя в дальнейшем (см.: [3]). Положительные оценки критиков отражали их отношение к самому Шолохову. 19 мая 1940 г. состоялось первое обсуждение "Тихого Дона" в клубе Союза советских писателей. В.Ц. Гоффеншефер и Ю.Б. Лукин, выступившие на этом обсуждении, утверждали, что Шолохов в своем творчестве продолжает традиции русских классиков, а роман "Тихий Дон" — классическое произведение советской литературы. Однако были и отрицательные оценки образа Григория Мелехова в конце романа.

А.Н. Толстой, выступая на обсуждении "Тихого Дона" в комитете по Сталинским премиям, говорил: "Григорий не должен уйти из литературы как бандит. Это неверно по отношению к народу и к революции"; конец четвертой книги романа, по его мнению, не просто компрометирует образ Григория Мелехова, но одновременно нарушает целостность художественного мира, созданного писателем в "Тихом Доне" [4, с. 20–21]. И.Г. Лежнев в книге "Михаил Шолохов" (1948) писал, что "...в июне 1919 года он <Мелехов> целиком солидарен с кулаками", "с новой силой воспылал ненавистью к большевикам", и «с тех пор, как он

¹ Автор выражает признательность госпоже Би Цзюжу за перевод данной статьи на русский язык. Основные ее положения ранее были представлены на китайском языке в одном из разделов коллективной монографии: "Исследования по истории изучения творчества М.А. Шолохова / Ред.: Лю Ядин и др." (Нанкин: Изд-во "Илинь", 2014. 320 с. [на китайск. яз.]).

внутренне солидаризировался с кулаками, он стал “бирюком”» [5, с. 128–131].

Такие критики, как В.В. Ермилов и Л.Г. Якименко, делали акцент на силе “дикой страсти”, которая управляет Григорием Мелеховым, и духовном вакууме его образа, ставшего в глазах критиков отрицательным примером сильного, но неправого по сути героя (см.: [6, с. 3]; [7, с. 266–267]; см. также: [8, с. 159]), то есть и у них образ Григория получил отрицательную оценку как со стороны его общественного значения, так и в отношении художественной ценности.

Ряд критиков до выхода в свет восьмой части романа высказывали надежду, что писатель сможет “вывести” Григория на правильный путь. Например, И.М. Машбиц-Веров называл Григория Мелехова “революционным новым казаком” и предполагал, что писатель должен привести его к коммунизму (см.: [9]). Конечно, увидев “неисправимого Григория Мелехова” в последней части романа, такие критики испытали разочарование.

А.М. Горький еще в начале 1930-х годов, с одной стороны, высоко оценивал роман “Тихий Дон”, а с другой – осуждал политические ориентиры его автора. В письме к А.А. Фадееву от 3 июня 1931 г. он утверждал, что Шолохов находится на “границе между двух начал”, и не соглашался с тем, что “одно из этих начал в сущности – конец, неизбежный конец старого казацкого мира”, потому что писатель “сам еще казак, существо, биологически связанное с определенной географической областью, определенным социальным укладом”, и подчеркивал, что «...третья часть “Тихого Дона” говорит именно о том, что Шолохов – “областной писатель”» (цит. по: [8, с. 159]). Как видно, Горький не просто отмечал классовый характер образа Григория Мелехова, но и подчеркивал врожденную связь между писателем и его героем.

В.В. Ермилов и другие критики, которые в свое время играли активную роль в руководстве и формировании идейно-эстетических позиций РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей), считали Шолохова сомнительным пролетарским писателем именно из-за его сочувствия Григорию Мелехову. Можно сказать, что осуждение такими критиками Григория означало на тот момент отрицание самого Шолохова.

Важный вопрос, на который стремились найти ответ литературные критики в 1930–1940-х годах, – является ли Григорий Мелехов трагическим персонажем. И.Г. Лежнев, Л.Г. Якименко, Б.А. Емельянов и некоторые другие критики давали на этот вопрос положительный ответ:

Григорий – трагический герой, и в финале он наказан за свои грехи. По их мнению, трагические судьбы и типичность характеров персонажей, изображенных в “Тихом Доне”, вытекали из реальной жизни и определялись объективным историческим процессом. Так, И.Г. Лежнев отмечал, что трагедия Григория Мелехова символизировала не только утрату старых традиций, но и подчинение силе революционного народа (см.: [10]). Однако эта точка зрения не была преобладающей. Многие соглашались с В.В. Ермиловым, который, оценивая последнюю часть “Тихого Дона”, приходил к выводу, что Григорий не достоин названия “трагического героя”, потому что мотивы его действий слишком ничтожны для такого героя [6].

Общая направленность полемики вокруг образа Григория Мелехова 1930–1940-х годов заключалась в подчеркивании классовых атрибутов героя. В оценках критиков того времени, надо признать, было немало справедливого, но некоторые их замечания все-таки имели не литературные, а политические основания, и это усложняло проблему осмысления образа главного героя “Тихого Дона”. Широко было распространено представление о том, что литература – это участок партийной работы. В резолюции ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. “О политике партии в области художественной литературы” конкретизировалась основная задача коммунистической критики, которая должна “беспощадно бороться против контрреволюционных проявлений в литературе, раскрывать сменовеховский либерализм и т.д. и в то же время обнаруживать величайший такт, осторожность, терпимость по отношению ко всем тем литературным прослойкам, которые могут пойти с пролетариатом и пойдут с ним” [11].

Советскими литературными критиками этого периода был добровольно принят культурно-исторический метод анализа литературы. Одним из важных явлений социального фона романа “Тихий Дон” была Гражданская война; писатель изображал трагические события, произошедшие совсем недавно, так что главный интерес критиков состоял в определении классово-социальной сути образа Григория Мелехова. Увлекаясь темой общественной значимости образа, критики намеренно или случайно игнорировали эстетическую ценность, воплощенную в нем (по выражению Шолохова – “очарование человека”). Элементы вульгарной социологии, привнесенные критиками в культурно-исторический метод, не могли быть плодотворными.

На осмысление образа Григория Мелехова в этот период заметно влияли некоторые психологические факторы, которые также необходимо обозначить. Первая книга “Тихого Дона”, вызвавшая огромный читательский интерес, вышла, когда Шолохову было всего 22 года. Он очень быстро стал знаменитым писателем, и не только в Советском Союзе, но и за рубежом. В литературных и околосредовых кругах не могла не зародиться зависть к молодому автору, не могли не начаться попытки вытеснить его из круга советских писателей. Хотя Шолохов участвовал в РАПП и был членом редколлегии журнала “Октябрь”, он не был избран в секретариат РАПП. В тот же период появились и слухи о литературной краже, о возможном наличии соавтора “Тихого Дона”. Вместе с тем, с художественной точки зрения роман представлял собой безупречное литературное произведение, и критиковать его было затруднительно. В.В. Ермилов на I Пленуме РАПП в октябре 1928 г. объявил “Тихий Дон” завоеванием пролетарской литературы, а самого Шолохова причислил к лику “пролетарских” писателей [6]. Однако с выходом новых частей романа критики-рапповцы с удовольствием стали замечать, что путь Григория невозможно приблизить к пути большевика, и началась волна отрицания этого образа.

Критики осуждали классовую недалекость Григория Мелехова и одновременно нападали на самого Шолохова. И.Г. Лежнев в 1940 г. писал, что “Тихий Дон” стал энциклопедией жизни старого казачества, но писатель слишком сочувственно относится к его классовым проблемам, не принимая большевистские завоевания [12]. Известно, что И.В. Сталин еще в июле 1929 г. упомянул Шолохова в письме Феликсу Кону, партийному журналисту, с более чем прохладным комментарием, заметив, что Григория Мелехова “нельзя считать типичным представителем крестьянства. Белые генералы не могли назначить командовать дивизией крестьянина без офицерского чина” (цит. по: [13, с. 57]). В.О. Осипов в книге “Тайная жизнь Михаила Шолохова” (1995) [13] высказал предположение, что жестокая атака критиков на Григория, возможно, проистекала из сталинской оценки этого образа. Именно поэтому те, кто в данный период нападали на Шолохова и его героя, были так нетерпимы и так стремились разрушить позитивное восприятие “Тихого Дона”.

2. “Драматическая эволюция”

Второй этап критического осмысления образа Григория Мелехова начинается в 1950-х годах,

его можно обозначить термином “драматическая эволюция”. Несмотря на то что в критике и тогда продолжают существовать противоположные, в том числе негативные, взгляды на этот образ, положительное отношение к нему постепенно одерживает верх.

Изменения позиции литературной критики по отношению к образу Григория Мелехова можно охарактеризовать как драматические потому, что на них оказали влияние политические факторы, прежде всего — смерть Сталина и начавшиеся трансформации в советском обществе. Ярким примером драматического переосмысления образа Григория являются статьи упоминавшегося выше И.Г. Лежнева. Если ранее он определял Григория как “врага народа” (см.: [10]; [12]), то теперь он же выдвигает идею “потери блудного сына”, говорит о “трагедии исторического заблуждения” героя. В.О. Осипов отмечал, что в работах 1940-х годов “Лежнев клянется в любви к писателю Шолохову, много пишет о нем, но изо всех сил внедряет установку Сталина, что Мелехов отщепенец. Этим унижал великую значимость романа и принижал смелость его автора” [13, с. 149]. Видимо, первоначально критику было поручено очернить образ Григория Мелехова и великий труд его автора, но его отношение к роману и герою изменилось после смерти заказчика. И в 1955 г. тот же И.Г. Лежнев отмечает, что у Григория Мелехова особый характер, что он — сын крестьянина-середняка, причем “заблудший сын”, достойный сочувствия и понимания (см.: [14]).

В 1957 г. литературовед А.Ф. Бритиков пишет: “Но верно ли, что в отрыве от народа — главная трагедия Григория? <...> Григорий больше всего страдает от того же, от чего страдает масса, от ложно понятой правды, от исторического заблуждения. <...> Трагедия же Григория — и сила его трагизма, и общественное содержание ее — в том, прежде всего, что, идя вместе с массой, герой заблудился сильнее ее” [15, с. 163]. А.Ф. Бритиков, как и И.Г. Лежнев, вывел Григория из круга “врагов народа” и увидел в нем в первую очередь простого казака. В данных исследованиях получила свое оформление мысль о “трагедии исторического заблуждения Григория Мелехова”, которая впервые была высказана еще в 1940 г. Б.А. Емельяновым (см.: [16]), но тогда осуждение “мелеховщины” в критике было еще слишком сильным и эта мысль не получила развития.

Дискуссия о том, является образ Григория Мелехова положительным или отрицательным, вызвала другой вопрос: является ли он главным героем “Тихого Дона”? По мнению Л.Г. Якименко,

«подлинным героем “Тихого Дона” является народ, утверждающий в борьбе новую социалистическую действительность» [7, с. 163]. Почему Григорий Мелехов находится в центре романа? Почему этот “мятежник” вызывает у читателей симпатию? Такие вопросы породили широкие дискуссии. А.Ф. Бритиков писал, что Григорий Мелехов все-таки является главным эпическим персонажем “Тихого Дона”, что вытекает из специфики романа и места Григория в повествовании [15]. Большинство критиков придерживалось того же мнения, но Л.Г. Якименко пытался защищать свою точку зрения, и в его уникальных замечаниях была определенная мудрость: он, несомненно, понимал истинные намерения Шолохова (который рассказывает о судьбе мятежника-Григория, защищая своего героя) и называл народ главным героем романа, чтобы оправдать писателя, подчеркнуть независимость его позиции (см. также: [17]).

Перелом в оценке личности Григория Мелехова произошел спустя еще некоторое время. В 1975 г. В.Р. Щербина отметил, что методология анализа образа Григория Мелехова должна быть принципиально изменена, подчеркнув, что трагедия Григория заключалась в несовместимости личности и описанных в романе исторических событий; по утверждению исследователя, в образе Григория Мелехова изображен конфликт, связанный с внутренней трансформацией личности человека в период исторических изменений (см.: [18, с. 3–49]).

С 1950-х годов Григория начинают позиционировать как искателя истины. Так, Н. Чуковский сопоставляет образы Григория Мелехова и Чапаева и называет первого из них борцом, который стремится найти истину в реальной жизни и именно поэтому завоевывает сердце читателя. То, что Григорий воюет то в красной, то белой армиях, то, что он колеблется в выборе, объясняется мучительным поиском правды. В отличие от Чапаева, Григорий Мелехов не сумел найти истину, но, по мнению критика, читатель может осознать высшую правду социалистической революции, анализируя именно поиски Григория (см.: [19]). Это мнение позднее было поддержано многими исследователями, в том числе Л.Ф. Ершовым [20], А.И. Метченко [21] и другими авторами, которые в 1970–1980-х годах довели идею позитивного осмысления образа Григория до крайности. Так, Е.И. Тамарченко в статье «Идея правды в “Тихом Доне”» (1990) подчеркивает, что Григорий не просто является главным героем романа, он также выступает как представитель народа и

положительный герой, в характере которого воплощены важные человеческие истины [22].

3. Три важных поворота

Со временем Шолохов стал восприниматься в литературоведении как один из самых успешных писателей в истории советской литературы. Этот факт не мог не отразиться на литературной критике, посвященной образу Григория Мелехова. Анализируя исследования советских критиков и ученых, мы видим, что имели место три важных поворота в осмыслении ими этого образа.

Первый поворот связан с эволюцией в отношении критики к Шолохову, создателю образа Григория Мелехова. Выше уже отмечалось, что, негативно оценивая этот образ, критики стремились к утверждению позитивного образа самого писателя. При этом некоторые критики, чтобы защитить репутацию Шолохова, подчеркивали, что главным героем романа является не Григорий Мелехов, а народ. В 1980-х годах благодаря закреплению в критике положительной оценки Григория авторское сострадание к нему, ранее служившее к порицанию писателя, стало оцениваться позитивно. Так, В.В. Гура, проведя детальный анализ текста романа, выясняет, что автор сочувствует Григорию, что он “где-то совсем рядом со своим героем, отзывчив к его чувствам, переживает вместе с ним, вместе с ним вдыхает запах родной земли, вместе с ним выбирает дорогу жизни” [8, с. 174]. По мнению ученого, Григорий понял, что он был не прав, когда решил принять участие в Вешенском восстании. Критики позднего советского времени постепенно устанавливают отношение писателя к его герою как эмоциональное, полное понимания и сочувствия.

Второй поворот в осмыслении образа Григория Мелехова связан с изменением метода анализа — с отказом литературной критики от преобладания социально-исторического метода в пользу иных методов исследования. Появилось понимание ценности образа Григория Мелехова с эстетической точки зрения. Конечно, дискуссия о трагичности образа в предыдущий период развития критики тоже находилась в эстетической плоскости, но теперь на первый план вышли личностные особенности героя, гениально воплощенные автором в художественном тексте. А.И. Хватов рассматривает человеческие качества образа Григория Мелехова как ценность [23]. В.М. Тамахин также посвящает исследование осмыслению художественной ценности этого образа [24]. В научных работах позднего советского времени, касающихся образа Григория Мелехова, он постигается

с философских, общечеловеческих позиций, в системе связи человека с природой и обществом.

Третий поворот – это переход от рассмотрения только социально-исторического содержания образа Григория Мелехова к более тщательному изучению его человеческой сущности. Этот поворот находится в сфере не только литературоведения, он имеет отношение к философии и психологии искусства. Так, Л.Ф. Ершов отмечал, что «автор “Тихого Дона” заговорил о трагизме исторического перехода от старого, веками формировавшегося уклада, к новому строю жизни. Он разглядел такое глубинное содержание переходной эпохи от капитализма к социализму, которое ускользало от взора многих писателей. Отсюда у Шолохова иная диалектика восприятия классового по сравнению с большинством его современников» [20, с. 408]. По мнению ученого, опыт творчества Шолохова имеет универсальный характер и общечеловеческий смысл. Данное направление литературоведческих и критических изысканий наиболее перспективно, так как демонстрирует отказ от игнорирования ценности индивида и стремление рассмотреть героя с позиций антропоцентризма, ставшего основой современной науки.

Несмотря на сложность процессов, определявших развитие советской литературной критики и науки о литературе, в конечном счете советские (и современные российские) исследователи смогли преодолеть влияние вульгарной социологии и постепенно приблизились к пониманию авторской концепции изображения героя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Петелин В.В.* Михаил Шолохов: Страницы жизни и творчества. М.: Сов. писатель, 1986. 434 с.
2. *Гоффеншефер В.Ц.* Заметки о “Тихом Доне” // Литературное обозрение. 1940. № 6. С. 3–9.
3. *Левин Л.И.* Шолохов и Мелехов // Знамя. 1941. № 4. С. 194–216.
4. *Толстой А.Н.* Четверть века советской литературы М.: Сов. писатель, 1943. 38 с.
5. *Лежнев И.Г.* Михаил Шолохов. М.: Сов. писатель, 1948. 519 с.
6. *Ермилов В.В.* О “Тихом Доне” и трагедии // Литературная газета. 1940. № 43. С. 2–4.
7. *Якименко Л.Г.* “Тихий Дон” М. Шолохова. О мастерстве писателя. М.: Сов. писатель, 1954. 404 с.
8. *Гура В.В.* Как создавался “Тихий Дон”: Творческая история романа М. Шолохова. М.: Сов. писатель, 1989. 460 с.
9. *Машбиц-Веров И.М.* М. Шолохов // Новый мир. 1928. № 10. С. 225–236.
10. *Лежнев И.Г.* Мелеховщина // Звезда. 1941. № 2. С. 160–170.
11. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) “О политике партии в области художественной литературы”. 18 июня 1925 г. // Известия ЦК РКП(б). 1925. № 25–26. С. 8–9.
12. *Лежнев И.Г.* Две души: О “Тихом Доне” М. Шолохова // Молодая гвардия. 1940. № 10. С. 119–144.
13. *Осипов В.О.* Тайная жизнь Михаила Шолохова: Документальная хроника без легенд. М.: Либерия; Раритет, 1995. 413 с.
14. *Лежнев И.Г.* Эпопея народной жизни // Октябрь. 1955. № 5(10).
15. *Бритиков А.Ф.* Образ Григория Мелехова в идейно-художественной концепции “Тихого Дона” // Историко-литературный сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 160–173.
16. *Емельянов Б.С.* О “Тихом Доне” и его критиках // Литературный критик. 1940. № 11–12. С. 184–193.
17. *Якименко Л.Г.* Творчество Шолохова. М.: Сов. писатель, 1977. 664 с.
18. Михаил Шолохов: Статьи и исслед.. М.: Худож. лит., 1975. 326 с.
19. *Чуковский Н.* Создание характера: Чапаев и Григорий Мелехов // Знамя. 1956. № 4. С. 170–185.
20. *Ершов Л.Ф.* История русской советской литературы: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1988. 655 с.
21. *Метченко А.И.* Мудрость художника: О М.А. Шолохове. М.: Современник, 1976. 190 с.
22. *Тамарченко Е.И.* Идея правды в “Тихом Доне” // Новый мир. 1990. № 6. С. 237–274.
23. *Хватов А.И.* Шолохов в художественных исканиях современности: Статья 1 // Наш современник. 1984. № 4. С. 166–176.
24. *Тамарченко Е.И.* Поэтика Шолохова-романиста. Ставрополь, 1980. 269 с.

REFERENCES

1. Petelin, V.V. *Mikhail Sholokhov: Stranicy zhizni i tvorchestva* [Mikhail Sholokhov: Pages of Life and Creativity]. Moscow, Sov. Pisatel Publ., 1986. 434 p. [In Russ.]
2. Goffenshefer, V.C. *Zametki o "Tihom Done"* [Notes on "And Quiet Flows the Don"]. *Literaturnoe obozrenie* [Literary Review]. 1940, No. 6, pp. 3–9. [In Russ.]
3. Levin, L.I. *Sholokhov i Melekhov* [Sholokhov and Melekhov]. *Znamya* [The Banner]. 1941, No. 4, pp. 194–216. [In Russ.]

4. Tolstoy, A.N. *Chetvert veka sovetskoj literatury* [A Quarter of a Century of the Soviet Literature]. Moscow, Sov. Pisatel Publ., 1943. 38 p. [In Russ.]
5. Lezhnev, I.G. *Mihail Sholohov* [Mikhail Sholokhov]. Moscow, Sov. Pisatel Publ., 1948. 519 p. [In Russ.]
6. Ermilov, V.V. *O "Tihom Done" i tragedii* [On "And Quiet Flows the Don" and Tragedy]. *Literaturnaya gazeta* [Literary Magazine]. 1940, No. 43, pp. 2–4. [In Russ.]
7. Yakimenko, L.G. *"Tihij Don" M. Sholohova. O masterstve pisatelya* ["And Quiet Flows the Don" by Sholokhov. On the Skill of the Writer]. Moscow, Sov. Pisatel Publ., 1954. 404 p. [In Russ.]
8. Gura, V.V. *Kak sozdavalsya "Tihij Don": Tvorcheskaya istoriya romana* [How the "And Quiet Flows the Don" was Created: The Creative History of the Novel of M. Sholokhov]. Moscow, Sov. Pisatel Publ., 1989. 460 p. [In Russ.]
9. Mashbic-Verov, I.M. M. *Sholohov* [Sholokhov]. *Novyj mir* [The New World]. 1928, No. 10, pp. 225–236. [In Russ.]
10. Lezhnev, I.G. *Melekhovshchina* [The Melikhov Phenomenon]. *Zvezda* [The Star Magazine]. 1941, No. 2, pp. 160–170. [In Russ.]
11. *Postanovlenie Politbyuro CK RKP(b) "O politike partii v oblasti hudozhestvennoj literatury". 18 iyunya 1925 g.* [Resolution of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) "On the Party's Policy in the Field of Fiction". June 18, 1925]. *Izvestiya CK RKP(b)* [The News of the Central Committee of the RCP(b)]. 1925, No. 25–26, pp. 8–9. [In Russ.]
12. Lezhnev, I.G. *Dve dushi: O "Tihom Done" M. Sholohova* [Two Souls: on "And Quiet Flows the Don" by M. Sholokhov]. *Molodaya gvardiya* [The Young Guard]. 1940, No. 10, pp. 119–144. [In Russ.]
13. Osipov, V.O. *Tajnaya zhizn Mihaila SHolohova: Dokumentalnaya hronika bez legend* [The Secret Life of Mikhail Sholokhov: A Documentary Chronicle Without Legends]. Moscow, Libereya, Raritet Publ., 1995. 413 p. [In Russ.]
14. Lezhnev, I.G. *Epopеya narodnoy zhizni* [The Epic of Folk Life]. *Oktjabr* [The October]. 1955, No. 5(10). [In Russ.]
15. Britikov, A.F. *Obraz Grigoriya Melekhova v idejno-hudozhestvennoj koncepcii "Tihogo Dona"* [The Image of Grigory Melekhov in the Ideological and Artistic Concept of the "And Quiet Flows the Don"]. *Istoriko-literaturnyj sbornik* [Historical and Literary Collection]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1957, pp. 160–173. [In Russ.]
16. Emelyanov, B.S. *O "Tihom Done" i ego kritikah* [On the "And Quiet Flows the Don" and his Critics]. *Literaturnyj kritik* [Literary Critic]. 1940, No. 11–12, pp. 184–193. [In Russ.]
17. Yakimenko, L.G. *Tvorchestvo Sholohova* [Creativity of Sholokhov]. Moscow, Sov. Pisatel Publ., 1977. 664 p. [In Russ.]
18. *Mihail Sholohov: Statji i issled.* [Mikhail Sholokhov: Articles and Researches]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1975. 326 p. [In Russ.]
19. Chukovskiy, N. *Sozdanіe haraktera: Chapaev i Grigorij Melekhov* [Character Creation: Chapaev and Grigory Melekhov]. *Znamya* [The Banner]. 1956, No. 4, pp. 170–185. [In Russ.]
20. Ershov, L.F. *Istoriya russkoj sovetskoj literatury: ucheb. posobie* [History of Russian Soviet Literature: Textbook]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1988. 655 p. [In Russ.]
21. Metchenko, A.I. *Mudrost hudozhnika: O M.A. Sholohove* [The Wisdom of the Artist: About M.A. Sholokhov]. Moscow, Sovremennik Publ., 1976. 190 p. [In Russ.]
22. Tamarchenko, E.I. *Ideya pravdy v "Tihom Done"* [The Idea of Truth in the "And Quiet Flows the Don"]. *Novyj mir* [The New World]. 1990, No. 6, pp. 237–274. [In Russ.]
23. Hvatov, A.I. *Sholohov v hudozhestvennyh iskaniyah sovremennosti: Statya 1* [Sholokhov in the Artistic Quest of Modernity: Article 1]. *Nash sovremennik* [Our Contemporary]. 1984, No. 4, pp. 166–176. [In Russ.]
24. Tamakhin, V.M. *Poetika Sholohova-romanista* [The Poetics of Sholokhov the Novelist]. Stavropol, 1980. 269 p. [In Russ.]

*Дата поступления материала в редакцию: 24 сентября 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 10 октября 2021 г.
Статья принята к публикации: 15 октября 2021 г.
Дата публикации: 31 декабря 2021 г.*

*Received by Editor on September 24, 2021
Revised on October 10, 2021
Accepted on October 15, 2021
Date of publication: December 31, 2021*

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017812-6

“Перебранка Локи”: лингво-стилистический этюд

© 2021 г. Т. В. Топорова

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер. 1 стр. 1
t1960@list.ru

Резюме. Ключом к пониманию семантики и жанровой структуры “Перебранки Локи” оказывается наиболее релевантная для архаичной мифопоэтической традиции ситуация праздника (*пир*). При этом воссоздаётся прецедент первотворения и детерминируется необходимость функционирования космологической песни, заостряющей внимание на эсхатологической теме. Диалог в форме словесной перебранки со свойственной ей лексикой низкого стиля служит для наиболее адекватного описания “антиповедения” главного персонажа – Локи в наиболее опасный для мироздания момент противоборства стихий хаоса и космоса.

Ключевые слова: “Старшая Эдда”, жанр, космологическая песня, миф творения, синхрония, диахрония, семантическая реконструкция, сравнительно-исторический анализ.

Для цитирования: Топорова Т.В. “Перебранка Локи”: лингво-стилистический этюд // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 53–60. DOI: 10.31857/S241377150017812-6

Locasenna: A Linguo-Stylistic Approach

© 2021 Tatyana V. Toporova

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1, Bolshoy Kislovsky, Moscow, 125009, Russia
t1960@list.ru

Abstract. The key to understanding the semantics and the genre structure of Eddic lay “Lokasenna” is the most relevant for the archaic mythopoetic tradition ritual feast. At the same time, the precedent of the first creation is recreated and the necessity of functioning of a *cosmological* song that focuses attention on the eschatological theme is determined. *Dialogue* in the form of a verbal *quarrel* with its inherent vocabulary of low style serves for the most adequate description of the “antibehavior” of the main character – Loki in the most dangerous moment for the universe of the confrontation between the elements of chaos and the cosmos.

Key words: “Elder Edda”, genre, cosmological song, myth of creation, synchrony, diachrony, semantic reconstruction, comparative analysis.

For citation: Toporova, T.V. “Perebranka Loki”: *lingvo-stilisticheskij etjud* [Locasenna: A Linguo-Stylistic Approach]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 6, pp. 53–60. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017812-6

Эта песня занимает особое положение в корпусе “Старшей Эдды” [1] по целому ряду причин:

- это единственная эддическая песня, содержащая в концентрированном виде наиболее полную информацию, компрометирующую богов, причём не отдельных, а *всех* представителей древнеисландского пантеона, то есть акцентирующая внимание исключительно на *негативном* аспекте;
- сосредоточенность на сведениях, получающих отрицательную оценку на аксиологической шкале, актуальной для архаичной мифопоэтической традиции, влечёт за собой два важных следствия – возможность реконструировать самые тёмные и неясные, по-видимому, тщательно завуалированные мифологические представления, порочащие богов, но от этого не менее ценные для исследования¹, и описать соответствующую этому содержанию форму, несомненно относящуюся к *низкому* жанру, достаточно необычному для “Старшей Эдды”, эпического произведения с типичной для него установкой на идеализацию и героизацию изображаемых событий;
- по поводу жанра, провозглашённого в названии данной песни, – *перебранки* – можно отметить её сравнение с сатирами Аристофана [3, р. 26] и её отличие от остальных образцов, в частности от “Песни о Харбарде”, где речь идёт также о ссоре богов (Тора и Одина), заключающееся, во-первых, в том, что участников конфликта несравненно больше (не считая Локи, их семнадцать), и это многоголосие даёт повод для интерпретации песни как максимального приближения к *драматическому* произведению [4], и, во-вторых, в площадном, намеренно грубом характере реплик, функционировании нецензурной лексики;
- в мифологическом цикле “Старшей Эдды” песни следуют друг за другом в произвольном порядке, без всякой внутренней связи между собой, не мотивированно, в то время как только “Перебранка Локи”, изображающая пир богов у морского великана Эгира, продолжает предыдущую “Песнь о Хюмире”, посвящённую добыванию котла для варки пива на этом пиру, обнаруживает с ней сюжетную преемственность, то есть возникает уникальный шанс получить представление об эддическом текстовом фрагменте, превосходящем по объёму одну песню как единицу измерения в изучаемом корпусе;

¹ Неслучайно Ян де Фрис видел в “Перебранке Локи” более глубокий смысл, который оставался незамеченным специалистами [2, S. 261].

- “Перебранка Локи” заслуживает внимания и благодаря своим выдающимся художественным особенностям, так как она обладает “законченностью композиции и строгостью метрической и строфической формы” [5, с. 230].

Перечисленные выше аргументы убедительно свидетельствуют о необходимости более углублённого анализа “Перебранки Локи”. Главная задача заключается в выделении фрагментов различных жанров, конституирующих эту эддическую песню, и в определении лингвостилистических средств, служащих для их реализации.

Однако прежде чем перейти к непосредственному изучению текста, следует дать краткую характеристику этой песни, а также фигуре главного персонажа – Локи.

В прозаическом вступлении сообщается о том, что Эгир, получив котёл, приготовил асам пива и пригласил их на пир, где должны были соблюдать мир, на котором собрались “Один и Фригг, его жена, ... Сив ..., жена Тора, Браги и Идун, жена его, Тюр, ... Ньёрд и жена его Скади, Фрейр и Фрейя, ... Локи и слуги Фрейра – Бюггвир и Бейля” [6, с. 53]. Тор отсутствовал, так как сражался на востоке с великанами. Локи, не стерпев всеобщих похвал расторопному слуге Эгира Фимифенгу², убил его и был изгнан в лес, а затем вернулся и набросился с бранью и упрёками на богов, обвиняя их в трусости, колдовстве, распутстве и женоподобности, а богинь – в любвеобильности. Боги, защищаясь, укоряют Локи в способности менять пол и рожать детей и в занятиях магией. Разоблачениям и оскорблениям был положен конец возвращением Тора. Локи удаляется в финале песни в водопад Франангр, где он прячется в образе лосося. Боги ловят его, связывают кишками его сына Нари, богиня Скади вешает над лицом Локи змею, яд которой капает на него, и он так корчится от боли, что происходят землетрясения. Нельзя не обратить внимания на одно важное обстоятельство: агрессия исходит исключительно от Локи, являющегося зачинщиком конфликта³, в то время как боги занимают оборонительную позицию.

Что касается датировки песни, то доминирует взгляд о её раннем языческом происхождении (до 1000 г.), хотя и не существует единого мнения относительно её толкования. Итог разнообразных концепций подводит Стеблин-Каменский: “Одни считали, что она представляет собой сатиру

² Букв. “ловкий добытчик” [5, с. 230].

³ Неслучайно он называется “кузнецом зла” (*bolvasmiðr* (Ls. 41)), “знающим зло” (*lævisi* (Ls. 54)).

на богохульство, разоблачение богохульника (то есть Локи) и прославление Тора (Могк, Йонссон). Другие считали, что цель её – просто позабавить слушателей (Ессен, Э. Нурен). Третьи считали, что она представляет собой сатиру на языческих богов, сочинённую то ли новообращённым христианином, то ли разочаровавшимся язычником (Фрис и др.)” [5, с. 230]. Воздержимся пока от комментариев и сделаем в дальнейшем выводы на основании изучения языковых фактов. Вместе с тем, нельзя не согласиться с утверждением о том, что “Перебранку Локи” нельзя рассматривать исключительно на германском материале, необходимо выйти за его пределы на индоевропейский уровень⁴. Ян де Фрис предлагает трактовать её в связи с индоевропейским мифом о “напитке богов”, который распадается на несколько блоков: добывание напитка; попытка похищения напитка враждебными богам силами; повторное овладение напитком богами, прибегающими к хитростям, например, переодеванию в женскую одежду; наказание для противников богов [2, S. 261], и отождествлять её со вторым разделом. По нашему мнению, эта гипотеза оказывается весьма конструктивной для понимания “Перебранки Локи”, поскольку обеспечивает ей индоевропейскую перспективу, хотя и не отменяет необходимости обращения к эддическому тексту как первоисточнику.

По поводу фигуры Локи специалисты приходят к общему убеждению о том, что в скандинавском пантеоне он относится к наиболее сложным и неоднозначным персонажам. Его противоречивый характер, выражающийся в коварстве и злокозненности, враждебности богам, находит объяснение в его комически-демонической ипостаси как “отрицательного варианта культурного героя и мифологического плута-трикстера с отчётливой хтонически-шаманской окраской, <...> посредника, способствующего циркуляции ценностей между различными мирами, <...> двойника Одина в космологических и этиологических мифах и его антипода в эсхатологических” [7, с. 68–69]. Помимо многогранности и загадочности образа Локи обращают на себя внимание ещё два обстоятельства, отличающие его от других представителей скандинавского пантеона, – отсутствие признаков его культа и топонимов, восходящих к соответствующему теониму [2, S. 266]. Особый интерес представляют попытки обнаружения индоевропейских параллелей

(вроде древнегреческого Прометея, ирландского Брикрена из уладского цикла саг, осетинского Сырдона) или следов влияния, например, западноазиатского [8, s. 121–122], или даже его философского осмысления как “опасного импульсивного мышления, легко пускающегося в обход и приводящего к угрожающим жизни результатам” [9], противопоставленного медлительному, всё взвешивающему и долго размышляющему уму. В любом случае очевидна, с одной стороны, архаичность, а с другой – амбивалентность Локи.

После предварительных замечаний перейдём к лингвостилистическому анализу “Перебранки Локи” и выделим в составе этой эддической песни фрагменты следующих жанров с присущими им признаками, иллюстрируемыми и на примере других мифологических песен “Старшей Эдды”⁵:

1) **словесный поединок**, вербальная деятельность, реализующаяся при помощи

глаголов *говорения*:

говорить: *audigr verða mun ec í andsvorom, // ef þú mælis til mart* (Ls. 5) “богаче я буду ответами, // если ты будешь *говорить* слишком много”*; *at þér mæla né megoð* (Ls. 7) “что *сказать* не можете?”*; *síðr oss Loki qvedi lastastofom // Ægis hóllo í* (Ls. 10; аналогично 16; 18) “чтобы нам Локи не *говорил* оскорбительных слов // в чертоге Эгира”*; **qvaddi** *hann ásona* (Ls. 10 проз. 2) “*сказал* он асам”*; **þic qved** *ec allra qvenna // vergiarnasta vera* (Ls. 17) “*говорю* я, что ты изо всех женщин // самая охочая до мужчин”*; *Enn þic síða kóðo Sámseyo í* (Ls. 24) “А про тебя *говорят*, что ты колдовал на острове Самсей”*; *enn mic bráðan qveda // goð ǫll oc gumar* (Ls. 45) “про меня *говорят*, что я быстрый, // боги все и люди”*; **Qvad** *ec fyr ásom, qvad ec fyr ása sonom, // þatz mic hvatti hugr* (Ls. 64) “*Сказал* я асам, *сказал* я асов сынам, // к чему меня подстрекал ум”*; **Segðu** *þat, Eldir, svá at þú einugi // feti gangir framarr* (Ls. 1) “*Скажи*, Эльдир, прежде чем ты // с места сойдёшь”*; **Orlogom** *usrom scylit aldregi // segia seggiom frá* (Ls. 25) “О судьбе вашей не нужно никогда // *говорить* людям”*; *Austrforom þínom scaltu aldregi // seggia seggiom frá* (Ls. 60) “О своих походах на восток не должен ты никогда // *говорить* людям”*; *orlog Frigg hugg ec at ǫll viti, // þótt hon síalfigi segi* (Ls. 29) “судьбу всю, я думаю, Фригг ведает, // хотя сама и не *говорит* [об этом]”*; *Enn vill þú, Frigg, at ec fleiri telia // mína meistafi* (Ls. 28) “Хочешь, Фригг, я дальше *скажу* // мои злобы слова”*; *er þú yðra telr // líóta leiðstafi* (Ls. 29) “если ты *говоришь* о нас // ужасные слова”*; *ef vér*

⁴ Ср.: “Erst wenn es uns gelingt, durch den Vergleich mit Überlieferungen anderer indogermanischer Völker den Blick zu schärfen, können wir weiter kommen” [2, S. 266].

⁵ Преимущественно цитируется “Прорицание вёльвы” как образец космологической песни.

gorva scolom // **telia** vǫmmin vár (Ls. 52) “если мы должны // *рассказать* о нашем позоре”⁶;

молчать: þognoðo þeir allir (Ls. 5 проз. 2) “они все *замолкли*”; Hví þegit ér svá, þrungin goð (Ls. 7) “Что вы *молчите*, надутые боги”⁷; Þegiðu, Iðunn! (Ls. 17) “*Молчи*, Идунн!”; Þegi þú, Gefion! (Ls. 20) “*Молчи*, Гевьон!”; Þegi þú, Óðinn! (Ls. 22) “*Молчи ты*, Один!”; Þegi þú, Frigg! (Ls. 26) “*Молчи ты*, Фригг!”; Þegi þú, Freyia! (Ls. 30; 31) “*Молчи ты*, Фрейя!”; Þegi þú, Niðrd! (Ls. 34) “*Молчи ты*, Ньёрд!”; Þegi þú, Týr! (Ls. 38; 40) “*Молчи ты*, Тюр!”⁸; Þegi þú, Byggvir! (Ls. 46) “*Молчи ты*, Бюггвир!”; Þegi þú, Heimdallr! (Ls. 48) “*Молчи ты*, Хеймдалль!”; Þegi þú, Veyla! (Ls. 56) “*Молчи ты*, Бейля”; *; Þegi þú, rǫg vætr! (Ls. 57; 59; 61; 63) “*Молчи ты*, мерзкое существо!”; ef þú nú þegir (Ls. 41) “если ты не *замолкнешь* теперь”⁹;

петь: Flá er þér tunga, hugg ec at þér fremr myni // ógott um gala (Ls. 31) “Лжив твой язык, позднее он должен будет // *недоброе петь*”⁸;

просить: ása at biðia, at mér einn gefi // mæran druss miðar (Ls. 6) “асов *просить*, чтобы мне дали // *глоток знаменитого мёда*”⁸; Við ec, Bragi (Ls. 16) “*Прошу я*, Браги”⁸;

ругать: hann ræðr ró, þeim er rœgir hér // goð ǫll oc guma (Ls. 55) “он успокоит того, кто *ругает* здесь // *всех богов и людей*”⁸;

судить: Of varn sín dæma oc um vígrisi sína // sigtíva synir (Ls. 2) “Об оружии своём *судят* и о готовности к бою // *победы богов сыновья*”⁸;

обозначений вербальной деятельности:

болтливость: þíat ofdryccia veldr alda hveim, // er sína mælgí né manað (Ls. 47) “потому что чрезмерное питье подавляет каждого, // кто не следит за *болтливостью*”⁸;

крик: hrópi oc rógi ef þú eyss á holl regin (Ls. 4) “*крик* и позор ты выльешь на благих богов”⁸;

ответ: auðigr verða mun ec í andsvorom, // ef þú mælig til mart (Ls. 5) “богаче я буду *ответами*, // если ты будешь говорить слишком много”⁸;

речь: hvat hér inni hafa at ǫlmáloM // sigtíva synir (Ls. 1) “что здесь внутри имеют за *пивной разговор* // *победы богов сыновья*”⁸; Léttari í máloM vartu við Laufeýiar son (Ls. 52) “Легче в *речах* была ты с сыном Лауфейи”⁶”; þér scal minn þrúðhamarr, // Miðllnir, mál fyrnema (Ls. 57; 59; 61; 63) “у тебя мой молот силы // Мьёлльнир *речь* отнимет”⁷”;

⁶ Сын Лауфейи – Локи.

⁷ То есть заставит замолчать.

слово: ása oc álfa, er hér inni ero, // mangi er þér í orði vinnr (Ls. 2) “из асов и альфов, которые здесь внутри, // никто тебе в *слове* не друг”⁸; ef við einir scolom // sáryrðom sacaz (Ls. 5; аналогично 19) “если мы начнём // *оскорбительными словами* ссориться”⁸; síðr oss Loki qveði lastastofom // Ægis hóllo í (Ls. 10; аналогично 16; 18) “чтобы нам Локи не говорил *оскорбительных слов* // в чертоге Эгира”⁸; er þú uðra telr // líóta leiðstafi (Ls. 29) “если ты говоришь о нас // *ужасные слова*”⁸; Enn vill þú, Frigg, at ec fleiri telia // mína meinstafi (Ls. 28) “Хочешь, Фригг, я дальше скажу // *мои злобы слова*”⁸;

обозначений органов речевой деятельности:

язык: Flá er þér tunga, hugg ec at þér fremr myni // ógott um gala (Ls. 31) “Лжив твой язык, позднее он должен будет // *недоброе петь*”⁸;

2) **космологическая песня**, верифицируемая элементами эддического мифа творения

время первотворения: Mantu þat, Óðinn, er við í árdaga // blendom blóði saman (Ls. 9) “Помнишь ты это, Один, когда в *древние времена* // мы смешали вместе кровь”⁸; hvat iþ æsir tveir drýgðot í árdaga (Ls. 25) “что вы двое асов совершили в *древние времена*”⁸; þér var í árdaga iþ líóta líf um lagit (Ls. 48) “тебе была в *древние времена* ужасная жизнь положена”⁸; Ec man iqtina ár um borna, þá er forðom mic fœdda hofðo; // níó man ec heima (Vsp. 2) “Я помню великанов, рождённых *рано*, // которые раньше меня родились; // девять помню я миров”⁸; Ár var alda, þat er Ymir bygði, // vara sandr né sær né svalar unnir; // ... gap var ginnunga enn gras hvergi (Vsp. 3) “*Древнее* было время, когда жил Имир; // не было ни песка, ни моря, ни прохладных волн; // ... бездна была зияний и травы нигде”⁸; Þar muno eptir undrsamligar // gullnar tǫflor í grasi finnaz, // þærs í árdaga áttar hofðo (Vsp. 61) “Снова найтись должны на лугу в высокой траве // *тавлеи золотые*, // что им [богам] для игры служили в *древние времена*”⁸;

конец мира: Úlf sé ec liggia árósi fyrir, // unz riúfaz regin (Ls. 41) “Волка вижу я лежащим в устьи реки, // когда *боги разорвут друг друга*”⁸; enn er Muspellz synir ríða Myrcvið yfir, // veizta þú þá, vesall, hvé þú veqr (Ls. 42) “когда *Муспелля* дети”⁹ сквозь

⁸ К этому же пункту относится “судьба богов” (Ls. 39). Эсхатологические мотивы отражены также в следующих строфах: Fiðll ǫll sciálfa (Ls. 55) “Горы все дрожат”⁸; scalf iqrð ǫll (Ls. 65 проз. 8) “дрожала вся земля”⁸.

⁹ “Муспелль – по-видимому, имя мифологического существа. Люди Муспелля – те, кто осуществляет гибель богов. В древневерхненемецком произведении X в. встречается слово muspilli ‘конец мира, страшный суд’. Неясно, христианского происхождения это слово или языческого” [5, с. 218].

Мюрквид¹⁰ поскачут, // не знаешь ты тогда¹¹, несчастный, чем тебе сражаться”*; Kióll ferr austan, koma muno **Muspellz** // um lög lýðir, enn Loki stýgir (Vsp. 51) “С востока в ладье *Муспелля* люди плывут по волнам, а Локи правит”; fram sé ek lengra // um **ragna røc**, rømm, sigtíva (Vsp. 44; 49; 58) “всё я *привожу* // *судьбы* могучих славных *богов*”;

prima materia¹²: Þegi þú, Heimdallr! þér var í árdaga // íþ líóta líf um lagit; // **aurgo** baki þú munt æ vera // os vasa vorðr goða (Ls. 48) “Молчи, Хеймдалль! тебе была в древние времена // ужасная жизнь положена; // с *мокрой* спиной ты всегда должен быть // и бодрствовать стражем богов”*; Asc veit es standa, heitir Yggdrasill, // hár baðmr, **ausinn** hvítaauri (Vsp. 19) “Ясень я знаю по имени Иггдрасиль, // древо высокое, *увлажнённое* белой *влагой*”*;

нижний мир: Hrungrnis bani mun þér í hel koma, // fyr **nágrindr** neðan (Ls. 63) “Хрунгнира гибель швырнёт тебя в хель, // за *решётку* смерти вниз”*; Hrímgrímnir heitir þurs, er þic hafa scal // fyr **nágrindr** neðan (Skm. 35) “Хримгримниром зовётся великан, который будет тебя иметь // за *решёткой* смерти внизу”*;

объекты творения:

святилище: frá mínom **véom** os vøngom scolo // þér æ kold ráð koma (Ls. 51) “из моих *святилищ* и долин // тебе всегда будут исходить холодные советы¹³”*; búa þeir Høðr os Baldr Hroptz sigtóptir, // **vé** valtívar (Vsp. 62 конъектура) “жить будут Хёд и Бальдр в чертогах Хрофта, // в святилище павших богов”*;

судьба: þvíat aldar **ørlog** hygg es at hon ǫll um viti (Ls. 21) “потому что *судьбу* людей всю, я думаю, она ведаёт”*; **ørlog** Frígg hugg es at ǫll viti, // þótt hon síalígi segi (Ls. 29) “*судьбу* всю, я думаю, Фригг ведаёт, // хотя сама и не говорит [об этом]”*; firriz æ forn **røc** firar (Ls. 25) “далека древняя *судьба* людей”*; úlfgi hefir os vel, er í bõndom scal // bíða ragna **røcrs** (Ls. 39) “но тяжело и волку, который в узах должен // ожидать *судьбу* богов¹⁴”*; þær **log** lögðo, þær líf kuro // alda bornom, **ørlog** segia (Vsp. 20) “они *судьбы* судили, жизнь выбирали // детям людей, *судьбы* говорили”*;

атрибуты:

¹⁰ «Мюрквид – “Тёмный лес”, пограничный лес где-то на юге» [5, с. 231].

¹¹ Во время “гибели богов”.

¹² Др.-исл. *aurr* ‘влага; грязь; мокрая земля’ служит для обозначения священной субстанции в мифе творения.

¹³ То есть угроза жизни, гибель.

¹⁴ То есть наступления эсхатологического кризиса.

великий: þvíat æsir vito, hveim þeir alda scolo // **gambansumbl** um geta (Ls. 8) “ибо асы ведают, кого надлежит приглашать на *великий* пир”*; **gambantein** at geta (Skm. 32) “*великий* прут получить”; gaf hann mér **gambantein**, // enn es véltá hann ór viti (Hrbl. 20) «*великий* прут он дал мне, // а я лишил его разума”*;

древний: firriz æ **forn** røc firar (Ls. 25) “далека *древняя* судьба людей”*; os tac við hrímkálki, // fullom **forns** miaðar (Ls. 53) “и возьми кубок, // полный *древнего* мёда”*; viltu at ek, Valföðr, vel fyrtelja // **forn** spíðill fira, þau er **fremst** um man (Vsp. 1) “Павших отец, ты хочешь, чтоб я рассказала // о *древних* сведениях людей, о *самом первом*, что помню”*; os minnaz þar á megingdóma // os á Fimbultýs **fornar** rúnar (Vsp. 60) “и вспоминают [асы] о славных событиях // и рунах *древних* великого бога [Одина]”*;

самый первый: **fyrstr** os øfstr var es at fiðrlagi, // þars vér á Þiaza þrifom (Ls. 50; 51) “*первым* я был и последним во время гибели, // когда мы Тьяци убили”*; Þat man hon fólcvíg **fyrst** í heimi (Vsp. 21; аналогично 24) “Помнит войну она *первую* в мире”*;

известный, знаменитый: ása at bíðia, at mér einn gefi // **mæran** drycc miaðar (Ls. 6) “асов просить, чтобы мне дали // глоток *знаменитого* мёда”*; nío man es heima, ... // miðtvíð **mæran** fyr mold neðan (Vsp. 2) “помню девять миров ... // меры дерево *знаменитое* внизу под землёй”*; Áðr Burs synir bíðom um urðo, // þeir er miðgarð, **mæran**, scópo (Vsp. 4) “Пока сыны Бора, Мидгард создавшие *знаменитый*, // земли не подняли”*; alt veit es, Óðinn, hvar þú auga falt: // í inom **mæra** Mímis brunní (Vsp. 28) “Знаю я, Один, где глаз твой спрятан: // скрыт он в источнике *славном* Мимира”*;

предикаты:

отплатить, воздать: síðr þú ásom ǫfund um **gialdir** (Ls. 12) “чтобы ты асам враждой не *отплатил*”*; hvárt scyldo æsir afráð **gialda** // eða scyldo goðin ǫll **gildi** eiga (Vsp. 23) “должны ли асы *заплатить* выкуп // или все боги иметь *расплату*”¹⁵;

связывать: þvíat þic á hiðrvi scolo ins hrímkalda magar // gøgnom **binda** goð (Ls. 49; 50) “ибо к скале

¹⁵ Речь идёт о войне асов и ванаов. Ср. комментарии Стеблин-Каменского по этому поводу: «Ваны (боги Ньёрд, Фрейр и Фрейя) послали асам Гулльвейг (что значит “сила золота”) – женщину, воплощающую жадность к золоту. Один пытался её уничтожить, но она снова рождалась и под именем Хейд (обычное имя колдуний) творила ещё худшее. Тогда асы стали совещаться, брать ли им выкуп с ванаов (по другим толкованиям – платить ли им выкуп ванам или принять их в свою среду) <...>. Соглашение не состоялось, и Один начал войну с ванами, метнув в них копьё» [5, с. 217].

тебя инеисто холодного сына // кишками боги привяжут”*; Hann var **bundinn** með þorðom sonar Nara (Ls. 65 проз. 2) “Он был *связан* кишками сына своего Нари”;

смешивать: oc **blend** es þeim svá meini mið (Ls. 3; аналогично 32; 56) “и *смешаю* им мёд со злом”*; ginnheilög goð, oc um þat gættuz, // hverir hefði lopt alt lævi **blandit** (Vsp. 25) “священные боги о том гадали, // кто воздух весь *смешал* со злом”*;

совершать: hvat iþ æsir tveir **drýgðot** í árdaga (Ls. 25) “что вы двое асов *совершили* в древние времена”*; Ascr Yggdrasils **drýgir** erfíði, // meira, enn menn víti (Grm. 35) “Ясень Иггдрасиль *испытывает* невзгоды бóльшие, // чем люди ведают”*;

3) **эпистемиологическая песня**, основными маркерами которой являются следующие существительные, прилагательные и глаголы:

гнев, гневный, гневить: **gremðu** eigi goð at þér (Ls. 12) “не *гневи* богов собой”*; vega þú gacc, ef þú **vreidr** sér (Ls. 15) “сражаться иди, если ты *гневен*”*; Ærr ertu, Loki, oc ørviti, // er þú fær Gefion at **gremi** (Ls. 19) “Безумен ты, Локи, и ума лишён, // если Гевьон *гневишь*”*; vilcat es, at iþ **vreidir** vegiz (Ls. 18) “я не хочу, чтобы вы *гневные* сражались друг с другом”*; oc væri þá at þér **vreidom** vegit (Ls. 27) “и с тобою бы *гневно* сражались”*; **reiðir** go þér æsir oc ásynior (Ls. 31) “*гневные* по отношению к тебе асы и асиньи”*; oc þess at fregna, hveim inn fróði sé // **ofreiði** afi (Skm. 1; 2) “и спросить, из-за чего мудрый // *сильно разгневан* муж”*; **Reiðr** er þér Óðinn, **reiðr** er þér ásabragr, // ... enn þú fengit hefir // **gambanreiði** goða (Skm. 33) “*Гневен* на тебя Один, *гневен* на тебя повелитель асов, // ... ты получила великий *гнев* богов”*;

знать: **Veiztu**, ef þú inn gengr Ægis hallir í (Ls. 4) “*Знаешь*, если ты войдёшь в палаты Эгира”*; **Veiztu** þat, Eldir, ef við einir scolom // sáruðom sacaz (Ls. 5; аналогично 19) “*Знаешь* ли, Эльдир, если мы начнём // оскорбительными словами ссориться”*; **Veit** es, ef fug útan værac (Ls. 14) “*Знаю* я, если бы я был снаружи”*; ørlög Frigg hugg es at qll **víti** (Ls. 29) “судьбу всю, я думаю, Фригг *знает*”*; **Veiztu**, ef es gaf, þeim er es gefa né scylda, // inom slævorom, sigr (Ls. 23) “*Знаешь*, если я давал тем, кому не должен был давать, // трусам победу”*; **Veiztu**, ef es inni ættac Ægis höllom í // Baldri liscan bur (Ls. 27) “*Знаешь*, если я здесь внутри имела бы // Бальдру подобного сына”*; **veizta** þú þá, vesall, hvé þú vegr (Ls. 42; аналогично 64) “не *знаешь* ты тогда¹⁶, несчастный, чем тебе сражаться”*; **Veiztu**, ef es øðli ættac sem Inguna-Freyr

(Ls. 43) “*Знаешь*, если бы я имел столько же имущества, как Ингуна-Фрейр”*; **Veiztu**, ef mic á hiqvi scoló ins hrímkalda magar // qornom binda goð (Ls. 50) “*Знаешь*, если к скале меня сына кишками // боги привяжут”*; **Veiztu**, ef fyrstr oc øfstr var es at fiqlagi, // þars vér á Píaza þrifom (Ls. 51) “*Знаешь*, если первым я был и последним во время гибели, // когда мы Тьяци убили”*; einn es **veit**, svá at es **vita** þiccíomc, // hór oc af Hlórriða (Ls. 54) “но *знаю*, мне ли не *знать*, // изменила ты Хлорриди”*; Asc **veit** ek standa, heitir Yggdrasill (Vsp. 19) “Ясень я *знаю* стоит, называется Иггдрасиль”*; **Veit** hon Heimdalar hlióð um fólgit // undir heidvqnom helgom baðmi (Vsp. 27) “*Знает* она, что Хеймдалля слух // спрятан под деревом, до неба встающим”*; Allt **veit** es, Óðinn, hvar þú auga falt: // í inom mæra Mímis brunni (Vsp. 28) “Всё *знаю* я, Один, где глаз ты спрятал: // скрыт он в источнике славном Мимира”*; **vitoð** ér enn, eða hvat? (Vsp. 27–28; 33; 35; 39; 41; 48; 62–63) «*знаете* ли вы это или как?»*; fiqlð **veit** hon frœða (Vsp. 44; 49) “много *знает* она сведений”*;

помнить: **Mantu** þat, Óðinn, er við í árdaga // blendom blóði saman (Ls. 9) “*Помнишь* ты это, Один, когда в древние времена // мы смешали вместе кровь”*; Viltu at ek, Valfóðr, vel fyrtelja // forn spiqll fira, þau er fremst um **man** (Vsp. 1) “Павших отец, ты хочешь, чтоб я рассказала // о древних сведениях людей, о самом первом, что *помню*”*; Es **man** iqtna ár um borna, þá er forðom mic fœdda hqfðo; // nío **man** es heima (Vsp. 2) “Я *помню* великанов, рождённых рано, // которые раньше меня родились; // девять *помню* я миров”*;

4) **видение**, реализующееся при помощи глагола

видеть: Inn scal ganga Ægis hallir í, // á þat sumbl at **siá** (Ls. 3; 4) “К Эгиру в дом войти я решил // и на пир *посмотреть*”*; es þvi ræð, er þú rið **sérat** // síðan Baldr at sqlom (Ls. 28) “я так устроил, что ты не *увидишь*, как скачет // Бальдр к палатам”*; Úlf sé es liggia árósi fyrir, // unz riúfaz regin (Ls. 41) “Волка *вижу* я лежащим в устьи реки, // когда боги разорвут друг друга”*.

На основании детального исследования эддического материала можно сделать некоторые выводы относительно жанровой специфики “Перебранки Локи”. В структуре этой песни “Старшей Эдды” обнаружены фрагменты следующих жанров: словесного поединка (*перебранки*), *космологической* и *эпистемиологической* песни и *видения*, причём представлены они совершенно не равномерно. Абсолютно периферийную позицию занимает *видение*, в котором зафиксирован лишь один релевантный с точки зрения мифопоэтической модели мира контекст — *прозрение* события,

¹⁶ Во время “гибели богов”.

относящегося к грядущему эсхатологическому кризису о местонахождении волка Фенрира. *Эпистемиологическая* песня также репрезентирована редуцированно: глагол *помнить* зафиксирован всего в одном хотя и релевантном примере, намекающем на кровную связь между Локи и Одинем; глагол *знать* засвидетельствован не в *буквальном* значении, реализующем стратегию познания¹⁷, а в *переносном*; он служит для привлечения внимания собеседника, то есть относится по сути к сфере словесной деятельности, а не эпистемиологии. Иными словами, можно утверждать, что занимающее инициальное положение в строфе и многократно повторяющееся выражение *veiztu* (Ls. 4; 5; 19; 23; 27; 43; 50; 51) “знаешь ли ты” — функционально *segíði* (Ls. 1) “скажи ты” или *þegi þú* (Ls. 17; 20; 22; 26; 30; 31; 34; 38; 40; 46; 48; 56; 57; 59; 61; 63) “молчи ты”, также открывающих строфы. Единственное исключение составляют достаточно частотные обозначения *гнева*, нуждающиеся в специальных комментариях. Наибольшее развитие получила лексика, характеризующая вербальную деятельность, — *словесный поединок*, для обозначения которого используются различные части речи (как глаголы, так и существительные), отличающиеся высокой степенью дифференциации, ср. многообразии глаголов говорения (*говорить, молчать, петь, просить, ругать, судить*) и видов речевой деятельности (*речь, слово, ответ, болтливость, крик*) и даже номинацию органов речи (*язык*). Все три приводимые выше жанра (словесный поединок, эпистемиологическая песня и видение) характеризуют субъектов песни (богов и находящегося в оппозиции к ним Локи), то есть относятся к сфере **метаописания** и определяют **форму** “Перебранки Локи”. **Содержание** же составляет *космологическая* песня, представленная очень схематично, пунктирно, при помощи базовых компонентов — *illo tempore* (*ár* ‘давно’, *í árdaga* ‘в давние времена’), *prima materia* (*aurugr* ‘мокрый’), тварный мир как *судьба* всего сущего (*örlog*), универсальный “тетический” предикат (*drygja* ‘совершать’) и атрибуты, воплощающие представления о древности (*forn* ‘старый’, *fyrstr* ‘самый первый’) и величии (*mærr* ‘известный, знаменитый’, *gamban-* ‘сакральный’) творчества. Внимательное изучение эддических фактов приводит к заключению о том, что в “Перебранке Локи” проявляется действие двух тенденций — “свёрнутости” космогонической концепции, её имплицитности, дающей о себе знать в виде неясных аллюзий, и акцентировании темы предела,

конца мира, выражающемся в более детальном описании эсхатологической катастрофы¹⁸. Главный вывод заключается в безусловном доминировании **формы**, а именно *перебранки*, ядро которой составляют глаголы *говорения*, наделённые *отрицательной* оценкой, над **содержанием** и, разумеется, этот вывод требует объяснения, которое, как нам кажется, возможно только в рамках мифопоэтической модели мира. В “Перебранке Локи” изображается *пир*, сопровождающийся приготовлением пива и установлением мира и воплощающий квинтэссенцию *праздника*, “временного отрезка, обладающего особой связью со сферой сакрального, предполагающего максимальную причастность к этой сфере всех действующих лиц и отмечаемого как некое институализованное действие” [7, с. 329]. Пиво выступает в качестве опьяняющего напитка, средства достижения оптимального психофизического состояния эйфории, сопутствующей празднику и кодируемой обозначениями ментального возбуждения (*гнева*). Как известно, в мифопоэтической традиции “главный праздник начинается в ситуации, связанной с обострённым и напряжённым ожиданием катастрофы мира” [7, с. 330]. Чтобы реактуализовать стихию космоса, подвергающегося атакам со стороны сил хаоса, необходимо воспроизвести *прецедент* первотворения, намёки на который и обнаруживаются в “Перебранке Локи”. Неотъемлемым компонентом в структуре праздника является *диалог*: жанр *перебранки* с неизменными признаками оскорблений, унижений противника, нагнетанием отрицательных эмоций детерминирован типичным для ключевого момента перехода вселенной от старого состояния, распада и гибели, к обновлённому образу выворачиванием мира наизнанку и “антиповедением” героя, демонстрируемым Локи, который постоянно противопоставляется богам. Ср. разновидность антитезы *свой — чужой* как *здесь внутри — там снаружи*: *hvat hér inni hafa at qlmálmom // sigtíva synir* (Ls.1) “что *здесь внутри* имеют за пивной разговор // победы богов сыновья”*; *ása oc álfa, er hér inni ero, // mangi er þér í orði vinr* (Ls. 2) “из асов и альвов, которые *здесь внутри*, // никто тебе в слове не друг”*; *Inn scal ganga Ægis hallir í, // á þat sumbl at síá* (Ls. 3; 4) “*Внутрь* к Эгиру в дом войти я решил // и на пир посмотреть”*; *enn fug þér einom mun ec út ganga* (Ls. 64) “только из-за тебя одного должен я уйти *наружу*”*.

¹⁷ Такое значение фигурирует лишь в Ls. 29, где речь идёт о *знании* Фригг судеб мира.

¹⁸ Ср. мотивы разрывания друг другом богов и приезда сыновей *Муспелля*, предвещающего гибель вселенной, связывания хтонических чудовищ и их *расплаты* за содеянное.

Таким образом, ключом к пониманию семантики и жанровой структуры “Перебранки Локи” оказывается наиболее релевантная для архаичной мифопоэтической традиции ситуация *праздника (nira)*. При этом воссоздаётся прецедент перетворения и детерминируется необходимость функционирования *космологической* песни, заостряющей внимание на эсхатологической теме. *Диалог* в форме словесной *перебранки* со свойственной ей лексикой низкого стиля служит для наиболее адекватного описания “антиповедения” главного персонажа – Локи в наиболее опасный для мироздания момент противоборства стихий хаоса и космоса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Edda*. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text. Vierte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962. (In German)
2. *Vries J. de*. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden: E.J. Brill, 1977. (In German)
3. *Einarsson St.* A History of Icelandic Literature. The Johns Hopkins Press for The American-Scandinavian Foundation. New York, 1957.
4. *Phillpotts B.S.* The Elder Edda and Ancient Scandinavian Drama. Cambridge: Cambridge University Press, 1920.
5. *Стеблин-Каменский М.И.* “Старшая Эдда” // Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / Перевод А.И. Корсуна. Редакция, вступительная статья и комментарии М.И. Стеблин-Каменского. М.–Л., 1963. С. 181–213. [Steblyn-Kamensky, M.I. “*Starshaya Edda*” [The Elder Edda]. *Starshaya Edda. Drevneislandskie pesni o bogah i geroyah*. *Perevod A.I. Korsuna*. *Redakciya, vstupitel'naya statya i kommentarii M.I. Steblin-Kamenskogo* [The Elder Edda. Old Icelandic Songs about Gods and Heroes. A.I. Korsun's Translation. Ed., Intr., Comm. of M.I. Steblin-Kamensky]. Moscow, Leningrad, Publishing house of Academy of Sciences of the USSR, 1963, pp. 181–213. (In Russ.)].
6. *Heusler A.* Heimat und Alter der eddischen Gedichte. Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. 1906, Bd. 116, 249–281. (In German)
7. Мифы народов мира. Энциклопедия. Том первый А–К. М., 1980. Том второй К–Я. Главный редактор С.А.Токарев. Члены редакционной коллегии И.С. Брагинский, И.М. Дьяконов, В.В. Иванов, Р.В. Кинжалов, А.Ф. Лосев, В.М. Макаревич (ответственный секретарь), Е.М. Мелетинский (заместитель главного редактора), Д.А. Ольдерогге, Б.Л. Рифтин, Е.М. Штаерман. М.: издательство “Советская энциклопедия”, 1982. [*Mify narodov mira. Enciklopediya. 2t.* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1980–1982. (In Russ.)].
8. *Olrik A.* Miterne om Loki. Festschrift til Feilberg. København, 1911. (In Danish)
9. *Dumézil G.* Loki. Paris: G.P. Maisonneuve, 1948. (In French)

СОКРАЩЕНИЯ

НАЗВАНИЯ ЭДДИЧЕСКИХ ПЕСЕН

- Grm. – Grímnismál “Речи Гримнира”
 Hrbl. – Hárbardzlióð “Песнь о Харбарде”
 Ls. – Locasenna “Перебранка Локи”
 Skm. – For Scírnis “Поездка Скирнира”
 Vsp. – Völuspá “Прорицание вёльвы”

Дата поступления материала в редакцию: 12 января 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 21 августа 2021 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2021 г.

Дата публикации: 31 декабря 2021 г.

Received by Editor on January 12, 2021

Revised on August 21, 2021

Accepted on October 15, 2021

Date of publication: December 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017813-7

О цикле ламентаций в “Королеве фей” Спенсера (линия воительницы Бритомарт)

© 2021 г. Е. В. Халтрин-Халтурина

Доктор филологических наук,
доктор философии в области англоязычной филологии (США),
ведущий научный сотрудник Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
el.haltrin@imli.ru

Резюме. Популярной разновидностью плачей английского Возрождения являлись ламентации, фигурирующие в крупных произведениях в качестве поэтических вставок. Несколько вставных плачей имеется в поэме Спенсера “Королева фей”. Примечателен своеобразный цикл в 3-й и 4-й книгах поэмы, в котором предположительно 7 ламентаций. Учитывая существующие исследования, автор статьи по-новому рассматривает следующие отрывки: жалоба девы-воительницы Бритомарт (куртуазная жалоба, положившая начало всему циклу); плач нимфы Кимодокеи о ранениях ее сына и о лживости предсказаний (морская элегия); жалоба принца Артура (обличение ночи и злой судьбы); плач красавицы Флоримеллы (жалоба узницы); три челобитные морской нимфы к богам с просьбой помочь ее сыну Маринеллу и его невесте Флоримелле. Указанный цикл вставных плачей, как и вся поэма “Королева фей”, написан спенсеровой строфой. В статье рассматриваются особенности спенсеровского вставного цикла плачей на фоне вставных поэтических циклов, созданных его современниками Ф. Сидни (“Старая Аркадия”) и У. Шекспиром (“Бесплодные усилия любви”).

Ключевые слова: жанр ламентаций, вставные поэтические циклы, иерархия жанровых форм, добродетель целомудрия в литературе, поэтическая составляющая образа девы-воительницы, Бритомарт, Кимодокея, Маринелл, Флоримелла.

Для цитирования: Халтрин-Халтурина Е.В. О цикле ламентаций в “Королеве фей” Спенсера (линия воительницы Бритомарт) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 61–68. DOI: 10.31857/S241377150017813-7

On Inset Complaints in Spenser’s *the Faerie Queene* (The Britomart Plot)

© 2021 Elena V. Haltrin-Khalturina

Doct. Sci. (Philol.) (Russia),
PhD in English (USA),
Leading Researcher at A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS
25a Povarskaya St., Moscow, 121069, Russia
el.haltrin@imli.ru

Abstract. A special kind of complaint poems appeared as inset pieces within larger literary works of the English Renaissance. One notorious example is Spenser’s grand poem *The Faerie Queene* containing several inset complaints. The article considers a group of inset pieces from Books 3 and 4 of *The Faerie Queene*, which seems to be a 7-part lamentation cycle. Drawing on existing scholarship, the article discusses the following passages: a complaint of the martial maid Britomart (a courtly lament, which triggers the

cycle of lamentations); a complaint of nymph Cymoent concerning her son's wounds and false prophesy (a marine elegy); prince Arthur's complaint (an invective against Night and mishap); Florimell's complaint (a prisoner's lament); three invocations of Cymoent to three gods concerning the troubles of her son Marinell and of his bride Florimell. All these complaints, like the whole poem, are in Spenserian stanza. This study deals with various specifics of Spenser's inset series of complaints comparing it to inset poetic cycles created by Philip Sidney (*the Old Arcadia*) and by William Shakespeare (*Love's Labour's Lost*).

Key words: literary complaint, inset poetic cycles, a hierarchy of generic forms, the virtue of chastity in literature, poetic attributes of the martial maid, Britomart, Cymoent, Marinell, Florimell.

For citation: Haltrin-Khalturina, E.V. *O tsikle lamentatsij v "Koroleve fei" Spensera (liniya voitelnitsy Britomart)* [On Inset Complaints in Spenser's the Faerie Queene (The Britomart Plot)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 6, pp. 61–68. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017813-7

В Великобритании эпохи позднего Ренессанса поэты часто включали в масштабные произведения разнообразные поэтические вставки. Известные произведения такого рода, которые обращали на себя внимание литературоведов, принадлежат Филипу Сидни и Уильяму Шекспиру. Для понимания вставных циклов, фигурирующих в поэме Эдмунда Спенсера “Королева фей”, важно знать этот литературный фон, так как произведения Сидни, Спенсера и Шекспира очень близки по времени создания. Публикация первых книг “Королевы фей” Спенсера (1590) состоялась примерно через девять лет после начала циркуляции рукописи “Старой Аркадии” Сидни (1581) и примерно за восемь лет до появления известного издания “Бесплодных усилий любви” Шекспира (“второе кварто” 1598 г.). Логично, что у всех названных авторов манера обращения с поэтическими вставками обнаруживает общие черты.

В частности, у Сидни и у Шекспира поэтические формы, в том числе сонеты разных типов, чередующиеся с прозой, образуют цикл, служащий в качестве дополнительного содержательно-го стержня всего произведения. Заметим также, что вставной цикл обязательно содержит менее совершенные и более совершенные поэтические формы. Присутствие в тексте “плохой” поэзии объясняется игровым (ludic) контекстом.

Так, в пасторальном романе Филипа Сидни “Старая Аркадия”, который разделен на несколько действий и интермедий, представлена оригинальная иерархия лирических форм, являющих собой “выступления” многих персонажей — от грубых и неумелых риториков до самых благородных и искусных. Причем стилистика поэтических речей зависит не только от статуса говорящего, но и от ситуации: от того, доброе или злое дело данные речи сопровождают. Филип Сидни организует пространство романа подобно пространству драматического произведения, где разные

жанровые формы произносятся в разных частях воображаемой сцены: между театральными “небесами” и “адам”. Низшее место в романе отводится итальянским сонетам, срединное — античным лирическим жанрам, а также средневековой поэзии (фаблио, блазон). Венчают иерархию искусно сложенные английские сонеты (подробнее см.: [1]). Заметим, что сонетов в “Старой Аркадии” представлено немало: из 77 поэтических вставок 24 — разнообразные вариации этой формы. Здесь присутствуют сонеты “смешанные”, где катрены английского сонета сочетаются с итальянским сестетом; сонеты со значимыми рифмами; сонет на две рифмы; английский сонет с “кольцом” из 1-й и 14-й строк. Сидни также использовал редкие формы: терцинный сонет, “коррелятивный” сонет (букв. correlative verse) и др. Кроме того, в “Старой Аркадии” Сидни создал несколько усеченных и удлиненных сонетов. Всё это разнообразие форм благодаря прозаическому тексту-комментариям оказывается упорядочено иерархически. Причем в романе одни поэтические вставки связываются с добродетельными поступками, другие — с греховными.

Любопытный вставной поэтический цикл представлен также у Уильяма Шекспира. Имеется в виду не известное собрание “Сонетов”, опубликованное вместе с “Плачем влюбленной” в 1609 г., и не компилятивные сборники “Страстный пилигрим” (1599) и “Английский Геликон” (1600), куда вошли некоторые сонеты Шекспира, а комедия “Бесплодные усилия любви” (1598), где разные герои, прежде всего влюбленные мужчины, упражняются в стихосложении. Коль скоро не все сонеты им удаются (часть из них обрывочны и сливаются с другими речами персонажей, часть получилась “неправильной” формы — и драматург потешается над неловкими творческими потугами нескольких поэтов), то точно назвать, сколько вставных 14-стиший присутствует в этой

комедии, не представляется возможным. Исследователи ведут подсчет по-разному¹. Поскольку в данной пьесе придворные дамы испытывают кавалеров на грациозность (ср. *sprezzatura*) в делах и в речах, — то вставной сонетный цикл можно рассматривать как поэтическое поле битвы, где скрещивают словесные шпаги не только поэты-мужчины, но и вдохновляющие их женщины (например, в сонете-диалоге из 5-го акта поэтическими репликами обмениваются король Фердинанд и французская принцесса). Смысл объединения нескольких экспериментальных сонетов в один цикл внутри шекспировской комедии, по-видимому, прочитывается в стремлении постичь совершенство этой любовно-поэтической формы — совершенство, приблизившись к которому Бирон (самый одаренный из соперников) в итоге отступает, нарочито и комично не достигая идеала.

Отметим еще одно немаловажное наблюдение о вставных поэтических циклах того ареала и того времени. Градация поэтических форм и экзерсисов обязательно соотносится у Сидни и Шекспира с другими многоуровневыми системами, организованными по принципу подчинения низших творений высшим. Наиболее совершенное поэтическое творение способен сочинить лишь тот, кто, находясь на достаточно высоких ступенях социальной иерархии (и в силу этого обладая необходимым знанием), постоянно совершенствуется в добродетелях. В художественных системах елизаветинцев отступление от добродетелей неизменно карается утратой поэтического дара. Яркие примеры тому — поэтические “провалы” короля Базилия в “Старой Аркадии” Сидни и короля Фердинанда в “Бесплодных усилиях любви” Шекспира.

Тактика соотношения поэтических вставок с определенными моральными и нравственными качествами персонажей, обнаруживающаяся у Сидни и Шекспира, очень близка Спенсеру. Список этих моральных качеств варьируется от автора к автору, что позволяет творчески видоизменять и вставную жанровую подборку. Если

¹ Разнообразную стратегию подсчета вставных сонетов легко обнаружить, обратившись к научным изданиям Шекспира. К примеру, в оксфордском, а затем и в нортоновском ПСС Шекспира [2]; [3] комментаторы сочли необходимым отметить только сонеты 4-го акта. Обходя некоторые из этих сонетов, арденовское научное издание (3 серия) обращает внимание читателей на 6 сонетов в пьесе [4, р. 117]. В издании серии “Литературные памятники” мы охарактеризовали вставной сонетный цикл в пьесе, состоящий из 8 стихотворений, причем сонеты из 1 акта (1.1. 80–93); (1.1. 160–174) там не рассматривались [5].

в шекспировских “Бесплодных усилиях любви” вставной поэтический цикл состоял из сонетов разного качества и разной степени завершенности, причем лучший сонет предполагал соответствие этике “непринужденной грациозности”, то в “Королеве фей”, написанной спенсеровой строфой, сонеты вовсе отсутствуют (если не считать подборки сонетов, предпосланных поэме в качестве посвятительной части). У Спенсера вставные поэтические триумфы, хроники, фавлю, плачи и пр. соотносятся не столько с идеей “непринужденной грациозности”, сколько со специально составленным, авторским, списком добродетелей (подробнее см. научный аппарат в изд.: [6]).

В самом деле: поэма Эдмунда Спенсера строится вокруг путешествий рыцарей, которые по заданию царицы эльфийской страны должны отстаивать 12 добродетелей. Какие пороки встречаются на пути постижения той или иной добродетели, какие искушения могут увести в сторону от заданного пути, какие нравственные и духовные усилия укрепляют рыцарей-искателей, — всё это в духе протестантских трактатов о воспитании (причем воспитании людей благородных сословий) здесь изобретательно и поэтично описано. В дошедших до нас книгах поэмы фигурируют 6 рыцарей, отстаивающих соответственно 6 добродетелей: Красный рыцарь по имени Сент-Герорг является защитником святости, рыцарь Гийон — умеренности, дева-воительница Бритомарт — целомудрия, рыцари Кэмбел и Триамон — дружелюбия, витязь Артегал — правосудности, сэр Калидор — учтивости. В поэме также выведен принц Артур, который помогает всем рыцарям выстоять в трудных испытаниях и самолично отстаивает добродетель великолепия.

Разумеется, в поэме Спенсера вставные поэтические формы и жанры оказываются неравноценны по своей стилевой значимости и “статусной” роли: все они подчинены сложной иерархии ценностей. На разных ступенях этой иерархии располагаются божества, эльфы, люди, животные. Добродетельные создания, безусловно, находятся выше греховных. Соответственно, один и тот же жанр может быть представлен в восприятии разных персонажей и в нескольких вариациях.

К примеру, в текст поэмы “Королева фей” (кн. 2, песнь 10) включены фрагменты двух разных “хроник”. Первая более мрачная, насыщенная историей войн: это летопись истории человеческого рода, с которой важно ознакомиться принцу Артуру как представителю рода людей. Другая вставная хроника богата дивными событиями: это анналы эльфийской истории,

прочитанные эльфийским рыцарем Гийоном. Соответственно стратифицированы и разножанровые тексты, с которыми тесно соприкасаются другие персонажи. В частности, в поэме имеется несколько описаний триумфов (своеобразные поэтические шествия-“маски”). Наряду с триумфами, благородными и вдохновляющими на добрые чувства (свадебное шествие британских рек в кн. 4 и триумф времени во фрагменте кн. 7), в поэме Спенсера представлены шествия-искушения, испытывающие рыцарей на добродетельность: с триумфом грехов встречается Красный рыцарь, с триумфом Купидона — дева-воительница Бритомарт. Линию не вполне целомудренного рыцаря Сатирона обогащают вставные фаблио (этот малый жанр в других рыцарских линиях вовсе не фигурирует), а приключения девы-рыцаря расцвечены циклом lamentаций — жанром, с которым из рыцарей-мужчин соприкасается только принц Артур (да и то лишь потому, что он помогает всем добрым витязям поэмы, включая и деву-воительницу Бритомарт).

На вставном цикле lamentаций мы остановим наше внимание, попытаюсь понять, какую задачу он решает в поэме “Королева фей” в контексте спенсеровской легенды о целомудрии.

* * *

Дева-воительница Бритомарт (к чьей сюжетной линии относится вставной цикл плачей) с помощью волшебства эльфийской царицы Глорианы и кудесника Мерлина прибывает в Страну фей из Британии VI в., чтобы отыскать там своего суженого рыцаря Артегала и поспособствовать прославлению добродетели целомудрия. Дело в том, что, по Спенсеру, целомудренными могли быть не только те, кто хранит обет безбрачия, но и благочестивые супруги [7]. Бритомарт прекрасно подходила на роль заступницы этой добродетели как в своем изначально девическом облике, так и позднее, в ипостаси благочинной супруги.

Отдельными чертами спенсеровская Бритомарт напоминает Брадаманту из поэм Боярдо и Ариосто (она внемлет пророчествам Мерлина и случайно внушает любовную страсть колдунье, принявшей деву-воительницу за юношу). Имя Бритомарт созвучно с именем древнегреческой нимфы Бритомартиды, покровительствующей охотникам и рыболовам. В английском языке имя “Britomart” читалось как значимое: его первая часть “Brit” ассоциировалось с Британией, а вторая часть “mart” — с воинской доблестью (martial). Вот почему Спенсер в “Королеве фей” выводит Бритомарт в качестве героини, которой

по возвращении в родную Британию VI в. суждено сделаться далекой прародительницей властной королевы-девственницы Елизаветы I Тюдор (подробнее о Бритомарт см., например: [8]).

Сопоставление спенсеровской Бритомарт с правящей королевой Англии, вероятно, накладывало на поэта, пишущего для двора, некоторые этические обязательства. Он избегает сравнения девы-воительницы с валькириями и другими представительницами разрушительного женского начала. У Спенсера Бритомарт в силу своей добродетельности и истинной целомудренности откровенно противопоставляется тем женщинам, которые отличаются кровожадностью, и тем, у кого размыта гендерная самоидентификация. Противопоставление это актуализируется на игровом плане поэмы и обрастает ироническими зарисовками. Так, Бритомарт вынуждена отправиться в страну жестоких амазонок, чтобы вызволить из плена своего суженого. Она вступает в битву с королевой вражеского женского племени — с недобродетельной воительницей — и побеждает ее (кн. 5). Любопытна также двусмысленная ситуация: дева Бритомарт требуется остановиться на ночлег в замке, куда допускаются лишь гетеросексуальные пары (Castle for Couples), а она — дева в костюме мужчины — сопровождает другую деву: преследуемую принцессу. Воительнице Бритомарт приходится обнаружить смекалку и отвагу, чтобы устроить себя с принцессой на ночлег и с честью сохранить гетеросексуальную добродетельность (кн. 4). В “Королеве фей”, разумеется, описаны ситуации и другого рода: когда мужской костюм, скрывающий девичий облик, позволяет воительнице пройти там, где все доблестные мужи терпят поражение (см. кн. 3: объятый пламенем вход во дворец колдуна Бизирейна).

Акцентирование добродетельности в облике и судьбе Бритомарт, перенесение черт разрушительницы и блудницы на иных персонажей, враждующих с ней, наблюдаются и в других книгах “Королевы фей”, когда Бритомарт сбрасывает латы и готовится обручиться со своим суженым. (Подробнее о типологии сюжетов о воительнице и о связанных с этой фигурой топосах и мотивах см., например: [9, с. 22–62].) Это превращение целомудренной девы-воительницы в целомудренную женщину осуществляется в храме богини Исиды, где Бритомарт отдыхает от ратных подвигов. В храме ей снится вещий сон, в храме она участвует в трех обрядах: инициации, коронации, бракосочетания (кн. 5).

Еще одна важная характеристика, которой Спенсер наделяет деву-воительницу, — жанрово-поэтическая: Бритомарт обретает голос и дает

волю своим чувствам не в фавлю, не в гимне, не в клятве, не в проповеди, а в любовной жалобе — в плаче, ламентации.

Здесь не имеет смысла останавливаться на истории английского «елизаветинского плача», вобравшего в себя средневековые традиции, отголоски из Овидия, Петрарки, Чосера, Дю Белле и др., так как этому вопросу посвящено немало серьезных исследований (см., например: [10]; [11]). Сошлюсь только на следующие наблюдения, сделанные учеными: в английской литературе тюдоровской эпохи обрели популярность циклы плачей, обрамленные дополнительным нарративом; кроме того, в плачах нашли отражение многообразные оттенки страданий влюбленной или оскорбленной насилем женщины (сводный перечень иллюстраций к этим положениям см.: [12]). В терминологии елизаветинского времени английские термины *complaint* и *lament* были взаимозаменяемы и подразумевали не только скорбные плачи, но и разного рода жалобы. Вот почему шекспировскую поэму «A Lover's Complaint» традиционно переводят на русский язык как «Жалоба влюбленной» или «Плач влюбленной». Важно также принять во внимание, что Спенсер имел немалый опыт работы в этом жанре: помимо вставного цикла жалоб в «Королеве фей» он создал отдельный сборник ламентаций («Complaints», 1590), куда вошло девять знаменитых произведений («Руины времени», «Слезы муз», «Развалины Рима», «Муирпотмос, или Судьба мотылька», «Из видений Дю Белле» и др.).

Вставной цикл плачей, к которому привлечено внимание в этой статье, состоит, по моему подсчету, из семи ламентаций, разбросанных по 3–4 кн. «Королевы фей». Первые три ламентации были опубликованы Спенсером в 1590 г. Исследователи иногда рассматривают их как цикл, или точнее, как «маленькую вставную антологию разнородных плачей» [13], делая акцент на их тематическом многообразии. Однако мне не приходилось встречать публикаций о том, что этот цикл из трех ламентаций обретает продолжение в кн. 4 (опубл. 1596). Между тем жалобы, произнесенные персонажами в 12-й песне кн. 4 «Королевы фей», завершают историю о nereide Кимодокее и ее сыне Маринелле, начатую в кн. 3 любовным плачем девы-воительницы Бритомарт. Таким образом, серия не из трех, а из семи плачей не только укладывается в одну сюжетную линию (приключения Бритомарт), но и охватывается одной вставной историей, наглядно уточняющей суть истинного и ложного целомудрия.

Не прерывая поток спенсеровых строф, которыми написана поэма «Королева фей», поэт четко выделяет плачи персонажей специальным метаязыком, пояснениями. Например: «Thereat she sighed deepe, and after thus complained» (3.4.7, «При этом, глубоко вздохнув, она вознесла следующую жалобу»). Вставные плачи отличаются от обрамляющего текста минорным звучанием, обращением к теме *contemptus mundi* («презрение к миру» и к мирским нуждам), они насыщены сетованиями, протестами и обличениями. Ламентации звучат из уст трех женщин (дева-воительница, мать-нереида, эльфийская леди) и одного мужчины (принц Артур).

Перейдем к содержанию плачей и обрамляющей их истории.

Запутанные дороги Страны фей приводят деву-воительницу Бритомарт в глухой край, к так называемому Златому Брегу (Rich Strond), усыпанному редкими драгоценностями: это полоска суши, периодически затопляемая океаном. Россыпи жемчуга, лалов и алмазов, по велению Нерея, постоянно пополняет прилив, приносящий со дна океана природные богатства, клады ушедших под воду городов, грузы затонувших кораблей.

Хранитель драгоценного побережья — внук Нерея, необычайно целомудренный красавец-юноша по имени Маринелл. Однако, как покажет ход событий, его целомудрие неестественное, насильственное, оно не достойно подражания. Маринелл сторонится девушек, словно чумы. Вести жизнь убежденного холостяка его заставила заботливая мать, nereида по имени Кимодокея (Сумоент), которая узнала из предсказания, сделанного богом Протеем, что ее сыну грозит гибель от рук прекрасной девы. Зная, что Маринелл, родившийся от смертного отца, тоже не вечен, бессмертная Кимодокея стремится отдалить мрачный час разлуки с сыном и бдительно его опекает. Не отказывая сыну в роскоши, она поместила его в «золотую клетку», наотрез запретив видиться с добродетельной и прекрасной Флоримеллой, чистосердечно полюбившей юношу и мечтавшей стать его невестой. Впрочем, сердце юноши пока еще не узнало любви, и к Флоримелле он оставался холоден. Несмотря на женскую опеку матери-нереиды и ее сестер, Маринелл вырос достойным воином: ему приходилось неусыпно защищать Златой Брег от грабителей. Многие воины желали завладеть рассыпанной по берегу добычей, их всех Маринелл побеждал в честном бою.

Однако заботливая мать-нереида не была готова к случайному появлению в этих краях девы-воительницы Бритомарт, прятанной свои длинные косы под шлемом и походившей в рыцарском облачении на прекрасного юношу. Не ожидал встретить деву в облики воина и Маринелл.

Между тем, Бритомарт, странствующая по Стране фей, потеряла дорогу и в растерянности остановилась на самом берегу океана. В минуту усталости и отчаяния она позволяет коню немного отдохнуть, снимает с себя шлем, распускает волосы и, озирая горизонт, дает волю чувствам (**первый плач** цикла). Это редкий момент, когда дева-воительница разрешает себе проронить слезу и произнести трогательный монолог о неразделенной любви к прекрасному витязю, которого она видела только в магическом хрустальном шаре, а наяву найти никак не может. Плач строится на известной метафоре суденышка, гонимого разбушевавшимися волнами безбрежного океана. Бритомарт сравнивает себя с этим суденышком и просит у богов помощи, просит путеводной звезды, которая укажет ей путь в родную гавань. В жалобе Бритомарт звучат петраркистские интонации [14], которые обычно звучали в сонетах английского Ренессанса. Поглощенная переживаниями, дева-воительница не обращает никакого внимания на рассыпанные у нее под ногами драгоценности: она равнодушна к ним.

Маринелл, однако, заметив вдали фигуру спешившегося витязя, не знал, что для этой остановки могут быть иные мотивы, чем жажда наживы, и ринулся к предполагаемому грабителю с намерением того покарать. Почти комическое недопонимание ситуации и идентичности противника заканчивается для Маринелла плачевно: Бритомарт, поразив его копьем, покидает негостеприимный Златой Брег, не подняв с песка ни монетки. Маринелл, рухнув на землю и истекая кровью, погружается в беспомощность, так и не узнав, что принял смертельный удар от руки прекрасной девы. Казалось бы, предсказание Протея сбылось. Однако сразила юношу не любовь, а гнев и непонимание того факта, что действиями людей может руководить не страсть к богатствам, а глубокие сердечные чувства.

Второй плач вставного цикла (в спенсероведении его еще называют “морской элегией”) звучит из уст нереиды Кимодокеи. Лamentация матери пронизана беспомощностью и растерянностью, ведь с предсказанием о судьбе сына, в которое она свято верила, произошла какая-то досадная ошибка. Беду не удалось предотвратить. Но что это за ошибка, нереида понять не может: она

не знает, какой рыцарь сразил ее сына. Ясно одно: сынок погиб не от любви. Четыре спенсеровы строфы заключают в себе плач горестной матери, а еще несколько строф служат обрамлением-комментарием к этому плачу.

Комментарий Спенсера при всей торжественности и серьезности тона полон иронии. Поэт, разумеется, чтит чувства матери и не глумится над горем. Однако он совершенно ясно показывает, что бессмертная Кимодокея не в состоянии по-настоящему понять, что такое смерть. Поэт также разбрасывает по тексту намеки, которые позволяют думать, что ополумевшая мать-нереида ошибается, полагая что предсказание сбылось и Маринелл действительно погиб.

В поэме описано, как она приняла новость о тяжелом ранении сына. Беззаботно играя в кругу сестер-нереид, вечно юная и шаловливая Кимодокея, вдруг слышит злополучную весть. Но она не умеет скорбеть, и ее кручина выглядит как театральная игра. Курьезность этого зрелища Спенсер описывает, не жалея красок. Кимодокея разрывает только что сплетенные ею гирлянды из цветов и, взлохматив свои длинные волосы, распластывается на теплом пляжном берегу. Она лежит так некоторое время не дыша, чтобы ее сестры заголосили и залились слезами. Затем, вызвав морские колесницы, она, в сопровождении большого хора плакальщиц, под взорами Нептуна и морских чудищ, изумленно разинувших пасти, мчится к Златому Брегу. Там, увидев сына, лежащего в крови, Кимодокея трижды, как пишет Спенсер, упадает в обморок, а затем красиво подпекает хору сестер-нереид. Наконец обнаружив, что сын не убит, а ранен, обрадованная нереида находит лучших врачей-лечителей, способных вылечить его от ран телесных.

Тем временем прекрасная Флоримелла узнает, что ее возлюбленный Маринелл ранен. Она немедленно оставляет двор королевы фей и отправляется на поиски юноши, встречая на пути череду опасностей и едва не попадая в руки насильников. Свидетелем одной такой погони становится принц Артур, он скачет следом, чтобы выручить красавицу из беды. Однако быстро сгустившиеся сумерки препятствуют благим намерениям: Артур теряет беглянку и ее преследователя из виду. Раздосадованный неудачей принц высказывает свое крайнее неудовольствие в форме поэтической жалобы. Это **третий плач** вставного цикла, своеобразное обличение ночи, которая не только “не шлет отрады и забвенья” (если процитировать арию князя Игоря из оперы 1881 г.), но является главной причиной промаха доблестного рыцаря.

Ламентация принца Артура (объемом в 4 спенсеровы строфы) — не что иное, как сетование воина, несущего на своих плечах ответственность за судьбы многих людей и допустившего серьезную ошибку. Во вставном цикле плачей в “Королеве фей” это единственный “не женский” плач. В результате допущенного Артуром промедления Флоримелла попадает в плен к морскому боже-ству Протею, тому самому лукавому прорицателю, чьи вещие речи внушили Маринеллу ложное целомудрие.

Круг прорицаний, их толкований, разочарований и ламентаций замыкается в следующей, четвертой книге поэмы “Королева фей”, посвященной добродетели дружбы. Кстати говоря, именно в этой книге целомудренная Бритомарт находит наконец своего суженого Артегала, случайно одержав над ним победу в рыцарском турнире. Итог истории о Маринелле тоже благополучен, но прежде юноше приходится постоять за верное понимание добродетели целомудрия и за свою любовь.

Вернемся к циклу ламентаций.

Четвертый плач вырывается из уст заключенной в подводной темнице Протея красавицы Флоримеллы. Протей покушается на честь девушки, и ее стенания — это одновременно жалоба узницы и жалоба влюбленной (состоит из 5 спенсеровых строф). Несвобода, ожидание насилия со стороны ненавистного Протея усиливают минорный тон девических раздумий. А безответная любовь, которую Флоримелла питает к Маринеллу, полна безысходности. Плач узницы случайно достигает ушей оправляющегося от ран Маринелла, который вместе с матерью-нереидой прибыл в подводный замок Протея на празднование свадьбы двух рек: Темзы и Медуэй. На шумное пиршество собрались тысячи приглашенных гостей: нимфы многочисленных рек, ручьев, озер, морей (их триумфальное шествие подробно описано Спенсером). Маринелл, будучи смертным, не мог посещать все покои подводного замка и бродил в одиночестве там, где оставался доступ к воздуху. Здесь он и услышал доносящийся из подземелья замка стон, наконец тронувший его сердце.

Юноша откликается на любовь Флоримеллы, перестает слепо следовать приказам своей матери и убеждает ее заступиться за узницу Протея. Нереида Кимодокея обращается с плачами-ходатайствами к трем богам: к Трифону, Аполлону и Нептуну. Это **три заключительные плача (пятый, шестой и седьмой)** вставного цикла Спенсера. Боги призывают Протея чтить добродетельность и освобождают из его темницы красавицу Флоримеллу.

Рассмотренный нами вставной цикл из семи ламентаций в кн. 3–4 поэмы “Королева фей” примечателен тем, что Спенсер отмечает плачами поворотные моменты в историях персонажей, пытающихся постичь истинное целомудрие. Ни меланхолия, ни слепая вера в нравоучения и предсказания, ни сам по себе затворнический образ жизни не ведут к целомудрию. Так, Маринелл, сын нереиды Кимодокеи, долгие годы старался блюсти обет целомудрия, но целомудрия неестественного, навязанного хитрым Протеем. Появление девы-воительницы Бритомарт, защитницы истинного целомудрия, оказывается для Маринеллы очень болезненным, разрушает тот безмятежный и иллюзорный мир, который старательно создавала его заботливая, но не очень мудрая мать, слепо верившая предсказаниям многоликого Протея. Однако постепенно нереида и ее сын начинают прислушиваются к мудрости сердца и принимают в свою семью красавицу Флоримеллу. Каждый плач цикла отмечает болезненный этап на этом пути прозрения. Герои плачут, потому что им горько и больно, и потому, что от них скрыта полная картина происходящего. К концу цикла герои Спенсера усваивают урок не только истинного целомудрия, но и сердечного дружелюбия. Вереница плачей, послужившая прояснению сути добродетели целомудрия, завершается.

Эта логика организации спенсеровского цикла плачей созвучна логике Сидни, иерархически упорядочившего поэтические формы (в зависимости от степени благородства и добродетельности произносящих их персонажей) внутри пасторального романа “Старая Аркадия”, и логике Шекспира, подвергшего этической градации несколько типов несовершенных сонетов внутри комедии “Бесплодные усилия любви”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Халтрин-Халтурина Е.В.* Антология поэтических форм в “Старой Аркадии” Филипа Сидни // Стих и проза в европейских литературах Средних веков и Возрождения / Отв. ред. Л.В. Евдокимова; Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Наука, 2006. С. 117–136. [Haltrin-Khalturina, E.V. *Antologiya poeticheskikh form v “Staroi Arkadii” Filipa Sidni* [An Anthology of Poetic Forms in Philip Sidney's “Old Arcadia”]. *Stikh i proza v evropeiskikh literaturakh Srednikh vekov i Vozrozhdeniya* [Combinations of Poetry and Prose in European Literatures of Medieval Ages and Renaissance]. Ed. by L.V. Yevdokimova. Moscow, Nauka Publ., 2006, pp. 117–136. (In Russ.)].
2. *The Complete Works of William Shakespeare*, Gen. eds. Stanley Wells and Gary Taylor; Eds. Stanley Wells et

- al. Oxford, Clarendon Press; N.Y., Oxford Univ. Press, 1988. XLIX+1274 p.
3. *The Norton Shakespeare*, Gen. ed. Stephen Greenblatt; Eds. Walter Cohen, Jean E. Howard, Katharine Eisaman Maus; with an essay on the Shakespearean stage by Andrew Gurr. N.Y., W.W. Norton, 1997. XVI+3420 p.
  4. Shakespeare, W. *Love's Labour's Lost*, ed. by H.R. Woudhuysen. L., Bloomsbury, 1998. XVII+374 p. (The Arden Shakespeare, 3rd Series).
  5. Халтрин-Халтурина Е.В. Сонетные вставки в пьесах Шекспира // Шекспир. Сонеты / Отв. ред. А.Н. Горбунов. М.: Наука, 2016. С. 725–769. (серия “Литературные памятники”). [Haltrin-Khalturina, E.V. *Sonetnye vstavki v piesakh Shekspira* [Inset Sonnets in Shakespeare's Plays]. *Shekspir. Sonety* [Shakespeare. Sonnets: A Critical Edition, Ed. by. A.N. Gorbunov]. Moscow, Nauka Publ., 2016, pp. 725–769. (In Russ.)].
  6. Spenser, Edmund. *The Faerie Queene*, ed. Hamilton A.C., rev. 2nd ed.; text ed. by H. Yamashita, T. Suzuki. L. and N.Y., Routledge, 2001. 816 p.
  7. Kaske, Carol V. “Chastity”. *The Spenser Encyclopedia*, gen. ed. A.C. Hamilton. Toronto; Buffalo; London, Univ. of Toronto Press, 1990. P. 142–144.
  8. Anderson, Judith H. “Britomart”. *The Spenser Encyclopedia*, gen. ed. A.C. Hamilton. Toronto; Buffalo; London, Univ. of Toronto Press, 1990. P. 113–115.
  9. Зусева-Озкан В.Б. Дева-воительница в литературе русского модернизма. М.: Индрик, 2021. 712 с. [Zuseva-Ozkan, V.B. *Deva-voitel'nitsa v literature russkogo modernizma* [Women Warriors in the Literature of Russian Modernism]. Moscow, Indrik Publ., 2021. 712 p. (In Russ.)].
  10. Stein, H. *Studies in Spenser's Complaints*. N.Y., Oxford Univ. Press, 1934. X+195 p.
  11. Brown, R.D. ‘The New Poet’: *Novelty and Tradition in Spenser's Complaints*. Liverpool, Liverpool Univ. Press, 1999. X+293 p.
  12. Maclean, Hugh. “Complaints”. *The Spenser Encyclopedia*, gen. ed. A.C. Hamilton. Toronto; Buffalo; London, Univ. of Toronto Press, 1990. P. 177–181.
  13. Crampton, Georgia Ronan. “Spenser's Lyric Theodicy: The Complaints of the Faerie Queene III.Iv.” *ELH*, vol. 44, no. 2, Johns Hopkins University Press, 1977, pp. 205–21, <https://doi.org/10.2307/2872665>
  14. Shilling, Alana D. “The Worth of the Imperfect Memory: Allusion and Fictions of Continuity in Petrarch and Spenser.” *MLN*, vol. 125, no. 5, The Johns Hopkins University Press, 2010, pp. 1075–97, <http://www.jstor.org/stable/23012519>

Дата поступления материала в редакцию: 24 сентября 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 5 октября 2021 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2021 г.

Дата публикации: 31 декабря 2021 г.

Received by Editor on September 24, 2021

Revised on October 5, 2021

Accepted on October 15, 2021

Date of publication: December 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017814-8

К истории понятий: лингвистический ракурс. Шугнанское ПРЯТАТЬ

© 2021 г. Е. В. Рахилина

доктор филологических наук,
руководитель Школы лингвистики факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20,
ведущий научный сотрудник Института русского языка
имени В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
rakhilina@gmail.com

© 2021 г. Ш. С. Некушоева

кандидат филологических наук,
профессор, заместитель директора Института
гуманитарных наук Академии наук Республики Таджикистан,
736002, Таджикистан, г. Хорог, ул. Холдорова, д. 1
nekushoeva@bk.ru.

© 2021 г. Е. Е. Арманд

кандидат филологических наук,
доцент Института классического Востока и античности
факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
armandlena@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена исследованию лексической семантики глаголов со значением ‘прятать’ в одном из малых восточноиранских языков Памира – шугнанском, на котором говорят в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана. Материалом для статьи послужили словарные данные шугнанского языка (Карамшоев 1988–1999), а также полевые материалы 2021 года (г. Хорог), собранные авторами по типологической анкете, которая была создана Московской лексико-типологической группой в рамках работы над проектом “Проблема семантической непрерывности в лексико-типологическом аспекте”. В работе последовательно рассматриваются все шугнанские лексемы со значением ‘прятать’ и проводится анализ примеров их употреблений. Проанализированный материал показывает, что исходно лексическая система шугнанского языка была практически лишена поля ПРЯТАТЬ. Формирование этого поля происходило постепенно путем заимствования соответствующих лексем из доминантного для этого региона таджикского языка. Парадоксальным образом в результате шугнанская система не стала идентичной таджикской в этой лексической зоне. Дело в том, что в качестве основного глагола для обозначения самых разных ситуаций прятания шугнанский язык выбрал таджикский глагол со значением ‘класть, помещать’ и со временем развил у него значение ‘прятать’. Основные же для таджикского языка глаголы со значением ‘прятать’ – образованные на базе признаков ‘скрытый, тайный’ – в шугнанской системе оказались на периферии. В работе прослеживаются семантические переходы – как те, что свойственны глаголам со значением ‘прятать’, так и те, что приводят к образованию предикатов с таким значением.

Благодарность: При поддержке гранта РФФИ 20-012-00240 “Проблема семантической непрерывности в лексико-типологическом аспекте”.

Ключевые слова: лексическая типология, прятать, памирские языки, шугнанский язык.

Для цитирования: Рахилина Е.В., Никушоева Ш.С., Арманд Е.Е. К истории понятий: лингвистический ракурс. Шугнанское ПРЯТАТЬ // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 69–78. DOI: 10.31857/S241377150017814-8

On the History of Concepts: A Linguistic Perspective. The Verb ‘to hide’ in Shughni

© 2021 Ekaterina V. Rakhilina

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the Faculty of Humanities, School of Linguistics,
National Research University
“Higher School of Economics”,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia,
Leading Researcher of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka, Moscow, 119019, Russia
rakhilina@gmail.com

© 2021 Shakhlo S. Nekushoeva

Cand. Sci. (Philol.),
Professor, Associate Director of the Institute of Humanities,
National Academy of Sciences of Tajikistan,
1 Holdorova Str., Khorog city, 736002, Republic of Tajikistan
nekushoeva@bk.ru

© 2021 Elena Ye. Armand

Cand. Sci. (Philol.),
Associate Professor of the Faculty of Humanities,
Institute for Oriental and Classical Studies,
National Research University
“Higher School of Economics”,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia
armandlena@yandex.ru

Abstract. In this paper, we undertake a study of the lexical semantics of verbs with the meaning ‘hide’ in one of the small Eastern Iranian languages of the Pamirs – Shughni, spoken in the Gorno-Badakhshan Autonomous Province of Tajikistan. Data for the paper were extracted from the published dictionary of the Shughni language (Karamshoev 1988–1999), as well as field materials from 2021 (Khorugh) collected by the authors on the basis of a typological questionnaire, created by the Moscow Lexico-typological group as part of the work on the project “The problem of semantic continuity in the lexico-typological aspect”. The paper consistently examines all Shughni lexemes with the meaning ‘hide’ and analyzes examples of their use. The analyzed material shows that the original lexical system of the Shughni language was practically devoid of the semantic field ‘hide’. The formation of this field took place gradually by borrowing the corresponding lexemes from the dominant language for this region (Tajik). Paradoxically, the Shughni system did not, as a result, become identical to Tajik in this lexical area. In reality, the Shughni language chose the Tajik verb with the meaning ‘to put, to place’ as the main verb to designate a variety of situations of hiding, and over time developed for it the general meaning of ‘hide’. At the same time, the principal Tajik verbs for the meaning ‘to hide’ – formed on the basis of the semantic aspects ‘hidden, secret’ – in the Shughni system turned out to be on the periphery. Our work traces semantic shifts – both those typical of verbs with the meaning ‘hide’ and those that lead to the formation of predicates with such a meaning.

Acknowledgements: The work was carried out with the support of the RFBR, project No. 20-012-00240 “The Problem of Semantic Continuity in the Lexico-Typological Aspect”.

Key words: lexical typology, to hide, Pamir languages, Shughni.

For citation: Rakhilina, E.V., Nekushoeva, Sh.S., Armand, E.Ye. *K istorii ponyatij: lingvisticheskij rakurs. Shugnanskoe PRYATAT'* [On the History of Concepts: A Linguistic Perspective. The Verb 'to hide' in Shughni]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 6, pp. 69–78. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017814-8

1. Введение

Исходная задача нашей статьи — сугубо лингвистическая: исследование лексической семантики глаголов со значением ПРЯТАТЬ в шугнанском языке¹. В этом качестве она вкладывается, с одной стороны, в более широкий типологический проект исследования глаголов с недоопределенной семантикой, к которым относятся глаголы этой небольшой группы (см. выше Благодарность). С другой стороны, этот сюжет вкладывается в более общее и сугубо практическое исследование, уточняющее в семантическом плане словарное описание шугнанских глаголов. Мы проводим его в рамках совместной работы Школы лингвистики НИУ ВШЭ и Института гуманитарных наук им. Б. Искандарова Национальной академии наук Таджикистана по редактированию знаменитого шугнанско-русского словаря Д. Карамшоева [1], основная работа над которым велась полвека назад. Для практически бесписьменного языка (литература на шугнанском крайне скудна) такая временная дистанция оказывается очень значительной — особенно в условиях существенных социальных перемен последних десятилетий. Пересмотр данных Д. Карамшоева важен и для мониторинга динамики лексико-семантических изменений в языках мира.

Однако, как мы покажем, осмысление лексического материала может выходить за рамки простого типологического или лексикографического описания. Представленные здесь данные отражают сложное и динамичное взаимодействие двух языков — шугнанского и таджикского, сосуществующих в общем географическом и политическом пространстве. Это взаимодействие затрагивает и процесс формирования абстрактных понятий: приобретение новых значений через заимствование слов и калькирование, но одновременно и постепенную утрату “лишних” единиц, и упрощение фрагмента лексической системы. Отследить такой

¹ Шугнанский язык относится к шугнано-рушанской группе памирских языков (восточноиранские языки). Шугнанский язык играет роль лингва франка для памирцев, он распространен на территории Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан, а также в прилегающей с юга провинции Бадахшан Исламской Республики Афганистан. О шугнанском языке см. [3, с. 225–226].

сложный процесс своего рода лингвистической “истории понятий” [2] обычно очень трудно, но кажется, в данном случае это может получиться.

Выбор глаголов прятанья как объекта данного исследования определялся их семантической спецификой, представляющей для нас особый интерес. В отличие от обычных процессных глаголов, скажем, глаголов с семантикой движения (‘идти’, ‘ползти’, ‘катиться’), смены possessora (‘красть’, ‘давать’, ‘меняться’) или, например, поглощения пищи (‘есть’, ‘пить’, ‘прихлебывать’), глаголы прятанья сами по себе не описывают никакой конкретной ситуации, предсказуемым образом развивающейся во времени. Действительно, ни для какого глагола этой группы способ прятанья никогда не определен: можно прятать, перемещая лицо или объект, можно — закрывая его от посторонних глаз, можно даже комбинировать эти действия — важно только, чтобы всегда присутствовала общая цель: **сокрытие объекта**. Именно эта цель, а не жесткая последовательность конкретных ситуаций (ср.: перенести центр тяжести на одну ногу, поднять другую, переместить ее вперед, опустить до соприкосновения с поверхностью... — как в случае ИДТИ) объединяет все возможные ситуации прятанья. Заметим, что глаголы прятанья безоценочны. Их особенность именно в недоопределенности значения, как бы исключающей суть основного процесса², которая не мешает им существовать и образовывать нетривиальные системы со сложными оппозициями в самых разных языках мира [4].

Важно, что ввиду абстрактности недоопределенного значения оно может передаваться не непосредственно — специализированной лексемой или группой лексем, а переносно, с опорой на какие-то уже существующие в языке конкретные значения. Эта особенность ставит задачу исследования семантических источников недоопределенных предикатов (ср. в их числе НАХОДИТЬ) — и среди них источников для семантики ‘прятать’. Предварительные исследования в этом направлении [4] довольно хорошо соотносятся с данными

² Ср. близкий класс интерпретативов (термин Ю.Д. Апресяна) как оценочных слов с “пропущенным” процессом — типа *баловать, грешить, нарушать закон* [8], ср. также [9].

базы CLICS3 [5] (а в некоторых позициях дополняет ее) и выделяют несколько важных сдвигов, которые оказываются релевантны и для шугнанского языка:

- ‘хранить / keep’ → ‘прятать’
- ‘накрывать / укрывать / cover’ → ‘прятать’
- ‘помещать’ → ‘прятать’

С семантической точки зрения эти сдвиги вполне ожидаемы, потому что каждый из них представляет конкретное действие, которое можно совершить, чтобы скрыть некоторый объект: переместить этот объект куда-то, накрыть его чем-то, хранить / сохранять его — не используя и тем самым не демонстрируя другим. Именно этому принципу подчиняются источники и других недоопределенных глаголов, ср. семантические переходы в зону ‘искать’, описанные в [6] для славянских языков и в [7] в широкой типологической перспективе: они описывают какой-то частный вид деятельности для поиска объекта. Ср.:

- ‘смотреть’ → ‘искать’;
- ‘ощупывать руками (например, в темноте)’ → ‘искать’;
- ‘ходить (в поисках)’ → ‘искать’;
- ‘копать(ся), рыть(ся)’ → ‘искать’;
- ‘охотиться’ → ‘искать’ и другие.

Поэтому статья будет строиться следующим образом. В разделах 2–4 мы подробно рассмотрим шугнанскую систему глаголов прятанья. Порядок описания системы будет соответствовать порядку только что обозначенных источников для ‘прятать’. Мы начнем с обсуждения центрального глагола с наиболее широкой сочетаемостью и потом перейдем к рассказу о более маргинальных глаголах с нетривиальной семантикой.

(1)	<i>wuz=ta</i> 1SG=IRR	<i>yi</i> один	<i>kunj-ard</i> угол-LAT	<i>tu</i> 2SG	<i>joy</i> место	<i>kin-um</i> делать-1SG
-----	--------------------------	-------------------	-----------------------------	------------------	---------------------	-----------------------------

‘Я спрячу тебя в каком-нибудь уголке.’ [1, т. 2, с. 146]

(2)	<i>cif-č-in</i> красть-PF-PTCP	<i>joy</i> место	<i>čīd-ow</i> делать-INF2
-----	-----------------------------------	---------------------	------------------------------

‘Прятать украденное’

(3)	<i>čūd=i</i> делать.PST=3SG	<i>joy</i> место	<i>wam</i> D3.F.SG.O	<i>čēd</i> нож
-----	--------------------------------	---------------------	-------------------------	-------------------

‘Спрятал (он) тот нож.’ [1, т.3, с. 556]

(4)	<i>dam</i> D2.F.SG.O	<i>wix̄t̄z</i> ключ	<i>pi</i> UP	<i>pilas</i> палас	<i>bīr</i> под	<i>joy</i> место	<i>kin</i> делать-IMP
-----	-------------------------	------------------------	-----------------	-----------------------	-------------------	---------------------	--------------------------

‘Положи (спрячь) тот ключ под паласом.’

(5)	<i>yid</i> D2.SG	<i>xu</i> REFL	<i>kurtay-en</i> платье-PL	<i>zord</i> сердце	<i>na=vire-d,</i> NEG=находить-3SG
	<i>joy</i> место	<i>wew</i> D3.PL.O	<i>kix̄t</i> делать.3SG		

‘Ему жалко (надевать) рубашки, бережет их.’ [1, т.2, с. 148]

В разделе 5 мы подведем итог этому исследованию и обсудим его в более широкой перспективе.

Все примеры даются либо по материалам [1], проверенным нами с точки зрения их актуальности для сегодняшнего узуса, либо собраны авторами статьи по анкете [4] в рамках работы над проектом “Проблема семантической непрерывности в лексико-типологическом аспекте”.

2. Доминантный глагол *joy(y) čīdow*

Шугнанскую систему поля прятанья можно отнести к доминантным: в ней доминирует сложный глагол *joy(y) č.* на базе существительного *joy(y)* со значением ‘место, определенное пространство; край, область, местность; местонахождение, местожиительство’ [1, т. 3, с. 556]. Таким образом, буквальным значением основного глагола прятанья в шугнанском оказывается ‘делать место’, то есть ‘помещать’³. В шугнанском этот же глагол развивает и связанное с прятаньем значение ‘хранить, беречь’.

Таким образом, в отношении глагола *joy(y) č.* шугнанская система хорошо вкладывается в общую лексико-типологическую картину.

Как мы уже сказали, сам этот глагол играет в шугнанском ключевую роль как маркер значения ‘прятать’: он применим и к ситуации сокрытия людей (1), и к ситуации тайного хранения артефактов, представляющих ценность (2) или опасность (3), и к ситуации хранения объекта в специально отведенном месте (4), и в ситуации неиспользования объекта при бережном с ним обращении (5), и наконец, при укрывании части тела от внешнего воздействия или наблюдения (6):

³ По-видимому, в этом значении он был калькирован из таджикского *чо кардан* ‘помещать, размещать, укладывать, наполнять’ [10, с. 1057].

(6) *mu* *pus=i* *xu* *dust-en* *as* *xu* *zibo* *joy* *čūd*
 1SG.O сын=3SG REFL рука-PL EL REFL зад место делать.PST

‘Мой сын спрятал руки за спиной.’

В значении ‘прятать’ может также употребляться вариант *bar jo čīdow* ‘положить, помещать, определить на место’, где перед именной частью глагола добавляется предлог *bar* ‘на’:

(6.1) *bar* *jo(y)* *di* *kin* *lāk* *uz*
 COM место D2.M.SG.O делать.IMP чтобы 1SG
di *mā-vir-īm*
 D2M.SG.OBL NEG-найти-1SG

‘Положи это куда-нибудь, чтоб я не нашел.’

(6.2) *Arcūnd=at* *yūdand=at* *yamand* *wi* *bar* *joy*
 сколько.бы=2SG здесь=и там D3.M.SG.O COM место
čūd, *uz=um* *wi* *virūd*
 делать.PST 1SG=1SG D3.M.SG.O найти.PST

‘Сколько ты ни перепрыгивал это то тут, то там, я это нашел.’

Примечание

Работа над анкетой показала, что часть ситуаций, в принципе релевантных для зоны прятанья, в шугнанском по разным причинам выходит за ее пределы. Например, ситуация, которая могла бы интерпретироваться как ‘спрятать волосы под платок’ может передаваться исключительно конверсно, как ‘покрыть волосы платком’, с помощью глагола *biḡīn č.* в его прямом значении ‘накрыть, покрыть’ (см. раздел 4). Ситуация ‘поджать / спрятать хвост (о собаке)’ культурно не значима и не маркируется лексически, потому что собака считается нечистым животным.

(7) *yu* *mu-rd* *pano* *vud*
 D3.M.SG 1SG.O-LAT скрытый быть.PST.3SG

‘Он был мне не виден’ / от меня скрыт.’ [1, т.2, с. 372]

(8) *mu-nd* *yi-čīz* *as* *tu* *pinūn* *nist*
 1SG.O-LOC что-нибудь EL 2SG скрытый be.NEG

‘У меня нет ничего тайного от тебя.’ [1, т.2, с. 414]

(9) *wuz* *xu* *kor* *as* *wi* *pano / pinūn*
 1SG REFL поступок EL D3.M.SG.OBL скрытый
na-kin-um
 NEG-делать-1SG

‘Я не таю от него свои поступки.’

При этом глагол *pano č.* воспринимается в шугнанском как устаревший и, в частности, не выдерживает конкуренции с *jo(y) č.* в сочетании с объектом-лицом или предметным именем типа (1) (‘я спрячу тебя’)

(10) *uz=um* *pano* *δod* *at* *wād=en*
 1SG=1SG скрытый бить.PST ADD D3.PL=3PL
mis *firīp-č*
 тоже пойти-PF

‘Я скрылся (из глаз), и они тоже добрались.’

3. Близкая семантика, разная судьба: *pano* & *pinūn*

Помимо *jo(y) č.*, в словаре Д. Карамшоева для перевода русского ‘прятать’ приводится два похожих сложных глагола – *pano č.* и *pinūn č.*, оба таджикизмы⁴, на базе прилагательных с уже изначально абстрактным значением ‘скрытый или тайный’ (7)–(8). Тем самым для этих глаголов речь о внешнем семантическом источнике ‘прятать’ не идет. Обратим внимание, однако, что в параллель к абстрактному значению базового признака центральными употреблениями этих глаголов являются контексты с абстрактным именем ситуации как объектом сокрытия, ср. (9).

vud
 быть.PST.3SG

pinūn *nist*
 скрытый be.NEG

pano / pinūn
 скрытый

или (3) (‘спрятал (он) тот нож’). Как часть глагола, продуктивным признаковое слово *pano* осталось в основном в составе непереходного сложного глагола *pano δēdow* ‘скрываться, становиться не видным’:

at *wād=en*
 ADD D3.PL=3PL

⁴ *Панаҳ кардан* а) прикрывать, заслонять что-л.; б) прятать, укрывать; в) скрывать; таить; утаивать [10, с. 463].

Пинҳон скрытый, тайный, секретный, ~ *кардан* прятать, скрывать, утаивать [10, с. 478].

Другое частотное употребление *pano* – в составе сакральных формул типа *Pano bar Xidoу* ‘Да хранит [тебя, нас, их, вас] Бог’.

В этом отношении второй глагол, *pinûn* č. встроен в современный шугнанский гораздо лучше – в частности, он допустим с объектами-

артефактами (11), хотя чаще – с абстрактными объектами (12).

И все-таки, узус *pinûn* č. тоже ограничен. Недоступной для него оказывается зона одушевленных объектов – никто не скажет по-шугнански (13).

(11)	<i>kampîr=i</i>	<i>xu</i>	<i>pûl-en</i>	<i>pinûn</i>	<i>čûd</i>	<i>xu</i>
	старушка-3SG	REFL	деньги-PL	скрытый	делать.PST	и
	<i>šič</i>	<i>wef</i>	<i>na-vir-ed</i>			
	сейчас	D3.PL.OBL	NEG-найти-3SG			

‘Старая женщина спрятала свои деньги и не может теперь их найти.’

(12)	<i>di</i>	<i>kor=at</i>	<i>pinûn</i>	<i>ca</i>	<i>na-čûj-at</i>
	D2.M.SG.OBL	работа=2SG	скрытый	SUBD	NEG-делать.PF-PQP
	<i>waxt-and-am</i>	<i>tu-rd</i>	<i>yordam</i>	<i>čûj-at</i>	
	время-LOC=1PL	2SG-LAT	помощь	делать.PF-PQP	

‘Если бы ты не скрыл это (дело) от нас, мы бы тебе вовремя помогли.’

(13)	<i>wāδ=ta</i>	<i>tu</i>	<i>pinûn</i>	<i>kin-en</i>
	D3.PL=IRR	2SG	скрытый	делать-3PL

‘Они спрячут тебя.’

Это не случайное для *pinûn* č. ограничение: по нашему мнению, сочетаемость с именами лиц всегда “последний рубеж” на пути освоения словом новой лексической зоны. Сочетаемость с природными объектами (к которым относятся в том числе люди) осваивается позже, чем область абстрактных понятий или артефактов, к которым легче применить новый предикат или оператор. В нашей лексикологической практике это обстоятельство подтверждалось на множестве примеров – начиная с цветообозначений (см. [11, с. 175–179]) о судьбе русского *коричневый*, а также других заимствований, как *проблема* в [12], и заканчивая процессами квазиграмматикализации на примере *куча* и его синонимов в [13]).

4. Редкие и исчезнувшие лексемы

Помимо описанных, в словаре Д. Карамшоева упоминается еще пять глаголов со значением ‘прятать’: *tuptā* č., *rûpîx* č., *biŷîn* č., *yarq* č., *rizîŋ*, так что в целом поле выглядит очень объемным. Это, однако, не так: все эти глаголы в сегодняшнем шугнанском либо утрачены, по крайней мере в нужном нам значении, либо маргинальны. Например, сложный глагол *tuptā* č., образованный

на базе прилагательного *tuptā* ‘спрятанный, укрытый, покрытый’, возможно, остался только в баджувском диалекте и не опознается носителями шугнанского.

Между тем, сам переход ‘закрывать, укрыть (cover)’ → ‘спрятать’, как мы уже говорили, вполне стандартен и засвидетельствован, в частности, в романских языках [4]. Поэтому не удивительно, что в шугнанском похожей исходной семантикой, согласно [1], обладают еще два признака, задействованные в структуре глаголов прятанья: заимствованное из таджикского прилагательное *rûpîx* ‘закрытый; покрытый’ и собственная шугнанская лексема *biŷîn* ‘накрытый, покрытый; крытый, застланный’. Оба они образуют сложные глаголы *rûpîx* č. и *biŷîn* č. с исходным значением ‘покрывать, накрывать’ и производным ‘скрывать’. Между тем, для *rûpîx* č. эта лексикографическая информация в современном шугнанском устарела: *rûpîx* č. в довольно большой степени вышел из употребления и остался прежде всего в сочетаниях с *guno* ‘грех, недостаток’ (14), а *biŷîn* č. остался основным глаголом для прямого значения ‘покрывать’, ср. (15)–(16):

(14)	<i>wi</i>	<i>guno-yen</i>	<i>mudûm</i>	<i>rûpîx-i</i>
	D3.M.SG.OBL	грех-PL	всегда	покрыть-2SG

‘Его грехи всегда покрываешь⁵.’

⁵ В этом значении существует еще одно частотное выражение *yaδ ti sit* č., букв. ‘экскременты сыпать песком’ в значении ‘покрывать кого-то’, ср.:

(15)	<i>tar</i>	<i>čīd</i>	<i>di</i>	<i>pāy</i>	<i>rib-i,</i>
	EQ	дом	D2.M.SG.OBL	кислое молоко	ставить-2SG.IMP
	<i>biŷīn</i>		<i>di</i>	<i>ki</i>	<i>xu,</i>
	покрытый		D2.M.SG.OBL	делать.IMP	и
					<i>lāk</i>
					оставить.IMP

‘Поставь кислое молоко в доме, покрой его и оставь.’ [1, т.1, с. 260]

(16)	<i>wam</i>	<i>qalā-en</i>	<i>biŷīn</i>	<i>čūŷŷ-at</i>
	D3.F.SG.O	крепость-3PL	покрытый	делать.PF-PQP

‘Ту крепость давно покрыли крышей.’ [1, т.1, с. 261]

Однако как переносное употребляется в предельно малом числе абстрактных контекстов, с объектом-ситуацией, очень напоминающих контексты русского *покрывать*, ср. (17):

(17)	<i>yā</i>	<i>xu</i>	<i>čor</i>	<i>guno-yen</i>	<i>biŷīn</i>	<i>kīxt</i>
	D3.F.SG	REFL	муж	грех-PL	покрытый	делать.3SG

‘Она скрывает проделки своего мужа’ [1, т.1, с. 261],

– правда, без возможности метонимического переноса на человека. Это значит, что естественный в русском смысл, возникающий благодаря метонимическому переносу с деятельности на субъекта деятельности:

‘она скрывает проделки своего мужа’ → ‘она его / мужа покрывает’

(то есть ‘скрывает его проступки или преступления’), в шугнанском не возникает для *biŷīn* č. Соответствующее предложение с этим глаголом будет пониматься буквально, ср.: ‘она мужа [чем-то] покрывает / укрывает (например, одеялом)’.

Четвертый глагол – тоже исходно таджикский – *yarq* č. необычайно интересен с точки зрения семантического источника. Он строится на базе прилагательного *yarq* ‘потонувший, погруженный (в жидкость, в грязь)’ и, согласно данным Д. Карамшоева, подтвержденным опросами носителей, имеет переносное значение ‘укрывать, скрывать’ – а прямое значение у него уже утрачено (и даже Д. Карамшоев не дает на него примеров). Ни наши данные, ни данные CLICS 3 перехода:

‘погружать в жидкость / грязь’ → ‘прятать’

не дают. Вместе с тем, по своей семантической природе он близок к известному ‘bury’ → ‘hide’, который встречается в удмуртском, ненецком, мари, гунзибском, кофан, отоми etc. (данные CLICS3 [5]) – разница только в субстанции, в которую погружается объект: земля это или жидкость / грязь. Интересно, что результирующий смысл оказывается интенсифицирован по сравнению с обычным ‘прятать’: *yarq* č. больше похоже на русское *запрятать*, *задевать* или устаревшее *запропасть* – то есть спрятать так, что никто не может найти:

(18) *Бабы, куда рукавицы-то запропастили?* [14, Артем Веселый. Россия, кровью умытая (1924–1932)]

(19) *На заставе меня спугают, а увидя золотые деньги, запропасть навек.* [14, В.Т. Нарезный. Гаркуша, малороссийский разбойник (1825)]

(20) *Значит, в мае теперь? – и смотрит с улыбкой, и обиды нет, а если обида, то запрятанная.* [14, Владимир Маканин. Отдушина (1977)]

Ср. русский фразеологизм для некаузативной ситуации *как в воду канул*, который довольно точно отражает суть дела: в качестве русского эквивалента *yarq* č. следовало бы придумать что-то вроде *кануть кого-то / что-то как в воду*, ср. (21):

<i>Wi</i>	<i>yaθ-ti</i>	<i>mudūm</i>	<i>sit</i>	<i>kin-i</i>
D3.M.SG.O	экскременты-SUP	всегда	песок	делать-2SG

букв. на его экскременты всегда сыпешь песок (всегда его покрываешь, покрываешь его недостатки)

Ср. похожую русскую метафору *заметать следы* в значении ‘скрывать последствия проступков и преступлений’. Судя по данным НКРЯ [14], в буквальном значении субъектом выступают природные явления – снег, ветер, которые приносят снег или пыль и скрывают под ними дороги и следы: “<...> ветер взвизгивал, касаясь земли, заметал следы и выл протяжно, грустно” [Максим Горький. Злодеи (1901)]. Однако соответствующая русская метафора, как в: *Возможно, там попросту “заметали следы” – убирали то, что может вызвать подозрение?* [Известия, 2009.10.26] – принципиально отлична от шугнанской: в русской субъект, как бы наматывая снег или пыль на следы, уничтожает свидетельства исключительно *своих* преступлений – а в шугнанском он, как бы насыпая песок на экскременты, покрывает *чужие* грехи. Чужие следы стереть гораздо легче, чем свои, которые возникают за спиной идущего: ему пришлось бы идти задом наперед, чтобы воплотить такую метафору. Единственный способ оправдать русскую метафору по сравнению с шугнанской в том, чтобы возвести ее не к ветру или вьюге, а к лисе с пушистым хвостом.

(21)	<i>wi</i> D3.M.SG.OBL	<i>mardum</i> народ	<i>mol=i</i> скот=3SG	<i>yarq</i> потонувший	<i>čūd</i> – делать.PST
------	--------------------------	------------------------	--------------------------	---------------------------	----------------------------

‘(Так) он спрятал скотину людей.’ [так, что они не могут ее найти – может быть, даже продал]

По-видимому, это как раз хороший пример оценочного интерпретативного глагола, о которых мы говорили в первом разделе. Об обязательности оценки свидетельствует, в частности, то,

что говорящий не может употребить этот глагол применительно к себе, даже если он так спрятал, например, деньги, что теперь сам не может ничего найти.

(22)	<i>uz=um</i> ISG=1SG <i>γal-aθ</i> еще-ADV	<i>vegā</i> вчера <i>virêd-ow</i> найти-INF2	<i>xu</i> REFL <i>na-vārθ-im.</i> NEG-мочь-1SG	<i>pūl</i> деньги	<i>joy</i> место	<i>čūd,</i> делать.PST	(* <i>yarq čud</i>)
------	---	---	---	----------------------	---------------------	---------------------------	----------------------

‘Я вчера деньги спрятал, но до сих пор найти не могу.’

Наконец, последний глагол – собственно шугнанский, простой (не отыменной) и единственный из всех не имеющий внешних семантических источников – *rizīn*. По Д. Карамшоеву, он имеет очень узкое значение ‘припрятывать после охоты’ и одновременно другое значение – ‘поджаривать мясо после охоты в раскаленных камнях’. Сегодня он вышел из употребления – или, может быть, сохранился исключительно как профессиональный

среди охотников, но в принципе, шугнанцы помнят, что когда-то мясо зверя действительно оставляли среди камней – а поскольку камни в горах сильно накаляются под солнцем, такое хранение означает одновременно и поджаривание, так что связь этих двух значений вовсе не случайна. Однако примеры (23)–(24), которые приводит Д. Карамшоев, уже не опознаются обычными носителями:

(23)	<i>naxčīr=um</i> киик=1SG	<i>δod</i> бить.PST	<i>xu,</i> и	<i>dad=um</i> затем=1SG	<i>rizīn</i> прятать	<i>wedδ</i> класть.PST
------	------------------------------	------------------------	-----------------	----------------------------	-------------------------	---------------------------

‘Я подстрелил киика и его тушу спрятал.’ [1, т. 2, с. 497],

(24)	<i>du</i> два <i>sêd-tīr</i> плоский камень-SUP	<i>cicū=m</i> улар=1SG	<i>δod,</i> бить.PST <i>rizīn</i> жарить	<i>wi</i> D3.M.SG.OBL <i>čūd</i> делать.PST	<i>yīw=um</i> один=1SG
------	--	---------------------------	---	--	---------------------------

‘Я убил двух уларов, одного изжарил среди камней.’ [1, т. 2, с. 497].

5. Заключение

История с полем ‘прятать’ в шугнанском интересна сама по себе, потому что вносит определенный вклад в типологию соответствующего поля. Шугнанский подтверждает и дополняет уже замеченные в других языках семантические переходы и стратегии колексификации, такие как:

- ‘помещать’ → ‘прятать’ (доминантный глагол *jo(y) č.*)
- ‘накрывать / укрывать / cover’ → ‘прятать’ (исходно таджикские глаголы *tuptā č.*, *rūpūx č.* и шугнанский *bīyīn č.*)
- ‘хранить / keep’ → ‘прятать’ (доминантный глагол *jo(y) č.*)

– и даже обогащает их, добавляя переход:

- ‘погружать в жидкость / грязь’ → ‘прятать’ (*yarq č.*), симметричный засвидетельствованному:
- ‘bury’ → ‘hide’

с точностью до субстанции, в которую при этом тайно погружают объект.

Однако есть и еще одна интересная особенность шугнанской системы, а именно способ ее взаимодействия с конкурирующей и усиливающей

свое влияние таджикской – и отчасти русской. В шугнанском нет собственного глагола с семантикой ‘прятать’. Фактически, все действующие предикаты этой группы: *jo(y) č.*, и *pinūn č.*, *yarq č.*, практически утраченные *tuptā č.*, *pano č.* и *rūpūx č.* – это сложные глаголы, заимствованные из таджикского.

Единственный “настоящий” и собственно шугнанский глагол прятанья – *rizīn* – имеет крайне специфическую семантику: это прятанье добычи (причем очень особенное – среди камней, ср. дополнительное метонимическое значение ‘жарить на камнях’) *от зверей*, а не от людей.

Заметим, что собственно шугнанский глагол *bīyīn č.* с исходным значением ‘закрывать, покрывать’, которое представляет собой известный семантический источник для ‘прятать’, фактически не развивает этого значения (хотя мог бы!) – если не считать очень скромного набора контекстов, вероятнее всего, поздних и калькированных с русского. Таджикские заимствования со значением прятанья с этим источником (*tuptā č.*, и

rūpīx ě) в шугнанском, как мы видели, тоже почему-то не прижились.

Таким образом, основной шугнанский глагол для ‘прятать’ — *jo(y) ě* — тоже заимствование. Его значение описывается широко распространенным в языках переходом от конкретного ‘класть / хранить’ к более абстрактному ввиду неопределенности ‘прятать’. Однако в таджикском этот глагол не играет такой важной роли, там он находится, скорее, на периферии системы. В таджикском основным для прятанья является глагол *pinxon kardān* на базе прилагательного с абстрактным значением ‘тайный, скрытый’, так что семантика основного таджикского глагола не метафорична. Это известный нам когнат шугнанского *pinīn ě*. (вспомним, что таджикизм *pano ě*, сохранившийся в шугнанском только в формуле *Pano bar Xidoū*, имел практически то же значение).

Между тем, в шугнанском этот доминантный для таджикского глагол, когнат *pinīn ě*, имеет довольно ограниченную сочетаемость — в частности, он не применим к объекту-человеку и в целом тяготеет к абстрактным контекстам (хотя уже употребляется с артефактами). То есть массовое заимствование таджикской лексики для освоения семантики прятанья произошло, и произошло в отношении почти всех глаголов — но в результате системы все равно не оказались идентичными: новая шугнанская построена на именной метафоре, а уже освоенная таджикская — на сложном глаголе с абстрактным признаком в его составе.

Ясно, что исходная система в шугнанском была практически лишена поля ПРЯТАТЬ — и то, что мы видим на разобранном нами лексическом материале, — это процесс формирования поля, который мы до некоторой степени можем отслеживать. Мы видим, что в нашем случае формирование поля происходит путем заимствования лексем из таджикского и происходит оно, во-первых, постепенно, а во-вторых, с некоторым своего рода “сопротивлением” шугнанской лексической системы. Оно проявляется в периферийности основных для таджикского глаголов на базе абстрактных признаков ‘скрытый, тайный’ и в выборе другого, совершенно конкретного источника для семантической доминанты: ‘класть / хранить’.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карамшоев Д.К. Шугнанско-русский словарь. Том 1–3. М.: “Восточная литература” РАН, 1988–1999.

2. Живов В.М. История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка раннего нового времени. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 5–26.
3. Эдельман Д.И., Юсуфбеков Ш.П. Шугнанский язык // Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки. М.: Индрик, 2000. С. 225–242.
4. Резникова Т.И. Глаголы прятанья: типология систем (в печати).
5. List J.-M., Rzymiski C., Tresoldi T., Greenhill S., Forkel R. CLICS3: The Database of Cross-Linguistic Collocations, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies // Sci Data 7, 13, 2020.
6. Толстая С.М. Глагол *найти/находит* и его семантические корреляты // Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. М., 2011. С. 338–346.
7. ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е.В. Рахилиной / Под общ. ред. Д.А. Рыжовой, Н.Р. Добрушиной, А.А. Бонч-Осмоловской, А.С. Выренковой, М.В. Кюевой, Б.В. Орехова, Т.И. Резниковой. М.: Лабиринт, 2018.
8. Апресян В.Ю. Контроль и отрицание: взаимодействие значений // Вопросы языкознания. 2014. № 2. С. 3–26.
9. Кустова Г.И. Предикаты интерпретации: ошибка и нарушение // Логический анализ языка. Языки этики. Сборник научных трудов. М.: Наука, 2000. С. 125–133.
10. Мирбобоев А. Таджикско-русский словарь. Душанбе: Институт языка и литературы АН РТ имени Рудаки, 2006. 782 с.
11. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.
12. Ляшевская О.Н., Рахилина Е.В. Новые конструкции как хорошо забытые старые // Лингвистика конструкций / Е.В. Рахилина (отв. ред.). М.: Азбуковник, 2010.
13. Рахилина Е.В., Су Хен Ли. О категории лексической множественности // Лингвистика конструкций, Е.В. Рахилина (отв. ред.). М.: Азбуковник, 2010.
14. НКРЯ. Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru/new/>

REFERENCES

1. Karamshoev, D.K. *Shugnansko-russkij slovar* [Shughni-Russian Dictionary]. Moscow, Nauka Publ., Vol. 1–3, 1988–1999. (In Russ.)
2. Zhivov, V.M. *Istorija ponyatij, istorija kultury, istorija obshchestva* [The History of Concepts, the History of Culture, the History of Society]. *Ocherki*

- istoricheskoy semantiki russkogo yazyka rannego novogo vremeni*. [Essays on the Historical Semantics of the Early Modern Russian language]. Moscow, Jazyki slavyanskikh kultur Publ., 2009, pp. 2–26. (In Russ.)
3. Edelman, D.I., Yusufbekov, Sh.P. *Shugnanskij jazyk* [Shughni]. *Jazyki mira: Iranskije jazyki. III. Vostochnoiranskije jazyki* [Languages of the World: Iranian Languages. III. Eastern Iranian Languages.] Moscow, Indrik Publ., 2000, pp. 225–242. (In Russ.)
  4. Reznikova, T.I. *Glagoly pryatanja: tipologija sistem* [Verbs of *Hiding*: Typology of Systems] (in print). (In Russ.)
  5. List, J.-M., Rzymiski, C., Tresoldi, T., Greenhill, S., Forkel, R. CLICS3: The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. *Sci Data* 7, 13, 2020.
  6. Tolstaya, S.M. *Glagol najti – nakhodit' i jeho semanticheskie korrelyaty* [The Verb *to find* – *to find* and Its Semantic Correlates]. *Slovo i jazyk. Sbornik statej k vosmidesyatiletiju akademika Ju. D. Apresyana* [Word and Language. Collection of Articles on the Eightieth Anniversary of Academician Yu.D. Apresyan]. Moscow, 2011, pp. 338–346. (In Russ.)
  7. *EVrika! Sbornik statej o poiskakh i nakhodkakh k jubileju E.V. Rakhilinoj* [Collected Papers on *Searching* and *Finding* in Honour of E.V. Rakhilina]. Moscow, Labirint Publ., 2018. (In Russ.)
  8. Apresyan, V.U. *Kontrol i otritsanije: vzaimodejstvije znachenij* [Control and Negation: the Interaction of Values]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2014, No. 2, pp. 3–26. (In Russ.)
  9. Kustova, G.I. *Predikaty interpretatsii: oshibka i narushenije* [Predicates of Interpretation: Error and Violation]. *Logicheskij analiz jazyka. Jazyki etiki. Sbornik nauchnykh trudov* [Logical Analysis of Language. Languages of Ethics. Collection of Scientific Papers]. Moscow, Nauka Publ., 2000, pp. 125–133. (In Russ.)
  10. Mirboboev, A. *Tadzhiksko-russkij slovar. Dushanbe: Institut jazyka i literatury AN RT imeni Rudaki* [Tajik-Russian Dictionary. Dushanbe: Rudaki Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan]. 2006. 728 p.
  11. Rakhilina, E.V. *Kognitivnyj analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost* [Cognitive Analysis of Subject Names: Semantics and Combinability]. Moscow, Russkie slovari Publ., 2000. (In Russ.)
  12. Liashevskaya, O.N., Rakhilina, E.V. *Novyje konstruksii kak khorosho zabytyje staryje* [New Constructions As Well-Forgotten Old Ones]. *Lingvistika konstruksij* [Linguistics of Constructions. E.V. Rakhilina (ed.)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. (In Russ.)
  13. Rakhilina, E.V., Su Hen Li. *O kategorii leksicheskoy mnozhestvennosti* [On the Category of Lexical Multiplicity]. *Lingvistika konstruksij* [Linguistics of Constructions. E.V. Rakhilina (ed.)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. (In Russ.)
  14. *NKRYa. Natsionalnyj korpus russkogo jazyka* [Russian National Corpus]. <https://ruscorpora.ru/new/>

*Дата поступления материала в редакцию: 26 сентября 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 5 октября 2021 г.
Статья принята к публикации: 15 октября 2021 г.
Дата публикации: 31 декабря 2021 г.*

*Received by Editor on September 26, 2021
Revised on October 5, 2021
Accepted on October 15, 2021
Date of publication: December 31, 2021*

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017815-9

Показатели смыслов слов, употребленных в тексте

© 2021 г. М. Ю. Федосюк

Доктор филологических наук,
профессор Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13
m.fedosyuk@yandex.ru

© 2021 г. Чжан Сяо

Аспирант Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13
894595981@qq.com

Резюме. В статье описываются механизмы, с помощью которых в сознании получателей текстов способны формироваться более или менее полные представления о содержании встретившихся в текстах незнакомых этим получателям слов — так называемых агнонимов. Показано, что лексические значения слов, употребленных в речи, необязательно должны быть известны носителям языка априори или предполагать непременно обращение к толковым словарям. Эти значения могут выводиться в процессе восприятия текстов на основании хранящейся в памяти носителей языка совокупности фрагментов ранее воспринятых ими текстов, или “языкового материала” в терминологии Л.В. Щербы. Сталкиваясь с агнонимами, получатель подсознательно с большей или меньшей степенью полноты расшифровывает содержание каждого из агнонимов, опираясь на целый ряд языковых средств, которые в статье предлагается именовать показателями смыслов слов, употребленных в тексте. В число таких показателей входят частеречная принадлежность слов, их отнесенность к тем или иным лексико-семантическим разрядам, а также некоторые другие морфологические признаки, смысловое содержание синтаксических связей между словами в предложении, значения входящих в состав агнонимов корней и словообразовательных аффиксов и, наконец, содержание микро- и макроконтекста. Аналогичным образом протекает процесс определения лексических значений слов и фразеологизмов при составлении толковых словарей. Анализируя собранные примеры употребления лексических единиц и опираясь на только что перечисленные морфологические, синтаксические, словообразовательные и контекстные показатели смыслов слов, лексикографы формулируют определения их лексических значений.

Ключевые слова: агнонимы, лексические значения, смыслы, языковой материал, морфологические значения, синтаксические связи, словообразовательные значения, микроконтекст, макроконтекст, лексикография.

Для цитирования: Федосюк М.Ю., Чжан Сяо. Показатели смыслов слов, употребленных в тексте // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 79–88. DOI: 10.31857/S241377150017815-9

Indicators of Meanings of Unknown Words Used in a Text

© 2021 Mikhail Yu. Fedosyuk

Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the M.V. Lomonosov Moscow State University,
1–13, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
m.fedosyuk@yandex.ru

© 2021 Zhang Xiao

Postgraduate student at the M.V. Lomonosov Moscow State University,
1–13, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
894595981@qq.com

Abstract. The article describes the mechanisms by which more or less complete ideas about the content of words unknown to the recipients of a text can be formed in their minds. It is shown that the lexical meanings of words used in speech do not necessarily have to be known to the recipients *a priori* or require reference to defining dictionaries. These meanings might be deduced in the process of perceiving texts on the basis of a set of fragments of previously perceived texts stored in the memory of recipients, or “linguistic material” in the terminology of Lev Scherba. When faced with unknown words, the recipient subconsciously deciphers the content of each word with a greater or lesser degree of completeness, relying on a number of linguistic means, which are proposed to be called indicators of the meanings of words used in a text. These indicators include the part-of-speech belonging of words, their attribution to certain lexico-semantic categories, as well as some other morphological features, the content of syntactic bonds between words in a sentence, the meanings of the roots and derivational affixes of the words, and, finally, the micro-context and macro-context. The process of determining the lexical meanings of words and phraseological units in the compilation of defining dictionaries proceeds in a similar way. Analyzing the collected examples of the use of lexical units and relying on the just listed morphological, syntactic, derivational and contextual indicators of the meanings of words used in a text, lexicographers formulate definitions of their lexical meanings.

Key words: unknown words, lexical meanings, contextual meanings, linguistic material, morphological meanings, syntactic bonds, word-formation meanings, micro-context, macro-context, lexicography.

For citation: Fedosyuk, M.Yu., Zhang Xiao. *Pokazateli smyslov slov, upotreblennykh v tekste* [Indicators of Meanings of Unknown Words Used in a Text]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 6, pp. 79–88. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017815-9

1. К постановке проблемы

Едва ли требует доказательств тот факт, что, воспринимая устные или письменные тексты даже на родном языке, любой человек нередко сталкивается с агноними — словами и фразеологизмами, содержание которых ему частично или полностью непонятно. Наличие в тексте агнонимов далеко не всегда влечет за собой необходимость обращения получателей текстов к словарям. Дело в том, что во многих случаях смыслы агнонимов могут быть с большей или меньшей степенью полноты поняты и без словарей под влиянием формы этих слов и контекста, в котором они употреблены. Целью настоящей статьи является описание механизмов, при помощи которых в сознании получателей устных или письменных текстов могут формироваться более или менее полные представления о содержании встретившихся им в текстах агнонимов.

Понятие “агноним” было введено в научный оборот А.В. Морковкиной [1]. Позднее А.В. Морковкина и В.В. Морковкин выпустили монографию, посвященную проблемам агнонимии [2]. “Агнонимы [от греч. ἀ — ‘не’, γνώσις — ‘знание’ и ὄνομα, ὄνυμα — ‘имя’], — читаем мы в этой монографии, — это совмещенная единица лексической системы, представляющая собой совокупность лексических и фразеологических единиц родного языка, которые неизвестны, непонятны или малопонятны многим его носителям (ср. *обабок* — ‘подберезовик’, *обвалка* — ‘отделение мяса от костей’, *обезьяний мех* — ‘мех нутрии с выщипанной остью’, *обечайка* — ‘боковая часть музыкального инструмента’, *не обинуясь* — ‘без колебаний’ и т.д. и т.п.)” [2, с. 86]. Признавая высокую ценность введенного в науку понятия “агнонимы”, мы, к сожалению, не можем согласиться с квалификацией агнонимов как единиц лексической системы

языка. Представляется, что точнее было бы квалифицировать агнонимы как единицы лексикона отдельных языковых личностей. Если же считать агнонимы единицами лексической системы, то, с одной стороны, не очень понятно, как определить то количество не знающих данное слово “многих носителей языка”, которое позволит считать это слово агнонимом. А с другой стороны, не может не возникнуть вопрос о том, чем, если не агнонимом для какого-либо одного человека, является, предположим, слово *идиома* в случае его неизвестности именно этому человеку.

В результате своей гносеологической важности термин *агноним* стал активно употребляться в лингвистических исследованиях, однако из-за только что отмеченной недостаточной ясности его содержания разные исследователи понимают этот термин по-разному. В работах Я. Вавжинчика и его соавторов так называемые *словарные агнонимы* выступают как единицы языка. Этот термин используется Я. Вавжинчиком для обозначения слов, “выступающих в предложениях, почерпнутых из речевой практики россиян, но по той или иной причине не попавших в общие толковые или, иногда, и в специальные словари (словари новых слов и значений, словари лексических инноваций, словари заимствований, словари ксенизмов и т.п.)” [3, с. 5]. Однако для большинства лингвистов агнонимы – это все-таки единицы не языка, а либо лексикона языковой личности, либо текстов. Специалисты по психолингвистике ставят эксперименты по восприятию значений агнонимов, для того чтобы изучить организацию языкового сознания человека [4]; [5]; [6]; [7]; [8]. В работах, затрагивающих вопросы культуры речи, агнонимы изучаются как компоненты лексикона языковой личности, способные стать источником коммуникативных неудач [9]; [10]; [11]. Наконец, исследователи процесса речевой коммуникации анализируют функции агнонимов как компонентов текстов, принадлежащих к разным стилям и жанрам [12]; [13]; [14].

Поскольку тематика работ последней из упомянутых групп ближе всего к рассматриваемой в нашей статье проблеме, остановимся на одном из этих исследований немного более подробно. Выделяя среди функций, выполняемых употребленными в тексте агнонимами, поэтическую функцию, Б.Ю. Норман обращается к строчкам популярной в России песни: “Славное море, священный Байкал, / Славный корабль, омулевая бочка, / Эй, баргузин, пошевеливай вал, / Молодцу плыть недалечко...”. «Люди, которые поют эту песню, – пишет ученый, – чаще всего не знают,

кто такой или что такое *баргузин*, про какой *вал* здесь говорится, и плохо понимают, что такое *омулевая бочка*. Есть в песне и другие незнакомые слова. Но, несмотря на это, поющие улавливают общий смысл: ‘человек плывёт по морю’ (или по Байкалу? Или Байкал и есть “море”?), ему нужно доплыть до берега. Данный смысл конструируется на основании знакомых, известных слов – их тут значительно больше. А незнакомые, “неопределеннозначные” лексемы вынуждены так или иначе подстраиваться под формирующуюся общую смысловую картину» [13, с. 10].

Таким образом, несмотря на наличие агнонимов, общий смысл этого и других текстов, которые приводит в своей статье Б.Ю. Норман, адресату в основном понятен. Однако каким образом и из каких компонентов текста выводится этот смысл? Ниже мы попытаемся найти ответ на этот вопрос.

2. О показателях смыслов слов, употребленных в тексте

Механизм восприятия смыслов агнонимов удобно объяснить с опорой на концепцию Л.В. Щербы, который, в отличие от Ф. де Соссюра, противопоставлял не речевую деятельность, язык и речь, а “речевую деятельность”, “языковую систему” и “языковой материал”. При этом под “языковым материалом” Л.В. Щерба понимал “совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы”. На языке лингвистов это “тексты” (которые, к сожалению, обыкновенно бывают лишены вышеупомянутой обстановки); в представлении старого филолога это “литература, рукописи, книги” [15, с. 26]. Как писал Л.В. Щерба, “поскольку мы знаем из опыта, что говорящий совершенно не различает форм слов и сочетаний слов, никогда не слышанных им и употребляемых им впервые, от форм слов и сочетаний слов, им много раз употреблявшихся, постольку мы имеем полное право сказать, что вообще все формы слов и все сочетания слов нормально создаются нами в процессе речи в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента” [15, с. 25]. И далее: «<...> все языковые величины, с которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания, которые я называю в такой их функции “языковым материалом” (третий аспект языковых явлений)» [15, с. 26].

Если согласиться со всем сказанным, то придется признать, что лексические значения слов необязательно должны быть известны носителям языка априори — они могут выводиться в процессе восприятия текстов из хранящегося в памяти получателей текста “языкового материала”. Как представляется, с только что высказанной мыслью солидарен и Б.М. Гаспаров, который пишет: “<...> основу языкового умения составляют не абстрактные правила, с помощью которых можно было бы создавать различные построения из языкового материала, — но скорее сам этот материал как первичная данность, усваиваемый в конкретной форме и применительно к конкретным условиям употребления. Языковая память говорящего субъекта представляет собой грандиозный конгломерат, накапливаемый и развивающийся в течение всей его жизни. Она включает в себе в полусплавленном, ассоциативно подвижном, текучем состоянии гигантский запас коммуникативно заряженных частиц языковой ткани разного объема, фактуры, разной степени отчетливости и законченности <...>” [16, с. 104].

Между прочим, одним из подтверждений сказанного может служить неумение рядовых носителей языка формулировать лексические значения слов в том виде, в каком эти значения приведены в толковых словарях. К примеру, на вопрос о том, какие значения имеет русское слово *корпус*, любой нефилолог едва ли даст ответ: “Слово *корпус* может означать, во-первых, ‘одно из нескольких зданий, расположенных на общем участке’, во-вторых, ‘основа, остов или оболочка механизмов, приборов, аппаратов’ и, в-третьих, ‘совокупность лиц одного официального положения’”. Скорее, в ответе прозвучат не словарные дефиниции, а словосочетания, извлеченные из индивидуальной памяти носителя языка, например: “Слово *корпус* — это может быть *корпус общежития*, может — *корпус самолета*, а может — *дипломатический корпус*”.

Итак, сталкиваясь в процессе восприятия текста с агнонимами, получатель подсознательно, в той степени, в какой это возможно, расшифровывает содержание каждого из агнонимов, опираясь на целый ряд использованных в тексте языковых средств, которые мы условимся именовать показателями смыслов слов, употребленных в тексте.

Попытаемся охарактеризовать основные типы таких показателей путем анализа известной фразы Л.В. Щербы *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка*. Поскольку эта фраза не содержит русских корневых морфем, но в то

же время построена по законам русской грамматики, с ее помощью Щерба демонстрировал, что то содержание, которое в ней понятно, представляет собой совокупность грамматических значений [17, с. 321–329] (сделаем оговорку, что в современной лингвистике некоторые из рассмотренных Л.В. Щербой значений нередко считаются не грамматическими, а словообразовательными значениями). Очевидно, что тот смысл рассматриваемой нами фразы, который понятен носителям русского языка, можно сформулировать так: ‘Некий предмет, обладающий каким-то качеством, определенным образом однократно воздействовал на некое живое существо и длительно воздействует на детеныша этого существа’.

Анализируя пример Л.В. Щербы, но уже применительно к нашим задачам, мы можем утверждать следующее: тот факт, что все слова из фразы Л.В. Щербы, за исключением союза *и*, носителям русского языка малопонятны, позволяет нам считать данные слова агнонимами для всех носителей языка. А из того обстоятельства, что форма этих слов и контекст их употребления всё же дают получателям возможность частично воспринимать их смыслы, вытекает, что показателями смыслов агнонимов способны служить грамматические и словообразовательные признаки этих слов, а также контекст. К сказанному необходимо добавить, что при восприятии смысла любого агнонима получатель может выводить этот смысл не только из одного, но и из сочетания одновременно нескольких разных показателей.

Помимо фразы Л.В. Щербы как источник примеров мы будем использовать текст сказки Л. Петрушевской “Пуськи бятые” [18]. Эта сказка, как и целый ряд других сказок писательницы, написана по образцу фразы Л.В. Щербы. С точки зрения задач нашей статьи она выгодно отличается от фразы о глокой куздре тем, что представляет собой не отдельное предложение, а целый текст. Разумеется, ниже речь пойдет лишь об отдельных фрагментах этой сказки: анализ полного ее текста в наши задачи не входит.

Перечислим показатели смыслов агнонимов в порядке, соответствующем той последовательности, в какой они попадают в поле зрения получателя текста.

(1) Прежде всего в поле зрения получателя оказываются морфологические показатели смыслов агнонимов — так мы условимся называть референциальные (в другой терминологии несинтаксические) морфологические значения, т.е. значения словоформ, “отражающие свойства предметов и явлений внеязыковой

действительности”, а не “связь словоформ в составе словосочетаний и предложений” [19, с. 122]; ср. [20, с. 124]. В число морфологических показателей смыслов агнонимов входят частеречная принадлежность слов, их отнесенность к тем или иным лексико-семантическим разрядам, значения числа и иногда рода существительных, время, вид и наклонение глагола и т.п. Так, при восприятии фразы Л.В. Щербы лексема *куздра* вызывает в языковой памяти получателя (или, как сказал бы Л.В. Щерба, в памяти о “языковом материале”) ассоциацию с такими существительными, как *кобра*, *зебра*, *швабра* или *фибра*, и потому воспринимается как обозначение предмета. Словоформа *глокая* ассоциируется со словоформами типа *строгая*, *тихая*, *высокая* или *одинокая* и, следовательно, может быть осмыслена как качественное прилагательное, т.е. как обозначение признака предмета, причем обозначение непосредственное, а не через отношение к другим предметам, как в случае относительных прилагательных. Слово *бокрёнок* вызывает ассоциацию со словами *котёнок*, *козлёнок*, *орлёнок* или *совёнок*. В то же время, имея такую форму винительного падежа, которая совпадает не с именительным, а с родительным падежом, это слово не может быть мысленно поставлено в тот же ряд, что и похожие по структуре слова *маслёнок*, *опёнок* или *бочонок*, а потому осознается не просто как существительное, а как одушевленное существительное, т.е. как обозначение не любого предмета, а только живого существа. На основе сходных мыслительных процедур словоформа *курдючит* воспринимается как глагол несовершенного вида в форме настоящего времени и потому понимается как обозначение действия, совершаемого в момент речи, и т.д.

К сказанному следует добавить, что некоторые из описанных выше содержательных признаков слов из примера Л.В. Щербы продиктованы не только морфологическими показателями, которые мы в данном случае рассматриваем, но еще и синтаксическими показателями, о которых речь пойдет ниже. Так, словоформа *глокая* воспринимается носителями языка как прилагательное не только из-за своего внешнего сходства с другими прилагательными, но еще и потому, что она синтаксически согласована со словом *куздра*. При рассмотрении вне контекста слово *глокая* можно было бы квалифицировать иначе, например, как существительное (ср. *статуя*, *линия*, *студия*, *лилия*) или как деепричастие (ср. *окая*, *чмокая*, *цокая*, *икая*). Аналогичным образом вне контекста словоформу *бокрёнка* можно было бы воспринимать и как существительное в форме

не винительного, а именительного падежа (ср. *сестрёнка*, *маслёнка*, *печёнка*, *сгущёнка*).

Учитывая сказанное, наиболее “чистыми” примерами морфологических показателей могут служить агнонимы, используемые в заглавиях текстов. Дело в том, что они лишены предшествующего контекста, а последующий контекст в момент восприятия заглавий еще неизвестен читателю. В большинстве случаев, приступая к чтению, получатель способен определить только те компоненты содержания этих названий, которые вытекают из морфологических показателей, хотя позднее, благодаря текстам, которые следуют после названий, смыслы названий-агнонимов в сознании получателей уточняются.

Рассмотрим в качестве примера название сказки Л. Петрушевской “Пуськи бятые”. Прочитав это название, но еще не обратившись к полному тексту сказки, читатель может определить, что данное название по своей структуре аналогично словосочетаниям *вилки мытые* или, скажем, *карты битые* и потому, вероятно, обозначает несколько предметов, обладающих неким признаком, обусловленным произведенным над ними действием. Уместно вспомнить также агнонимические названия таких литературных произведений, как роман Т. Толстой “Кысь” или рассказы В. Пелевина “Мардонги” и “Ухряб” — их морфологические признаки свидетельствуют о том, что все эти названия обозначают предметы.

(2) Далее в поле зрения получателя текста попадают синтаксические показатели смыслов агнонимов. К их числу следует отнести реляционные (в другой терминологии синтаксические) морфологические значения, т.е. значения словоформ, “указывающие на связь словоформ в составе словосочетаний и предложений” [19, с. 122]; ср. [20, с. 124]. Это такие, например, значения, как род, число и падеж прилагательных, служащие показателем синтаксической связи “согласование”, или падеж существительного, указывающий на связь “управление”. Выше уже говорилось, что восприятие словоформы *глокая* как прилагательного в форме женского рода, единственного числа и именительного падежа заставляет интерпретировать эту словоформу как согласованное определение при слове *куздра* и потому воспринимать как обозначение какого-то признака. Было сказано и о том, что восприятие словоформы *бокрёнка* как формы единственного числа и винительного падежа существительного вызывает предположение, что слово *бокрёнок* принадлежит к числу одушевленных существительных и, следовательно, скорее всего, обозначает

живое существо. К этому можно добавить, что контактное расположение слов *штеко* и *будланула* служит синтаксическим показателем того, что слово *штеко*, по-видимому, является наречием, т.е. обозначает признак действия.

Что касается сказки “Пуськи бятые”, то она начинается со слов: “Сяпала Калуша с калушатами по напушке и увазила Бутявку, и волит: / — Калушата, калушаточки, Бутявка!”¹. К числу синтаксических показателей смыслов агнонимов здесь можно отнести словосочетание *сяпала по напушке*, построенное на основе связи “управление” между глаголом *сяпала* и предложно-падежной формой существительного *по напушке*. Языковая память подсказывает носителю русского языка, что сочетание предлога *по* с дательным падежом существительного достаточно часто обозначает место движения по какой-либо поверхности (*Ехать по улице. По лицу струится пот*), что позволяет увидеть в слове *сяпала* смысл ‘передвигалась’.

(3) Затем получатель текста, скорее всего, обратит внимание на словообразовательные показатели смыслов агнонимов. Так мы будем именовать значения входящих в состав агнонимов корней и словообразовательных аффиксов. Очевидно, что содержание этих морфем, формирующее внутреннюю форму слова, может нести информацию об отдельных компонентах смыслов агнонимов. Примером словообразовательных показателей смыслов слов в примере Л.В. Щербы может служить суффикс *-ну-* в словоформе *будланула*. То обстоятельство, что данный агноним вызывает в языковой памяти получателя ассоциацию с понятными ему словоформами с суффиксом *-ну-* (*махнула, толкнула, хлебнула* и др.), дает основание считать, что глагол *будланула* обозначает завершённое однократное действие в прошлом. Другим примером может служить суффикс *-ёнк-* в словоформе *бокрёнка*. Агноним *бокрёнок*, как уже было отмечено по другому поводу, ассоциируется со словами типа *котёнок, козлёнок, орлёнок*, что позволяет предположить, что *бокрёнок* — это ‘детеныш бокра’.

В примере из сказки Петрушевской примерами словообразовательных показателей смыслов слов могут служить словоформы *увазила, калушата* и *калушаточки*. То обстоятельство, что многие глаголы с приставкой *у-* означают ‘совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом’ [21, с. 372], обуславливает восприятие словоформы *увазила* как обозначения

действия, завершённого в прошлом. Наличие суффикса *-ат-* в словоформах *калушата* и *калушаточки* позволяет воспринимать эти слова как обозначение детенышей Калуши, а использование суффикса *-очк-* в словоформе *калушаточки* позволяет увидеть в этом слове уменьшительно-ласкательное значение.

(4) Далее получатель сталкивается с контекстными показателями смыслов агнонимов. Напомним, что под контекстом обычно понимается то окружение какой-либо языковой единицы, которое проливает свет на ее семантику. Вслед за Г.В. Колшанским мы будем различать микро- и макроконтэксты. Микроконтэксты — это контэксты, ограниченные рамками предложений, в них все компоненты связаны в основном грамматически. Что же касается макроконтэкстов, то они представляют собой контэксты, выходящие за пределы предложений и связанные с рассматриваемой языковой единицей семантически [22, с. 45]. Заметим, что при всем удобстве предлагаемого разграничения четкую границу между микро- и макроконтэкстами удастся провести не всегда. Это обусловлено тем, что часто одна и та же информация может быть передана несколькими разными синтаксическими способами, например, при помощи простого предложения и при помощи простого предложения и его парцеллята, при помощи сложносочиненного предложения и посредством сочетания из двух самостоятельных предложений.

(4.1) Для того чтобы проиллюстрировать механизм действия микроконтэкстных показателей, снова рассмотрим первое предложение из сказки Петрушевской “Пуськи бятые”: “Сяпала Калуша с калушатами по напушке и увазила Бутявку, и волит: / — Калушата, калушаточки, Бутявка!”.

Наличие при глаголе *волит* конструкции прямой речи дает основания для восприятия этого слова как обозначения не просто действия, а именно процесса сообщения о чем-то. Однако если *волить* — это что-то вроде ‘говорить, кричать, сообщать’, то, по-видимому, данный глагол обозначает процесс сообщения о результате упомянутого в предшествующем микроконтэксте действия. Но тогда смысл словосочетания *увазила Бутявку* с большой вероятностью следует воспринимать уже не просто как ‘действие, непосредственно направленное на предмет’, а как ‘результат восприятия некоего предмета’.

(4.2) В качестве примера макроконтэкстных показателей смыслов агнонимов рассмотрим другой фрагмент из сказки Петрушевской:

¹ Здесь и в последующих примерах из текстов знак / обозначает абзацный отступ.

“Калушата присяпали и Бутявку стрямкали. / И подудонились. / А Калуша волит: / – Оее! Оее! Бутявка-то некузявая! / Калушата Бутявку вычучили”.

Вне последующего макроконтраста словосочетание *Бутявку стрямкали* может быть понято как ‘действие, направленное непосредственно на предмет’ (ср. *бутявку заметили / подобрали / выбросили / раздавили* и т.п.). Однако в последующем контексте речь идет о том, что после упомянутого действия калушата *подудонились*. Благодаря словообразовательным показателям глагол *подудонились* ассоциируется с такими возвратными глаголами совершенного вида, как *удивились, испачкались, обожглись, отравились*, поэтому данный глагол воспринимается как обозначение состояния калушат, наступившее в результате того, что Бутявка была ими стрямкана. А информацию о том, в чем именно состояло это состояние, несет уже дальнейший макроконтраст: *Калушата Бутявку вычучили*. Глагол *вычучили* ассоциируется с такими глаголами со значением удаления, как *выбросили, выкинули* или *выплюнули*. Но тогда становится понятным, что словосочетание *Калушата подудонились* обозначает не просто состояние калушат, наступившее после того, как они *стрямкали Бутявку*, а такое состояние, которое нанесло им вред.

Как видим, опора на морфологические, синтаксические и контекстные показатели смыслов агнонимов помогает получателям в той или иной степени приблизиться к пониманию их содержания. Разумеется, такое приближение происходит не только при чтении экспериментальных текстов типа фразы Л.В. Щербы, но и при восприятии различных текстов, которые содержат архаизмы, историзмы, диалектизмы, жаргонизмы, окказионизмы или неологизмы.

3. Показатели смыслов слов, употребленных в тексте, и проблемы лексикографии

Представляется, что наблюдения над показателями смыслов слов, употребленных в текстах, представляют интерес не только для анализа содержания агнонимов, но и для общей теории лексикографии. Если руководствоваться концепцией Л.В. Щербы, то определение языковых значений любых слов должно базироваться на анализе оптимального количества примеров употребления этих слов или, иными словами, на анализе достаточного по объему “языкового материала”. Как писал Л.В. Щерба, “значения слов эмпирически выводятся из языкового материала <...> Но в живых языках этот материал может быть множим без конца, и в идеале значения определяются

с абсолютной достоверностью; в мертвых же языках он ограничен наличной традицией” [15, с. 286]. А вот другая цитата: “Все сказанное целиком объясняет практическое требование к составителям словарей: не мудруй лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров” [15, с. 285].

Итак, формулируя лексическое значение какого-либо слова, лексикограф должен располагать достаточным количеством разнообразных примеров его употребления и, абстрагируясь от тех частных речевых смыслов, которые данное слово выражает в каждом отдельном примере, выводить инвариантные языковые значения рассматриваемого слова. Очевидно при этом, что опорой для объективного определения речевых смыслов и могут служить перечисленные в предыдущем разделе показатели смыслов слов, употребленных в текстах.

Представляется, что при определении лексических значений слов лингвист может столкнуться с двумя основными проблемами. Первая из них — это недостаток языкового материала, а вторая, как это ни странно, его избыток.

Иллюстрируя первую из упомянутых проблем, сопоставим толкования слова *облучок* в словаре В.И. Даля и в словаре Д.Н. Ушакова:

ОБЛУКЪ, ОБЛУЧЁКЪ. Грядки на телегахъ, повозкахъ и саняхъ, боковой край ящика, кузова. *Сидеть на облукъ, на облучкъ*, бокомъ, свѣсивъ ноги [23, т. 2, с. 597].

ОБЛУЧОК. То же, что козлы в 1 знач. *Ямщик сидит на облучке* [24, т. 2, стлб. 661]. Слово *козлы* в 1 значении в словаре Ушакова, в свою очередь, истолковано как ‘Передок экипажа, на к-ром сидит кучер’ [24, т. 1, стлб. 1394].

Зададимся вопросом: что же такое *облучок* — ‘боковой край кузова телег, повозок и саней’, как об этом сказано в словаре Даля, или ‘козлы, на которых сидит кучер’, что вытекает из толкований словаря Д.Н. Ушакова? Представляется естественным отдать предпочтение дефиниции В.И. Даля, поскольку языковой материал, на основе которого он составлял свой словарь, включал не только письменные тексты, но еще и память о живых употреблениях слова *облучок* в современной Даля устной речи. В XX в., когда велась работа над словарем Д.Н. Ушакова, слово *облучок* стало историзмом, и в том языковом материале, который использовал коллектив составителей этого словаря, по-видимому, не встретилось таких текстов, которые бы свидетельствовали о несовпадении значений слов *облучок* и *козлы*. Критикуя толкование Д.Н. Ушакова, В.Я. Дерягин, а позднее И.Г. Добродомов и И.А. Пильшиков проанализировали дополнительный языковой материал

и убедительно доказали неточность толкования Д.Н. Ушакова [25]; [26, с. 125–132]. Добавим, что начиная с 1989 г. все переиздания толкового словаря С.И. Ожегова (с 1992 г. это словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой) содержат уточненное по сравнению со словарем Д.Н. Ушакова толкование слова *облучок*: “Толстая деревянная скрепа, идущая по краям телеги, повозки или огибающая верхнюю часть саней” [27, с. 422].

Переходя к вопросу о нежелательной избыточности языкового материала, напомним, что Л.В. Щерба призывал лексикографов не использовать в толкованиях слов специальной энциклопедической информации, которая не соответствует знаниям рядовых носителей языка. Он писал: “В ботанике разные растения определяются по установленной системе (то же относится и к зоологии, и к минералогии, и к другим отделам природы). В быту, а следовательно — и в литературном языке они определяются совершенно иначе, и зачастую очень трудно отыскать те признаки, которые заставляют нас узнать то или другое растение. Я не говорю уже о тех случаях, когда про тот или другой предмет приходится говорить, что это ‘род кустарника’ или что это ‘один из видов небольших лесных птиц’ и т.п. Во всяком случае нужно помнить, что нет никаких оснований навязывать общему языку понятия, которые ему вовсе не свойственны и которые — главное и решающее — не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения” [15, с. 280–281].

Очевидно, что случаи навязывания лексическим значениям слов чуждых им признаков бывают обусловлены главным образом использованием в качестве языкового материала дефиниций научных понятий, почерпнутых из энциклопедий и справочников, т.е. излишнего языкового материала, которого нет в памяти рядовых носителей языка. Несмотря на то что только что процитированная рекомендация Л.В. Щербы была высказана им еще в 1940 году, толковые словари середины XX века далеко не всегда ей следовали. Вот, например, как были сформулированы определения слов *яблоня*, *груша* и *айва* в Малом академическом словаре:

ЯБЛОНЯ <...> Плодовое дерево сем. розоцветных [28, т. 4, с. 777].

ГРУША <...> 1. Плодовое дерево сем. розоцветных [28, т. 1, с. 353].

АЙВА <...> 1. Южное плодовое дерево сем. розоцветных [28, т. 1, с. 27].

В словарях русского языка более поздних лет издания только что перечисленные слова получают более информативные толкования, хотя бесполезное для

большинства носителей языка упоминание термина *семейство розоцветных* в них почему-то сохранено, ср.:

ЯБЛОНЯ <...> Фруктовое дерево сем. розоцветных с шаровидными сладкими или кисло-сладкими плодами [27, с. 903].

ГРУША <...> 1. Фруктовое дерево сем. розоцветных с округлыми удлинёнными и расширяющимися книзу плодами, а также плод этого дерева [27, с. 144].

АЙВА <...> Южное дерево сем. розоцветных с твёрдыми ароматными плодами, похожими по форме на яблоко или грушу, а также плод его [27, с. 17–18].

4. Заключение

Подведем итоги. Как мы попытались показать, воспринимая смыслы слов и фразеологизмов, употребленных в тексте, получатель опирается не на свою память о языковых значениях этих единиц, а на “языковой материал” — этим термином Л.В. Щерба обозначал хранящийся в памяти носителей языка большой массив ранее услышанных или произнесенных ими фрагментов речи. Опора на “языковой материал” во многих случаях позволяет получателям текстов без обращения к толковым словарям с большей или меньшей степенью детальности приходиться к выводам о содержании незнакомых им слов и фразеологизмов — так называемых агнонимов. Сталкиваясь с агнонимами, получатель подсознательно, в той степени, в какой это возможно, расшифровывает содержание каждого из них, опираясь на целый ряд использованных в тексте языковых средств — так называемых показателей смыслов слов. Среди показателей смыслов слов представляется целесообразным различать морфологические, синтаксические, словообразовательные, микро- и макроконтесные показатели.

Аналогичным образом на основании анализа языкового материала происходит определение лексических значений языковых единиц и при составлении толковых словарей. Понимание механизма выведения смыслов слов, употребленных в тексте, представляется важным не только в чисто теоретическом аспекте, но и для практики преподавания родного и иностранных языков, а также для совершенствования навыков продукции и рецепции речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Морковкина А.В. Русские агнонимы в теоретическом и прикладном рассмотрении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
2. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы: (слова, которые мы не знаем). М., 1997.
3. Словарные агнонимы русского языка / Под ред. Я. Вавжинчика. Вып. 1. Warszawa, 2007.

4. Гончарова Е.А. Динамические процессы в лексиконе языковой личности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009.
5. Зайцева Е.А. Степени освоенности слов носителями языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005.
6. Сазонова Т.Ю. Психолингвистическое исследование процессов идентификации слова: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1993.
7. Ткаченко Н.М. Исследование стратегий идентификации значения псевдослова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2007.
8. Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2000.
9. Мандрикова Г.М. Русская лексическая система в теоретическом и прикладном рассмотрении: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011.
10. Черняк В.Д. Агномимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач // Русский язык сегодня. Вып. 2. М.: Азбуковник, 2003. С. 295–304.
11. Черняк В.Д. “Зоны риска” в лексиконе языковой личности: К основаниям коммуникативных неудач // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер. Гуманитарные науки (филология). 2005. Вып. 3 (47). С. 96–100.
12. Норман Б.Ю. Значение слова и смысл предложения: Семантический компромисс в ходе восприятия текста // Wyraz i zdanie w językach słowiańskich 4: Opis, konfrontacja, przekład / Pod red. I. Łuczaków i J. Sokołowskiego. Wrocław, 2004. S. 203–209.
13. Норман Б.Ю. Коммуникация без понимания // Уральский филологический вестник. Сер. Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. 2014. № 1. С. 4–14.
14. Чо Джейси. Состав и функционирование неологизмов в языке газеты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
15. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Под ред. Л.Р. Зиндера и М.И. Матусевич. Л.: Наука, 1974.
16. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
17. Успенский Л.В. Слово о словах. Ты и твоё имя. Л.: Лениздат, 1962.
18. Петрушевская Л.С. Дикие животные сказки. Морские помойные рассказы. Пуськи бятые. СПб.: Амфора, 2008.
19. Лопатин В.В. Грамматическое значение // Русский язык: Энциклопедия / Под общ. ред. А.М. Молдована. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020.
20. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: ЛЕНАНД, 2016.
21. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука, 1980.
22. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980.
23. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. В 4-х т. М.: Русский язык, 1978–1980.
24. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4-х т. М.: Советская энциклопедия, 1935–1940.
25. Дерягин В.Я. “Облучок” и “козлы” // Лексикографический сборник. Вып. 5 / Гл. ред. С.Г. Бархударов. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1962. С. 173–174.
26. Добродомов И.Г., Пильщиков И.А. Лексика и фразеология “Евгения Онегина”: Герменевтические очерки. М.: Языки славянских культур, 2008.
27. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995.
28. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. В 4-х т. М.: Русский язык, 1981–1984.

REFERENCES

1. Morkovkina, A.V. *Russkie agnonimy v teoreticheskom i prikladnom rassmotrenii: Avto-ref. dis. kand. filol. nauk* [Russian Agnonyms in Theoretical and Applied Consideration. Abstract of Ph.D. Thesis in Philology]. Moscow, 1993. (In Russ.)
2. Morkovkin, V.V., Morkovkina, A.V. *Russkie agnonimy: (slova, kotorye my ne znam)* [Russian Agnonyms: (Words that We do not Know)]. Moscow, 1997. (In Russ.)
3. *Slovarnye agnonimy russkogo jazyka* [Dictionary Agnonyms of the Russian Language]. Wawrzyńczyk, J. (Ed.). Issue 1. Warszawa, 2007. (In Russ.)
4. Goncharova, E.A. *Dinamicheskie processy v leksikone jazykovej lichnosti* [Dynamic Processes in the Vocabulary of a Linguistic Personality. Abstract of Ph.D. Thesis in Philology]. Novosibirsk, 2009. (In Russ.)
5. Zajceva, E.A. *Stepeni osvoennosti slov nositeljami jazyka* [Degrees of Word Acquisition by Native Speakers. Abstract of Ph.D. Thesis in Philology]. Tver, 2005. (In Russ.)
6. Sazonova, T.Ju. *Psiholingvisticheskoe issledovanie processov identifikacii slova* [Psycholinguistic Study of Word Identification Processes. Abstract of Ph.D. Thesis in Philology]. Moscow, 1993. (In Russ.)
7. Tkachenko, N.M. *Issledovanie strategij identifikacii znachenija psevdoslova* [Investigation of Strategies for Identifying the Meaning of a Pseudoword. Ph.D. Thesis in Philology]. Izhevsk, 2007. (In Russ.)

8. Togoëva, S.I. *Psicholingvističeskie problemy neologii* [Psycholinguistic Problems of Neology. Abstract of Ph.D. Thesis in Philology]. Voronezh, 2000. (In Russ.)
9. Mandrikova, G.M. *Russkaja leksičeskaja sistema v teoreticheskom i prikladnom rassmotrenii* [Russian Lexical System in Theoretical and Applied Consideration. Abstract of Ph.D. Thesis in Philology]. Moscow, 2011. (In Russ.)
10. Chernyak, V.D. *Agnonimy v leksikone jazykovoj lichnosti kak istočnik komunikativnyh neudach* [Agnonyms in the Lexicon of a Linguistic Personality as a Source of Communicative Failures] *Russkij jazyk segodnja* [Russian language today]. Issue 2. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003, pp. 295–304. (In Russ.)
11. Chernyak, V.D. “Zony riska” v leksikone jazykovoj lichnosti: K osnovanijam komunikativnyh neudach [“Risk Areas” in the Lexicon of a Linguistic Personality: Towards the Basis of Communication Failures] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki (filologija)* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. Ser.: Humanities (philology)], 2005, Issue 3 (47), pp. 96–100. (In Russ.)
12. Norman, B.Ju. *Znachenie slova i smysl predloženija: Semantičeskij kompromiss v hode vosprijatija teksta* [Meaning of a Word and the Meaning of a Sentence: Semantic Compromise in the Course of Perceiving a Text]. *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich 4: Opis, konfrontacja, przekład*. Łuczaków, I., Sokołowski, J. (Ed.). Wrocław, 2004, pp. 203–209. (In Russ.)
13. Norman, B.Ju. *Kommunikacija bez ponimania* [Communication Without Understanding]. *Uralskij filologičeskij vestnik. Serija: Jazyk. Sistema. Lichnost'. Lingvistika kreativa* [Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality. Linguistics of Creativity]. 2014. No. 1, pp. 4–14. (In Russ.)
14. Cho, Jacee. *Sostav i funkcionirovanie neologizmov v jazyke gazety* [Composition and Functioning of Neologisms in the Language of a Newspaper. Abstract of Ph. D. Thesis in Philology]. Moscow, 2004. (In Russ.)
15. Scherba, L.V. *Jazykovaja sistema i rečevaja dejatel'nost'* [The Language System and Speech Activity]. Zinder, L.R., Matusevich, M.I. (Eds.). Leningrad, Nauka Publ., 1974. (In Russ.)
16. Gasparov, B.M. *Jazyk, pamjat, obraz: Lingvistika jazykovogo sushhestvovanija* [Language, Memory, Image: Linguistics of Linguistic Existence]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 1996. (In Russ.)
17. Uspensky, L.V. *Slovo o slovah. Ty i tvoe imja* [A Word about Words. You and Your Name]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1962. (In Russ.)
18. Petrushevskaya, L.S. *Dikie životnye skazki. Morskie pomojnye rasskazy. Pusjki bjatye* [Wild Animal Tales. Sea Garbage Stories. Pus'ki bjatye]. Sankt-Peterburg, Amfora Publ., 2008. (In Russ.)
19. Lopatin, V.V. *Grammatičeskoe znachenie* [Grammatical Meaning]. *Russkij jazyk: Enciklopedija* [Russian Language. Encyclopedia]. Moldovan, A.M. (Gen. Ed.). AST-PRESS ShKOLA Publ., 2020. (In Russ.)
20. Plungyan, V.A. *Obshhaja morfologija: Vvedenie v problematiku* [General Morphology: An Introduction to Problems]. Moscow, LENAND Publ., 2016. (In Russ.)
21. *Russkaja grammatika* [Russian Grammar]. Shvedova, N.Ju. (Gen. Ed.). Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1980. (In Russ.)
22. Kolshansky, G.V. *Kontekstnaja semantika* [Contextual Semantics]. Moscow, Nauka Publ., 1980. (In Russ.)
23. Dahl, V.I. *Tolkovyj slovar živogo velikoruskogo jazyka Vladimira Dalja*. [Defining Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. In 4 Vols. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1978–1980. (In Russ.)
24. *Tolkovyj slovar russkogo jazyka* [Defining Dictionary of the Russian Language]. Ushakov, D.N. (Gen. Ed.). In 4 Vols. Moscow, Sovetskaja enciklopedija (Publ.), 1935–1940. (In Russ.)
25. Deryagin, V.Ja. “Obluchok” i “kozly” [“Obluchok” and “kozly”]. *Leksikografičeskij sbornik* [Lexicographic collection]. Issue 5. Barhudarov, S.G. (Ed.). Moscow, Gosizdat inostrannyh i nacionalnyh slovarej Publ., 1962, pp. 173–174. (In Russ.)
26. Dobrodomov, I.G, Pilshhikov, I.A. *Leksika i frazeologija “Evgenija Onegina”* *Germenevitičeskie očerki*. [Vocabulary and Phraseology of “Eugene Onegin”. Hermeneutical Sketches]. Moscow, Jazyki slavjanskih kultur Publ., 2008. (In Russ.)
27. Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Ju. *Tolkovyj slovar russkogo jazyka* [Defining Dictionary of the Russian Language]. Moscow, M.: AZ Publ, 1995. (In Russ.)
28. *Slovar russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Evgenjeva, A.P. (Gen. Ed.). In 4 Vols. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1981–1984. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 17 октября 2021 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 октября 2021 г.
 Статья принята к публикации: 30 октября 2021 г.
 Дата публикации: 31 декабря 2021 г.

Received by Editor on October 17, 2021
 Revised on October 27, 2021
 Accepted on October 30, 2021
 Date of publication: December 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017816-0

Рифма в метрических системах Юго-Восточной Азии

© 2021 г. И. В. Саркисов

аспирант Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
vanya.sarkisov@gmail.com

Резюме. В статье рассматриваются структуры рифм в поэтических традициях Юго-Восточной Азии – бирманской, тайской, вьетнамской и тямской, которые, несмотря на своё богатое наследие и ряд интересных особенностей, являются малоизученными. Исследование проводилось на материале наиболее известных образцов этих традиций общим объёмом 240 строк в случае с бирманскими текстами и 185 строк в случае с тайскими. Результаты исследования показали, что в бирманском стихе отсутствует жёсткая структура рифмовок, но в то же время обязательное присутствие рифмы в расштанной бирманской силлабике является важной чертой, отличающей её от верлибра. Также был выявлен ранее не описанный бирманский размер с чередованием двух четырёхсложных и одной пятисложной строк, в котором преобладает концевая рифма, и было установлено, что в тайском размере *рай* рифмуются конечный слог одной строки с каким-либо (чаще вторым) слогом внутри последующей. Его схожесть с бирманским стихом позволяет выдвигать гипотезу о его бирманском происхождении.

Благодарность: Автор выражает признательность и благодарность К. Сенгджампе и П. Ваттане за помощь в переводе тайских текстов, Шве Зин Аунг за помощь в переводе бирманских текстов и кандидату исторических наук А.Е. Кириченко за помощь как в переводе бирманских текстов, так и во время работы над статьёй.

Ключевые слова: рифма, бирманская поэзия, тайская поэзия, языки Юго-Восточной Азии, силлабическая поэзия.

Для цитирования: Саркисов И.В. Рифма в метрических системах Юго-Восточной Азии // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 89–103. DOI: 10.31857/S241377150017816-0

Rhymes in Poetic Metrics of the Southeast Asia

© 2021 Ivan V. Sarkisov

Postgraduate at the National Research University
Higher School of Economics,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia
vanya.sarkisov@gmail.com

Abstract. This article examines rhyme in poetic traditions of Southeast Asia: Burmese, Thai, Vietnamese and Chamic, which have been studied not exhaustively. This research is based on the most famous examples of these poetic traditions. From the Burmese poetry, there are analyzed “Dhammata” by Anandhaturiya, “The song of the chastened” by U Poun Nya, fragments from “Maniket” by Padeythayaza, “Rama Yagan” by U Tou. As for the Thai tradition, it is represented here by fragments from “Lilit Phra Lo” by an anonymous author. In total, we consider 240 lines of Burmese texts and 140 of Thai. This study shows that in Burmese poetry the rhyme is never regulated by strict rules, which corresponds to the fact that the syllabic structure of Burmese metrics usually is not rigid. However, it might be classified as unrigid syllabic rather than unrhymed

(free verse). Also, of interest is a hitherto undescribed Burmese meter, where two 4-syllabic lines alternate with one 5-syllabic line, in which end-rhymes prevail. As for the Thai metrics, specifically in ‘*ray*’ meter, the last syllable of one line is usually rhymed with a middle (the 2nd or the 3rd) syllable of the next line, which is reminiscent of the main Burmese meter. In ‘*khlong*’ meter, the pattern of rhymes is usually rigid. Also, it is important to note that for both Burmese and Thai poetic traditions, as well as for Vietnamese and Chamic ones, the internal rhymes are more common than the end-rhymes.

Acknowledgements: The author expresses gratitude to K. Sengjampa and P. Wattana for their help in translating Thai texts, Shwe Zin Aung for the help in translating Burmese texts and Candidate of Historical Sciences A.E. Kirichenko for the help both in translating Burmese texts and working on the article.

Key words: Burmese poetry, Thai poetry, Burmese language, Thai language, languages of Southeast Asia.

For citation: Sarkisov, I.V. *Rifma v metricheskikh sistemah Yugo-Vostochnoj Azii* [Rhymes in Poetic Metrics of the Southeast Asia]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 6, pp. 89–103. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017816-0

1. Введение

Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу рифмы в метрических системах поэзии на языках Юго-Восточной Азии — в первую очередь на бирманском и тайском, а также тямском и вьетнамском.

Поэтические традиции народов Юго-Восточной Азии (вьетнамцев, тайцев, бирманцев, кхмеров, лао, тямов) достигли высокого уровня развития и имеют богатое наследие. В то же время всем им (за исключением, до некоторой степени, вьетнамской традиции) уделяется достаточно мало внимания в мировой и отечественной науке и переводческой деятельности: их метрические законы изучены очень незначительно или же вообще никогда не становились предметом специальных исследований, а количество переводов на иностранные языки (и в особенности на русский) крайне мало. Эти обстоятельства делают метрические системы поэтических традиций Юго-Восточной Азии весьма интересным и актуальным предметом для научных изысканий.

Немногочисленные предшествующие исследования, внесшие важный вклад в изучение тайской и бирманской метрики, также выявили весьма интересные особенности рифмы в этих поэтических традициях: в отличие от практически всех остальных систем стихосложения, в тайской и бирманской метриках преобладает так называемая внутренняя рифма, которая связывает не слоги на концах строк, а конечной слог одной строки и какой-либо из слогов внутри другой. При этом, несмотря на достаточно тесное взаимовлияние между тайской и бирманской культурами (в том числе и в области литературы), данная особенность рифмы является едва ли

не единственной хорошо заметной общей чертой в их системах стихосложения.

По этим причинам подробное исследование количественными методами тайской и бирманской рифмы, которым ранее уделялась мало внимания даже на фоне метрики поэтических традиций Индокитая в целом¹, а также сопоставление полученных данных с имеющимися сведениями о метрических системах соседних народов (тямов и вьетнамцев) должно представлять интерес для стиховедения. В настоящей работе мы попытаемся в определённой степени решить эти задачи, выделив основные характерные черты бирманской и тайской рифмы с помощью количественных методов, и соотнести их с данными о тямской и вьетнамской рифме, доступными по материалам известных нам работ.

2. Рифма в бирманской поэзии

2.1. Общие сведения о бирманской поэзии

Первые дошедшие до нас образцы бирманской поэтической традиции датируются XIV в. [5, с. 8]. Как и литературные традиции Таиланда, Лаоса и Камбоджи, она развивалась под очень сильным влиянием буддизма и индийской цивилизации. Этим был обусловлен тот факт, что значительная часть разработавшихся в ней сюжетов имела индийские истоки (например, джатаки — истории о прежних рождениях Будды Шакьямуни или индийский эпос “Рамаяна”), а в лирике часто присутствовали размышления в духе буддийской философии [5]. Всё это в равной мере верно и для тайской, кхмерской и лаосской традиций, которые на протяжении всей своей истории находились в определённом взаимодействии между

¹ Нам известны лишь три исследования, специально посвящённые вопросам рифмы в тайской и бирманской поэзии: [13]; [14]; [8].

собой и с бирманской традицией (которая, как правило, была в культурном отношении ведущей [Там же]).

Бирманская поэзия отличается чрезвычайным разнообразием жанров (по мнению В.Г. Златоверховой [3, с. 142], их число доходит до 40), большинство из которых, впрочем, представлены лишь одним или несколькими сохранившимися образцами. Основными их видами были *ахчин* (песенная поэзия) и *лингга* (книжная поэзия), в рамках которой, в свою очередь, выделялись лирические стихотворения *яду*, панегирики в честь выдающихся личностей (в основном королей) *могун*, эпический жанр, близкий европейской поэме, — *пьюу*, ещё один эпический жанр, но уже с элементами сатиры — *яган* и драматический жанр для театра — *пьяза* [5, с. 26–56, 68].

Кратко обобщая результаты предшествующих исследований, мы можем заключить, что, по-видимому, метрика всех известных образцов бирманской поэзии с типологической точки зрения является чисто силлабической². При этом, судя по всему, она довольно быстро превратилась из строго силлабической в расшатанную. Изначально основным (или даже единственным) размером в бирманских стихах был размер, где каждая строка должна была содержать ровно 4 слога. Однако вскоре авторы начали допускать произвольные отступления от заданной правилами длины строки. Если поначалу процент таких отступлений в каждом из текстов был невелик и тенденция к чёткой закономерности прослеживалась легко, то в XVIII–XIX вв. разброс длины строк в рамках одного произведения становится уже очень значительным. По результатам наших исследований мы считаем наиболее целесообразным классифицировать данный тип метрики как сильно расшатанную силлабику [7].

Под рифмой в бирманской поэзии понимается совпадение (как при произношении, так и при написании [8, с. 407–408]) финалей рифмующихся слогов, то есть их гласного и конечного согласного (при наличии такового), а также тона этих слогов: последнее имеет не меньшее значение, чем совпадение самих фонем [1, с. 141]. Важно отметить, что, хотя в силу традиции в бирманском языке присутствует немало слов, имеющих различное написание, но читающихся одинаково [17, с. 12–13], такие слоги не считаются рифмующимися

² Высказанное В.Г. Златоверховой [3, с. 157] мнение о “силлабо-тональном” характере бирманских метров, на наш взгляд, не является достаточно обоснованным; подробнее см. нашу аргументацию в [7].

[8, с. 407–408] и, таким образом, в этом вопросе графика превалирует над фонетикой.

По данным предшествующих исследований изначально в бирманской поэзии использовалась так называемая *ступенчатая рифма*, при которой последний (четвёртый) слог первой строки рифмовался с предпоследним (третьим) слогом последующей строки и третьим с конца (вторым) слогом третьей строки (см. Схему 1) [11, с. 559].

Схема 1. Тройная ступенчатая рифма (по [1, с. 140])

```

- - - А
- - А -
- А - Б
- - Б -
- Б - В

```

При этом, по мнению известного бирманского литературоведа Хла Пе, такой тип рифмы преобладал до XVIII в., когда широко стали использоваться двойная ступенчатая рифма, связующая аналогичным образом лишь две строки, и дополнительно концевые рифмы, при которых, как и в европейских системах стихосложения, рифмуются последние один или два слога строк. А.Д. Бурман [1, с. 141] свидетельствует, что в жанре *яган* использовались данные два типа рифмы, а в других произведениях, например, в известной *пьязе* самого прославленного бирманского драматурга У Поун Нья “Водонос”, совершенно хаотичным образом сочетаются различные варианты рифмовок — как ступенчатые, так и концевые, связующие самые разные слоги в строках [1, с. 143–144].

2.2. Рифма в стихотворении Анандатурии “Закон природы”

В ходе нашего исследования мы составили полные схемы рифм для трёх небольших лирических бирманских стихотворений — “Дамматы” (обычно переводится как “Закон природы”) Анандатурии (вероятно, XIV в.), “Песни, написанной в изгнании” Левитоундая (XVIII в.) и “Песни усмирённого” У Поун Нья (XVIII в.), а также по отдельному отрывку из двух крупных произведений — “Ягана о Раме” У Тоу и *пьязы* “Маникэ” Падейтаязы (оба XVIII в.).

Стихотворение Анандатурии “Даммата”, согласно легенде, написанное поэтом накануне казни, к которой он был приговорен по ложному обвинению, и говорящее о бренности бытия и подвластности человека воле рока, считается одной из жемчужин бирманской поэзии. Традиционная бирманская филология утверждает, что оно было создано в XII в., однако данные

современной науки свидетельствуют, что оно было написано не ранее XIV в., а возможно, даже позже [11, с. 40]. Однако в любом случае оно является одним из наиболее ранних дошедших до нас бирманских стихотворных текстов. При этом, в отличие от многих более поздних произведений, оно безупречно с точки зрения соблюдения метра: каждая из его 41 строки содержит ровно 4 слога и, таким образом, классический бирманский четырёхсложный размер не нарушается в нём нигде. Хла Пе также заявляет, что оно безупречно и с точки зрения рифмы [Там же]. Поэтому проверить данное утверждение представляется особенно интересным.

Структура рифм в стихотворении Анандатурии “Даммата” целиком представлена на Схеме 2, а его первая строфа, состоящая из 5 строк, – в Примере 1³.

Пример 1⁴.

Первая строфа стихотворения Анандатурии “Даммата” (“Закон природы”)

သုတည်း တယောက်၊^a ကောင်း၍ ရောက်မှု၊ သူ တယောက်မှာ။^b ။ပျက်လင့်^c ကာသာ
ဓမ္မတာတည်း။

θu² t^he³ tə jau²⁵
kāu³ bo¹ jau² mu²
θu² tə jau² ma²
pje[?]lɪ¹ ka²θa²
d^hamma¹ ta t^he³

‘[В то время как] один достигает счастья, другой низвергается и погибает. Это – естественный закон природы.’

Схема 2. Структура рифм в стихотворении Анандатурии “Даммата” (“Закон природы”), 41 строка

³ Поскольку основными данными, анализируемыми в настоящей статье, являются схемы рифм, сами примеры текстов не имеют большого значения для понимания результатов исследования. Поэтому из-за ограниченности объёма мы сокращаем их число до минимума и приводим лишь несколько отрывков.

⁴ Поскольку в случае с образцами классической бирманской и тайской поэзии восстановить смысл из пословного перевода крайне затруднительно, мы не видим необходимости приводить его здесь и ограничиваемся транскрипцией и смысловым переводом.

⁵ Поскольку вопрос о фонологической сущности бирманских тонов является не вполне решённым, мы будем обозначать тоны цифрами согласно их нумерации, традиционно принятой в бирманистике.

--- СЛОГ1⁶
-- СЛОГ1 А
А - СЛОГ Б
-- Б Б
--- СЛОГ2

-- В -
- В - Г
-- Г -
- Г - Д
- Д - Е
-- Е -
--- Е
-- Е Б
--- СЛОГ2

-- Ё
-- Ё -

--- Ж
Ж Ж - З
-- З -
- З - И
-- И -
- И - К
- К - Л
- Л - -

--- М
-- М -
-- Н Н
- Н - Б
--- СЛОГ2

--- О
-- О П
-- П -
- П - -
- Р - С
-- Р -
--- С
-- С -

--- Б
-- Б СЛОГ2

Из этой схемы нетрудно заметить, что, хотя рифма, без сомнения, играет в стихотворении важную роль, она является нерегулярной и не имеет чётко определённой структуры, за одним единственным исключением: между собой рифмуются все соответственно третьи и четвёртые слоги последних строк в строфах (в случае с четвёртым словом

⁶ Таким образом здесь и далее мы будем обозначать случаи, когда совпадают не только финалы слогов, а слоги целиком. Различные слоги будут обозначаться соответственно СЛОГ1, СЛОГ2 и т.д.

во всех строфах полностью повторяется один слог). В остальном же мы не можем сформулировать какое-либо правило, которое бы предсказывало наличие или отсутствие рифмы на определённых позициях, как это чаще всего бывает в классической европейской поэзии (например, АА, АБАБ, АББА и т.п.), и имеем возможность говорить лишь о частотности тех или иных вариантов рифмы.

Прежде всего, следует отметить, что ступенчатая внутренняя рифма совершенно очевидным образом превалирует над концевой: последняя встречается здесь лишь трижды и при этом во всех трёх случаях слоги, участвующие в концевой рифме, участвуют также и во внутренней рифме с ещё одной строкой. Все остальные рифмы являются внутренними и ступенчатыми. Дважды рифма объединяет сразу 4 строки, 7 раз имеет место трёхступенчатая рифма, а во всех остальных случаях (в общей сложности 13) рифмы двухступенчатые. Помимо этого, в трёх местах отмечены рифмы внутри одной и той же строки. Наконец, структура, при которой рифмуются соответственно четвёртый, третий и второй слоги последовательно стоящих строк и которую А.Д. Бурман [1, с. 140] описывает как классическую и наиболее употребляемую до XVIII в., встречается лишь 4 раза, а в остальных трёх случаях трёхступенчатой рифмы рифмуются соответственно четвёртый, третий и ещё раз третий слоги. При этом в трёх из 41 строки стихотворения рифма отсутствует полностью.

Обобщая перечисленные наблюдения, мы можем заключить, что в данном поэтическом тексте рифма подчиняется лишь одной строгой закономерности: ей должны быть связаны третьи и четвёртые слоги последних строк в строфах. В остальном то, какой тип рифмовки будет применён в каждой конкретной строке (и будет ли в ней рифма вообще), не обуславливается положением этой строки в строфе или стихотворении в целом или же какими-либо иными параметрами. Тот факт, что подобная свобода в структуре допускается в стихотворении, метрика которого, по имеющимся данным (как свидетельствам литературоведов, так и нашим статистическим подсчётам), представляется одной из наиболее жёстких в бирманской поэзии, является весьма примечательным и может сыграть очень важную роль при анализе других бирманских поэтических текстов, о чём будет сказано позднее.

2.3. Рифмы в стихотворении “Песнь усмирённого” У Поун Нья

Стихотворение У Поун Нья — он известен в первую очередь как самый выдающийся

бирманский драматург, с именем которого был связан расцвет бирманского театра, — интересно для анализа как своего рода “антипод” “Закону природы” с точки зрения метрики. Если в “Законе природы” размер представляется одним из наиболее строго выдержанных в известных нам бирманских поэтических текстах, то творчество жившего уже в XIX в. У Поун Нья, напротив, отличается максимальной свободой стиха. Ещё А.Д. Бурман охарактеризовала метрику одной из самых известных пьес этого драматурга — “Водонос” как “хаотичную” [1, с. 142]. Наш анализ метрической структуры “Песни усмирённого” (опирающийся на точные подсчеты числа слогов во всех строках) показал, что силлабика в нём отличается максимальной степенью расшатанности, граничащей с верлибром: самая частотная длина строки (6 слогов) встречается в стихотворении лишь в 4 случаях из 17, то есть в 23,5% [7]. В этих условиях изучение структур рифм в данном тексте представляет большой интерес, так как оно может стать одним из ключей к пониманию его метрики в целом.

Структура рифмовок в “Песни усмирённого” представлена на Схеме 3, а первая строфа, состоящая из 3 строк, — в Примере 2. Из этой схемы мы можем заключить, что, с одной стороны, рифма играет в стихотворении очень важную роль, так как присутствует в 16 строках из 17 и в ней участвуют 43 слога из 94 — то есть почти половина. С другой стороны, какие бы то ни было закономерности, регулирующие её структуры, здесь почти совершенно отсутствуют. Единственным исключением, которое можно считать закономерностью, является то, что последний слог последней строки первой строфы рифмуется с аналогичным слогом второй строфы, а аналогичный слог третьей строфы — с соответствующим слогом в четвёртой. То обстоятельство, что рифма между последними слогами строф была выявлена и в “Законе природы” (правда, общая для всех строф), наводит нас на мысль, что за этим стоит некое правило. Однако других правил для рифм в стихотворении не наблюдается. Лишь рифма между первыми слогами строк встречается здесь 4 раза, а остальные типы рифм (а здесь встречаются рифмы между самыми разными слогами как в соседних строках, так и внутри одной строки) не повторяются. При этом концевая рифма отмечается лишь единожды (между последними слогами первой и третьей строк) и при этом рифмующиеся слоги также участвуют и в ступенчатой рифме, что свидетельствует о том, что концевая рифма, вероятно, не была самоцелью, а возникла

случайно, как следствие применённой два раза подряд ступенчатой рифмы.

Схема 3. Структура рифм в стихотворении У Поун Нья “Песнь усмирённого”, 17 строк

А - В
 АВ - - - -
 - В - - - - В
 - - - - -
 - - - - Г Д Е -
 Г Д - Е - Ё -
 Е - Ё - - Ж Е -
 Ж - - В
 З И Й К - Л - -
 З И Й К Л Й -
 З - Й М - Н
 М Н Й Н О
 П - -
 П - - - - -
 - - - - Р С - -
 С Р - О

Пример 2. Первая строфа стихотворения У Поун Нья “Песнь усмирённого”

သူတည်း တယောက်၊^a ကောင်းဘို့ ရောက်မှု၊ သူ တယောက်မှာ။^b ။ပျက်လင့်^c ကာသာ
 မေ့တာတည်း။

hou?   pəle²
 ŋou?tc^he¹   ha'ja¹m̄a¹ p^hji³
 pu²be¹sa¹   tɕ^hi³ji³le²

‘Поистине! Если я должен раскрыть уста, то [я должен сказать, что] всё [то, что со мной случилось] – последствия прошлого [прошлых жизней].’

На основе всего вышеперечисленного мы можем сделать вывод, что в данном поэтическом тексте, использующем крайне расшатанный размер, рифма по-прежнему играет очень важную роль. И именно это, на наш взгляд, следует рассматривать как существенный аргумент в пользу того, что метрику этого стихотворения следует считать сильно расшатанной силлабикой, а не верлибром: в известных примерах свободного стиха рифма отсутствует, как и размер. В то же время рифма здесь не подчиняется каким-либо закономерностям, что опять же является важным аргументом в пользу того, что регулярность здесь отсутствует и в размере и, следовательно, таковую не следует искать в каких-либо ещё не рассмотренных нами параметрах, например, в распределении тонов. При этом, как и в “Законе природы”, внутренняя (преимущественно ступенчатая, но не имеющая строгой привязки к позициям слогов) рифма, по сути, не имеет альтернативы

в виде столь привычной для европейского читателя концевой рифмы.

2.4. Рифмы в “Ягане о Раме” У Тоу

Логичным продолжением исследования рифмы в двух относительно коротких лирических стихотворениях было изучение структур рифмовки в крупных эпических и драматических произведениях. Для этой цели нами были выбраны “Яган о Раме” У Тоу и пьеза “Маникэ” Падейтаязы.

“Яган о Раме” был создан во второй половине XVIII в. весьма почитаемым в Бирме поэтом У Тоу и представляет собой наиболее известный бирманский национальный вариант популярного в странах Юго-Восточной Азии индийского сюжета о царевиче Раме.

В рамках нашего исследования нами были составлены схемы рифмовок для первых 60 строк этого весьма крупного произведения (написанных, как показали наши подсчёты, также не строгой, однако гораздо более выдержанной, нежели у У Поун Нья, силлабикой, с тенденцией к со-

блюдению классического четырёхсложника), результаты чего представлены на Схеме 4.

Схема 4. Структура рифм в первых 60 строках “Ягана о Раме” У Тоу

- - - -
 - - - -
 - - - -
 - А - -
 - - А А
 - - - -
 - - - -
 - - - Б
 СЛОГ - Б -
 СЛОГ Б - В
 - - - В - -
 - - - -
 - - - -
 - - - Г
 - - Г -
 - - - - Д
 - Д - Е
 Д - Е - Ё
 - - Ё -
 - Ё - -
 - - - - -
 - - - Ж
 - - Ж
 - - - З

-- 3 -
 -- 3 И
 -- И --
 И ---

 ---- Й
 -- Й -
 - Й - К
 -- К -
 - К ---

 ---- Л
 -- Л -
 Л -- М
 - М М -
 - М Н -
 - Н --

 -- О -- О
 О -- СЛОГ
 -- СЛОГ -
 -- П Р
 П ---- Р -
 --- С
 С --- Т
 - Т - У
 --- У --
 У -- Ф
 -- Ф Х
 -- Х Ц
 - Х Ч Ц
 Ч - Ч ---

Из этой схемы мы прежде всего можем видеть, что рифма в данном тексте употребляется вовсе не так широко, как в двух предыдущих: 15 из этих 60 строк, то есть четверть их, вообще не содержат никакой рифмы. Три раза здесь встречается тройная ступенчатая рифма, соединяющая последовательно четвёртый, третий и второй слоги соседних строк, ещё три — рифма между соответственно четвёртым, третьим и первым слогами (чего мы не встречали в “Законе природы”), два раза — между четвёртым, третьим и вторым, один раз — между четвёртым, вторым и первым и один раз — между пятым, третьим и вторым. В остальных случаях мы имеем дело с двойной рифмой. В 4 случаях она связывает четвёртый слог строки с третьим последующей, в двух — соответственно четвёртый и первый, в одном — четвёртый и второй. Также спорадически встречается рифма между различными слогами одной строки. Рифмы между конечными слогами строф, как в “Законе природы” и “Песни усмирённого”, здесь отсутствуют.

Таким образом, данный отрывок представляет собой ещё один пример того, что структура рифм в бирманском стихе не является жёстко регламентированной и каждое произведение в произвольном порядке сочетает различные типы рифмовок, среди которых доля ступенчатых существенно превалирует над долей конечных.

2.5. Рифмы в пьезе “Маникэ” Падейтаязы

Последним исследованным нами бирманским поэтическим текстом были три отрывка из пьезы “Маникэ” поэта Падейтаязы, жившего в конце XVII — первой половине XVIII в. По мнению крупного отечественного специалиста в области литератур Юго-Восточной Азии Ю.М. Осипова, “Маникэ” являлось для своего времени новаторским с точки зрения формы произведением: в нём впервые в истории драмы народов Индокитая были применены деление на акты и сочетание авторского монолога с диалогами актёров (ранее в традиционных театрах Юго-Восточной Азии весь текст читался одним актёром, а остальные лишь молча изображали описываемые действия) [5, с. 151–155]. По этой причине “Маникэ” представляет большой интерес для исследования, так как в этом произведении вполне можно ожидать обнаружения каких-либо нестандартных черт и в области метрики.

Нами было проанализировано 4 отрывка из начальной части пьезы: один — длиной в 82 строки, а остальные три — в 12. Метрика первого отрывка представляет собой почти строго выдержанную силлабическую: из 82 строк 5 содержат по 3 слога, 3 — по 7, одна строка — 5, а остальные 73 — по четыре, причём семи- и трёхстрочные строки встречаются ближе к концу строф, что образует определённую закономерность. Остальные три отрывка, представляющие собой отдельные монологи героев, имеют очень интересную для бирманской поэзии метрическую структуру: в них по 4 раза повторяется последовательность из идущих одна за другой двух четырёхсложных и одной пятисложной строк. Других примеров бирманских стихотворных текстов, где бы строки разной длины чередовались упорядоченно, на данный момент нам неизвестно.

Структуры рифмовок в указанных отрывках представлены соответственно на Схемат 5, 6, 7 и 8.

Схема 5. Структура рифм в первых 86 строках “Маникэ” Падейтаязы

--- А
 - А - Б
 - Б -
 --- В

-- В Г
 В В Г Д
 -- Д -
 --- Е
 -- Е -
 - Е - Ё
 -- Ё -

 -- Ж -
 - Ж - З
 - З - И
 - И - Й
 -- Й -
 --- К
 - К - Л
 -- Л -
 - Л - М
 -- М -
 --- Н
 -- Н -
 - Н - ----

 --- О
 - О - П
 - П -
 --- Р
 -- Р -
 -- Р С
 -- С Т
 - С Т Т
 -- Т -
 - Т - У
 -- У -
 - У - Ф
 -- Ф -
 - Ф - Х
 -- Х -
 - Х - Ц
 -- Ц Ч
 - Ч - Ш
 - Ш - Щ
 -- Щ -
 - Щ - Ъ
 -- Ъ -
 - Ъ - Ы
 -- Ы -
 - Ы - ----

 --- А
 - А Б В
 В Б -
 --- Г
 - Г - Д
 -- Д -
 - Д - Е
 -- Е -
 -- Е - Ё
 -- Ё -
 - Ё - Ж
 -- Ж -
 - Ж - З

-- З -
 - З - -

 --- И
 -- И -
 - И - -
 -- Й -
 - Й - К
 -- К -
 - К - ----
 --- Л
 -- Л
 --- М
 - М - Н
 ---- Н

Схема 6. Структура рифм во втором отрывке из “Маникэ” Падейтаязы, 12 строк

--- А
 - А - Б
 ---- Б
 -- Б Б
 Б Б --
 ---- В
 --- В
 - В -- Г
 ---- Г
 --- Г

Схема 7. Структура рифм в третьем отрывке из “Маникэ” Падейтаязы, 12 строк

--- СЛОГ
 -- СЛОГ А
 ---- А
 --- А

 --- Б
 --- Б Б
 --- Б
 --- В
 - Б - В

Схема 8. Структура рифм в четвёртом отрывке из “Маникэ” Падейтаязы, 12 строк

--- А
 А -- Б
 ---- Б
 --- Б
 - Б - В
 ---- В
 --- В
 --- Г
 ---- Г
 --- Г
 - Г - Д
 ---- Д

Анализируя приведённые схемы, мы можем заметить, что на Схеме 5 наблюдается картина, в целом аналогичная тому, что мы видели при исследовании “Закона природы” Анадатурии и отрывка из “Ягана о Раге”: рифмы здесь также распределены произвольно и при этом преобладают ступенчатые (двух- и трёхступенчатые) рифмы. Намного более интересно выглядят следующие 3 схемы: на каждой из них количество концевых рифм значительно преобладает над ступенчатыми. На Схеме 6 соотношение соответственно 5 к 4, на Схеме 7 — 5 к 3, на Схеме 8 — 7 к 3. Этот факт выделяет данные три сценических монолога из всех исследованных нами образцов бирманской поэзии, так как во всех остальных число концевых рифм уступает числу рифм ступенчатых, а иногда (как, например, в “Песне усмирённого”) вообще пренебрежимо мало. На основе того факта, что в данных трёх монологах используются строго выдержанный гетеросиллабический размер и концевая рифма, мы можем предположить, что имеем дело с ещё одним, до сих пор не описанным бирманским поэтическим размером, с какого-то времени бывшим в ходу наряду с хорошо известным четырёхсложником со ступенчатыми рифмами. К сожалению, в настоящий момент нам неизвестно других примеров его употребления, однако как только таковые будут обнаружены, он непременно должен стать предметом серьёзного изучения.

2.6. Общие выводы

Обобщая изложенные выше результаты нашего предварительного исследования бирманской рифмы, мы можем заключить следующее. Прежде всего, во всех исследованных текстах, включая тексты со строго выдержанным размером, структура рифмовок является произвольной. Это даёт нам основания выдвинуть гипотезу о том, что жёсткая структура рифмовок, столь свойственная многим метрическим системам (по крайней мере, в классические периоды их развития), в бирманской поэзии никогда не использовалась. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что определённая нестрогость также была свойственна бирманскому стиху едва ли не с момента его возникновения, с учётом чего появление в нём сильно расшатанной силлабики представляется вполне ожидаемым событием. С другой стороны, рифма весьма важна для бирманского стихосложения и присутствует (причём, играя существенную роль) и в текстах с максимально расшатанной силлабикой, что является весомым аргументом в пользу того, что они всё-таки написаны не верлибром.

Также мы установили, что в классическом четырёхсложнике и в расшатанной силлабике рифма в подавляющем большинстве случаев является ступенчатой (чаще двух-, но нередко и трёхступенчатой). В первом случае в ней обычно участвуют четвёртые, третьи и вторые слоги строк, во втором — практически любые. В “Законе природы” Анадатурии и “Песне усмирённого” У Поун Нья нами были выявлены рифмы между конечными слогами строф (в первом случае — также и между предпоследними). Помимо этого, в двух отрывках из пьезы Падейтаязы “Маникэ” нами был обнаружен ещё один бирманский стихотворный размер, в котором последовательно чередуются две четырёхсложные и одна пятисложная строки. В нём, в отличие от остальных типов бирманской метрики, преобладают концевые рифмы.

3. Рифма в тайской (сиамской) поэзии

3.1. Общие сведения о тайской поэзии

Тайская поэтическая традиция существует с XIV в. Её история и художественные и сюжетные аспекты находят много параллелей с бирманской, что было обусловлено их общими истоками (индо-буддийская цивилизация) и взаимным влиянием. Как и в бирманской традиции, здесь были очень популярны сюжеты из джатак и “Рамаяны”, буддийские философские мотивы и восхваления королей, а написанные различными авторами произведения на один и тот же расхожий сюжет были обычной практикой. Наиболее популярными среди немалого количества тайских литературных жанров были эпическая поэма лилит (аналог бирманского пьюу) и нират, изначально представлявшая собой небольшую поэму о путешествии, а позднее использовавшаяся для разработки самых разных тем, от любовной лирики до дидактики [5].

Метрика тайской поэзии изучена гораздо лучше, чем бирманская. Известно, что в ней имелось 5 основных метров — чисто силлабические метры клон и кап, силлабо-метрический метр чан [6, с. 44–45] и два представляющие определённые проблемы для типологической классификации метра — кхлонг и рай. В современном кхлонге размер задаётся одновременно количеством слогов в строке и взаимным расположением диакритических знаков, использующихся для маркирования тонов, но обозначающих совершенно разные тоны в зависимости от контекста и, следовательно, не привязанных однозначно к какому-либо из них [10, с. 423]. По этой причине кхлонг в его нынешнем виде представляется уникальным с точки зрения типологии примером силлабо-графического метра, однако данные исторической фонетики дают основания

предполагать, что изначально он возник как силлабо-тональный метр, но позднее утратил тоновую основу из-за языковых изменений, вызвавших несоответствие написания и произношения [16, с. 139–140]. Рай же ведущий специалист по тайской метрике Т. Худак характеризует как рифмованную прозу, поскольку он, в отличие от других тайских метров, записывается без разбиения на графические строки [13, с. 44]. Однако свидетельство того же Т. Худака о том, что каждый сегмент в рае содержит ровно 5 слогов [Там же], даёт основание также считать его силлабическим метром. Каждый из перечисленных метров имеет ряд разновидностей.

Согласно данным предшествующих исследований, под рифмой в тайской поэзии, как и в бирманской, понимается совпадение финалей рифмующихся слогов (то есть их гласного и конечного согласного в случае его наличия), однако, в отличие от бирманского стиха, тоны при рифме могут не совпадать [9, с. 79]. Рифмующимися, по-видимому, считаются также слоги, имеющие разное написание, но одинаковое произношение. Ещё одним отличием тайской рифмы от бирманской является тот факт, что первая имеет жёсткую, обусловленную строфикой, структуру и строго регламентирована для каждого конкретного размера. В то же время в ней, как и в бирманской, широко применяется внутренняя рифма. В качестве примера можно рассмотреть один из наиболее простых тайских размеров – восьмисложный клон, структура которого представлена на Схеме 9. Здесь в строфе, состоящей из четырёх строк, восьмой слог первой строки рифмуется с третьим слогом второй, а восьмой слог второй – с восьмым третьей и третьим четвертой.

Схема 9. Рифмы в восьмисложном клоне (по [9, с. 79])

----- А
 -- А ---- Б
 ----- Б
 -- Б -----

В ходе настоящего исследования мы изучили структуру рифм в двух наиболее интересных и сложных для классификации тайских размерах – кхлонге и рае. Материалом для анализа послужил фрагмент из известной тайской эпической поэмы “Лилит Пхра Ло”, созданной в нынешнем её виде в XVIII в., которая, как и многие другие тайские стихотворные тексты [2, с. 32], написана чередующимися между собой кхлонгом и раем. Нами были составлены схемы рифм для трёх отрывков, написанных кхлонгом, и одного большого отрывка, написанного раем, общим объёмом 185 стихотворных строк.

Переходя к описанию результатов изучения рифмы в кхлонге, сразу следует оговориться, что нами ни разу не было зафиксировано рифмы внутри полустипхи – все рифмы отмечались только либо на конце строк, либо на конце полустипхий, разделённых цезурами, которые в тайской письменности также принято обособлять на письме. По этой причине на наших схемах рифмовок в кхлонге мы не будем обозначать каждый отдельный слог знаком “-”, как это делалось в случае с бирманскими стихами, а будем применять его для обозначения всего полустипхи вне зависимости от длины последнего.

Два из исследованных нами кхлонговых отрывка были написаны четырёхстрочным кхлонгом, в котором каждая строфа содержит 4 строки. Отрывки имели длину 3 строфы (12 строк) и 7 строф (24 строки, так как последние 2 строфы были двустрочными). Структуры их рифмовок представлены соответственно на Схеме 10 и Схеме 11. Третий кхлонговый отрывок был написан двустрочным кхлонгом, в котором каждая строфа состоит из двух строк, и содержал 9 строф (18 строк). Структуру его рифмовок можно видеть на Схеме 12.

Пример. Строфа четырёхстрочного кхлонга

บุญเจ้าจอมโลกเล็ง	โลก
ระเรื้อยเกษมสุขพูล	ใจน้อย
แสนสนุกศรีโยธยา	ฤร่า ถึงเลย
ทุกประเทศชมค้อยค้อย	กล่าวอ้างเย็นชอ
bun jaolj jom lo:lɔk liaɔŋ	lɔ:kʰa:
ra:l rɔ:ɔjɔ: kʰa:se:ɔlm su:l k pu:n	t ɕʰa:ɔjɔ: n ɔ:lɔj
se:lɔn sa:ɔnɔk si:lɔl ɔjɔ:tʰa:ɔja:	ru: ra:m tʰu:ɔlɔŋ le:j
tʰu:l k pra:tʰe:lɔt t ɕʰom kʰi:ɔkʰo:lɔj	klaol a:lɔŋ jen jɔ:

‘В Аюттхае был великий король, который был очень могуществен вследствие своих добродетелей. Он благополучно управлял королевством и народом и был известен своим могуществом.’

Пример. 2 строфа двухстрочного кхлонга

รอยรูปอินทระหยาตฟ้า	มาอ้างคี่ในหล้า
แหล่งให้คนชม แลฤ	
พระองค์กลมกล้องแก่ง	เอาจ่อนอรธรรแต้ง
ถ้ำแห่งเจ้าฤงาม บารมี	
rɔ:ɔj ru:lɔp in tʰon ja:lɔt fa:l	ma: a:lɔŋ naj la:l
le:lɔŋ ha:lɔj kʰon t ɕʰom le: ru:	

p^hral oŋ klom klo:lŋ kle:lŋ   əw ə:lŋ rə:n ron t^he:lŋ
 t^hwa:lŋ he:lŋ t^hcao:l ku: ŋa:m ba:nŋi:

‘Его красота, подобная Индре, была известна в трёх мирах.’

Схема 10. Структура рифм в отрывке из “Лилит Пхра Ло”, написанном 4-строчным кхлонгом

1
 -            - (A)
 -            - (B)
 - (A) -
 - (B) -
 2
 -            - (B)
 - (B) - (Г)
 -            -
 - (Г) -
 3
 -                    - (Д)
 -                    - (E)
 - (Д)   -
 - (E)   -

Схема 11. Структура рифм во втором отрывке из “Лилит Пхра Ло”, написанном 4 строчным кхлонгом

1
 -            - (A)
 - (A) - (B)
 - (A) -
 - (B) -
 2
 -            - (B)
 - (B) - (B)
 - (B) -
 - (B) -
 3
 - (Г) - (Г)
 - (Г) - (Д)
 - (Г) -
 - (Д) -
 4
 -            - (E)
 - (E) - (E)
 - (E) -
 - (E) -
 5
 - (Ж) -
 - (Ж) - (Ж)
 -            - (Ж)
 - (Ж) -
 6
 - (З) - (З)
 -
 7
 - (И) - (И)
 -

Схема 12. Структура рифм в отрывке из “Лилит Пхра Ло”, написанном 2-строчным кхлонгом

1
 - (A) - (A)
 -            -
 2
 - (Б) - (Б)
 -            -
 3
 - (B) - (B)
 -            -
 4
 - (Г) - (Г)
 -            -
 5
 - (Д) (Д)
 -            -
 6
 - (E) - (E)
 -            -
 7
 - (E) - (E)
 -            -
 8
 - (Ж) - (Ж)
 -            -
 9
 - (З) - (З)
 -            -

На основе этих схем мы можем сделать заключение, что в двухстрочном кхлонге (насколько об этом можно судить по имеющемуся отрывку) структура рифмы представляется максимально жёсткой: рифмуются полустишия первой строки, а оба полустишия второй в рифме не участвуют. Следует отметить, что подобная схема выглядит весьма оригинальной. В четырёхстрочном кхлонге структура выглядит более свободной, однако неизменным остаётся тот факт, что она связывает второе полустишие одной строки с первым полустишием другой и, таким образом, как и бирманская, является своего рода ступенчатой. При этом, в отличие от бирманского стиха, здесь более предпочтительной является перекрёстная рифма.

Пример. 6 сегментов дая.

กล่าวถึงขุนผู้หัว นามท่านท้าวแสนสรวง เปรนพระยาหลวงผ่านฟ้า
 เข้าเมืองสรวงมีศักดิ์ รมีอัคเทพิพิลาต ชื่อนางนางนุญเหนือ

kla:wltu:lŋ k^hun p^hu:l ha:wll
 na:m t^ha:lŋ t^ha:wll me:n swa:lŋ
 p^he:n p^hra:l ja: l^wa:lŋ p^ha:lŋ p^hao:l
 t^hcao:l m^hɔ:ŋ swa:ŋ mi: salk
 t^hal mi: alk t^he: p^hi: p^hilla:lŋ
 t^hch^hu:l na:ŋ na:lŋ bunlu:lŋ

‘Что касается Тхао Мен Суанга, то он очень мудр и храбр. Он правит Суангом, который находится на востоке Аюттхайи. Его жену зовут Нат Бун Лы.’

Структура рифмовок в отрывке, написанном раем, представлена на Схеме 13 и выглядит гораздо менее тривиальной.

Схема 13. Структура рифм в отрывке из “Лилит Пхра Ло”, написанном раем

```

-----
---- А
-- А - Б
--- Б - В
В - Б - Г
-- Г - - - Д
-- Д - Е
- Е - Е - Ё
-- Ё - - Ж
-- Ж - З
-- З - И
-- И - - Й
- Й - - - Й
-- Й - - К
К - - - Л
--- Л - - М
--- М - - Н
----- Н
--- Н
- Н

----- А
-- А - Б
--- Б В
- В - - - Г
-- Г - - Д
-- Д - - Е
--- Е - - Ё
-- Ё - - Ё
- Ж - - З
Ж - - З - - И
- Ж - И - - Й
--- Й И И
- И - И - К
- К - К - Л
-- Л - М
- М - - Л
--- Л - - Н
-- Н - О
- О - - П
-- П - Р
Р - - - С С
С - - - Т
-- Т - У
-- У - - Ф
----- Ф
---
--
----- А
-- А - Б
-- Б - В
-- В - - Б
- Б Б - Г
-- Г - - Д
- Д - - Е

```

```

- Д Е - Ё
Ё - - - Ж
-- Ж - З
- З - - И
-- И И - Й
Й - - - К
-----
----- А
- А - - -
----- Б
-- Б - - В
-- В - - -
----- Г
- Г - - - -
---- Д
-- Д - -
-----
-----
----- Е
--- Е Ё
- Ё - - -
----- Ж
Ж - - - - З
З - - - И -
И - - - Й
-- Й - К
-- К - Л
-- Л - М
-- М - - Н
-- Н - О
-- О - П
П - П - Р
Р - Р - -
----- С
- С - - Т
- Т - - У
- У У - Ф
-- Ф - Х
-- Х - - -
----- Ц
----- Ц
-- Ц - - -
--

----- А
----- А - - -
----- Б
--- Б - - В
- В - - - - Г
- Г - - - Д
--- Д - - Е
--- Е - Ё
-- Ё - - Ж
- Ж - З
-- З - - -
----- И
----- И
-----
--

----- А
-- А - - Б
--- Б - - В
- В - - - - Г
--- Г - Д

```

Д - - - - Е
 Е - - - - Ё
 - - Ё - -
 - - - - И
 - - - - И - - Й
 - - Й - - К
 - - - - К - - Л
 - - - - Л - М
 - - М - Н
 - - - - Н
 - - - -
 - -

Мы видим, что рифмы есть в большинстве сегментов (поскольку предшествующие исследователи называют рай рифмованной прозой [13, с. 44], до окончательного прояснения его природы мы будем избегать термин “строка” и называть соответствующие элементы его метрической структуры сегментами) — отсутствуют они лишь в 11 сегментах, при этом примечательно, что только 2 из нерифмуемых сегментов расположены в середине абзаца-строфы (опять же оставим вопрос о терминах до прояснения природы рая), а все остальные — в начале или конце его. При этом лишь 16 из рифмуемых сегментов (не считая начальные и конечные в абзацах-строфах) рифмуются только с одним соседним сегментом, 81 — сразу с двумя. Также 13 сегментов содержат более одного рифмуемого слога.

Переходя к вопросу о положении рифмуемых слогов в строке, мы сразу можем с лёгкостью установить, что в подавляющем большинстве случаев в рифме участвуют конечный слог одного сегмента и какой-либо из слогов внутри последующего (случаев рифм между конечными слогами соседних сегментов зафиксировано лишь 8). Количество случаев участия в рифме с последним слогом предыдущего сегмента для слогов, стоящих на различных позициях, представлено в Таблице 1.

Таблица 1. Количество случаев участия в рифме с последним слогом предыдущего сегмента для различных слогов в рае

Номер слога	Количество примеров в отрывке
Первый	14
Второй	22
Третий	44
Четвёртый	19
Пятый	2

Из неё мы можем заключить, что чаще всего с последним слогом предыдущего сегмента рифмуется третий слог, в 2 раза реже — второй, ещё реже — четвёртый и первый, а пятый (в сегментах длиной более 5 слогов) — лишь в порядке исключения.

На основе этих данных мы можем описать правила рифмовки в рае следующим образом: последний слог сегмента рифмуется с одним из слогов внутри последующего — предпочтительно с третьим, но иногда также со вторым или четвёртым. Рифма распространяется лишь на два смежных сегмента. Остальные варианты рифмовок, вероятнее всего, являются исключениями. Здесь также следует отметить, что хотя типологическая классификация метрики рая находится за рамками данного исследования, составленные схемы позволяют выдвинуть гипотезу о том, что он представляет собой нестрогую силлабику с тенденцией к преобладанию пятисложных сегментов. Таким образом, тип метрики и, что ещё более важно, структура рифм рая сильно напоминают классический бирманский стих (стандартная рифмовка в рае, по сути, и есть бирманская двухступенчатая рифма с тем только отличием, что вторые слоги участвуют в рифмовке чаще, чем третьи). На основе этого факта мы можем сделать два очень важных предположения. Во-первых, скорее всего, рай всё-таки является полноценным стихотворным размером, а вовсе не рифмованной прозой. Во-вторых, есть основания предполагать, что в тайской поэзии он возник не без бирманского влияния. И именно этим может объясняться тот факт, что, в отличие от всех остальных тайских метров, в нём стихотворные строки обособляются не в виде отдельных графических строк, а лишь с помощью пробелов, в то время как строфы обособляются в виде отдельных абзацев, так как аналогичный способ оформления стихотворного текста традиционно был принят в бирманской письменности.

4. Рифма в других поэтических традициях Индокитая

С культурологической точки зрения из других крупных народов Юго-Восточной Азии к бирманцам и тайцам примыкают кхмеры и моны (оказавшие на первых сильнейшее влияние и через посредничество которых они и заимствовали индо-буддийскую культуру), лао, а также в несколько меньшей степени тямы.

К сожалению, относительно монской поэзии на данный момент нам доподлинно неизвестно даже то, существовала ли она вообще, а для кхмерской, которая была весьма развита, не существует каких-либо исследований, касающихся её метрики и рифмы. Что касается поэзии тямов, то в единственной работе, затрагивающей вопросы её метрических принципов, сообщается о её тоническом характере, а также о том, что как минимум в одном из её размеров конечный слог одной строки рифмуется с третьим слогом последующей (при этом все строки длиннее

трёх слогов) [15, с. 49]. Разумеется, столь незначительные сведения недостаточны для того, чтобы сделать сколько-нибудь существенные выводы, однако они показывают, что в тямской поэзии внутренняя рифма, в целом аналогичная по своей сути стандартной бирманской рифме и рифме тайского рая, также имела определённое распространение.

Наконец, внутренняя рифма также применяется в весьма хорошо изученной вьетнамской поэзии. В основном метре крупных вьетнамских поэм — люкбате, являющемся силлабо-тональным по своей природе [4, с. 176–177], обычно чередуются восьмисложные и шестисложные строки, и рифма при этом связывает восьмой (конечный) слог восьмисложной строки с шестым (также конечным) слогом последующей шестисложной строки и с шестым (то есть уже не конечным) слогом третьей, вновь восьмисложной строки [Там же], как это показано на Схеме 14.

Схема 14. Структура рифмовок вьетнамского размера люкбат (по [4, с. 176])

----- А
----- А
----- А - Б

Такая структура напоминает бирманскую трёхступенчатую рифму даже в большей степени, чем тайский рай. Это выглядит особенно примечательным, поскольку взаимовлияние в области культуры между Бирмой и Таиландом, с одной стороны, и Вьетнамом, находившимся в орбите китайской цивилизации, с другой, всегда было весьма незначительным. Также, говоря о вьетнамской рифме, следует отметить, что, так же как и в тайской поэзии (и в отличие от бирманской), совпадение тонов в ней не является обязательным условием [12, с. 131–132].

5. Заключение

В ходе нашего исследования рифмы в поэзии народов Юго-Восточной Азии были выявлены следующие примечательные факты.

В бирманском стихе отсутствует жёсткая структура рифмовок, что согласуется с её быстрым переходом от строгой силлабики к нестройной и, позднее, очень сильным её расшатыванием.

В относительно строгой бирманской силлабике преобладают ступенчатые (двух- и трёхступенчатые) рифмы, а в сильно расшатанной произвольным образом используются самые разные схемы преимущественно внутренних рифм. Обязательное присутствие рифмы в расшатанной бирманской силлабике является важной чертой, отличающей её от верлибра.

По-видимому, в бирманской поэзии имеется ранее не описанный размер с чередованием двух

четырёхсложных и одной пятисложной строк, в котором преобладает концевая рифма; он использован в “Маникэ” Падейтаязы.

В тайском размере *рай*, который, вероятнее всего, является нестрогим силлабическим, рифмуются конечный слог одной строки с каким-либо (чаще вторым) слогом внутри последующей. Его схожесть с бирманским стихом позволяет выдвигать гипотезу о его бирманском происхождении.

Внутренняя рифма также распространена в тямской и вьетнамской традициях, что делает её характерным явлением для региона Юго-Восточной Азии в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бурман А.Д.* Некоторые особенности бирманской рифмы // Страны и народы Востока, XI. Москва, 1971. С. 140–145.
2. *Иванова В.А.* Лирическая поэма “Камсуан сипрат” (2-я половина XVII в.) и становление жанра тайской литературы *нират*. Москва, 2018.
3. *Златоверхова В.Г.* Метрическая система бирманской классической поэзии // Проблемы восточного стихосложения. Москва, 1973. С. 142–160.
4. *Никулин Н.И.* О стихе вьетнамских поэм XVIII — начала XIX в. // Проблемы восточного стихосложения. Москва, 1973. С.174–182.
5. *Осипов Ю.М.* Литературы Индокитая. Жанры, сюжеты, памятники. Издательство Ленинградского университета, Л., 1980.
6. *Саркисов И.В.* К вопросу о метрической классификации размеров тайской поэзии // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 2. С. 39–49.
7. *Саркисов И.В.* Опыт изучения метрических законов бирманской поэзии // Вестник РГГУ. Серия “Литературоведение. Языкознание. Культурология”. В печати.
8. *Янсон Р.А.* О форме бытования бирманских стихов // Проблемы литератур Дальнего Востока. Санкт-Петербург, 2006. С. 405–410.
9. *Chitakase M.* Thai poetry: problems of translation // Lai Su Thai, Essays in Honour of E.H.S. Simmonds, ed. J.H.C.S. Davidson, London, 1987. Pp. 73–97.
10. *Cooke J.R.* The Thai Khlong Poem: Description and Example // Journal of the American Oriental Society. 1980. Vol. 100. No. 4 (Oct.-Dec.). Pp. 421–437.
11. *Hla Pe, Allot, A.J., Okell, J.* Three ‘immortal’ Burmese songs // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Vol. 26, No. 3 (1963), pp. 559–571.
12. *Hoа Pham, A.* Poetry Translation from a Tonal Language (Vietnamese) to a Non-Tonal Language (English) // Delos. A Journal of Translation and World Literature, 2020. Pp. 128–140.

13. Hudak, T.J. Meta-rhymes in classical Thai poetry // Siamese heritage trust. Vol. 74. 1986. Pp. 38–61.
14. Hudak, T.J. Limericks and rhyme in Thai, Arizona State University, 2001.
15. Marrison, G.E. Chams and their literature // Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society. Vol. 58, No. 2, 1985. Pp. 45–70.
16. Sarkisov I. Pri la klasifikado de la taja poetika metro khlong // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В.А. Плунгяна / Ред. А.А. Кибрик, Кс.П. Семёнова, Д.В. Сичинава, С.Г. Татевосов, А.Ю. Урманчиева. М.: “Буки Веди”, 2020. 684 с. С. 136–140.
17. Yanson R. Sources of written Burmese -ac and related questions in Burmese historical phonology // Journal of Southeast Asian Linguistics Society. Vol. 201.2. University of Hawai'i Press, 2017. Pp. 11–18.
7. Sarkisov, I.V. *Opyt izuchenia metriceskikh zakonornostei birmanoskoj poezii* [Towards a Description of the Metrical Structure of Burmese Poetry], is going to be published in *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*. (In Russ.)
8. Yanson, R.A. *O forme bytovania birmanskih stihov* [On the Form of Being of Burmese Poems]. *Problemy literatury Dalnego Vostoka* [Issues of Far Eastern Literatures]. St. Petersburg, 2006, pp. 405–410. (In Russ.)
9. Chitakasem, M. Thai poetry: problems of translation. Lai Su Thai, Essays in Honour of E.H.S. Simmonds, ed. J.H.C.S. Davidson, pp. 73–97 London, 1987.
10. Cooke, J.R. The Thai Khlong Poem: Description and Example. *Journal of the American Oriental Society*. 1980. Vol. 100. No. 4 (Oct.-Dec.). P. 421–437.
11. Hla Pe, Allot, A.J., Okell, J. Three ‘immortal’ Burmese songs. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. Vol. 26, No. 3 (1963), p. 559–571.
12. Hoa Pham, A. Poetry Translation from a Tonal Language (Vietnamese) to a Non-Tonal Language (English). *Delos. A Journal of Translation and World Literature*, 2020. Pp. 128–140.
13. Hudak, T.J. Meta-rhymes in classical Thai poetry. Siamese heritage trust. Volume 74. 1986. Pp. 38–61.
14. Hudak, T.J. Limericks and rhyme in Thai, Arizona State University, 2001.
15. Marrison, G.E. Chams and their literature. *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 58, No. 2, 1985. Pp. 45–70.
16. Sarkisov, I. *Pri la klasifikado de la taja poetika metro khlong* [On the Classification of Thai Poetic Meter Khlong]. *VAProsy yazykoznanija. Megasbornik nanostatej* [Megacollection of Nanoarticles in the Study of Language]. Moscow, 2020, pp. 136–140. (In Esperanto)
17. Yanson, R. Sources of written Burmese -ac and related questions in Burmese historical phonology. *Journal of Southeast Asian Linguistics Society*. Vol. 201.2. University of Hawai'i Press, 2017. Pp. 11–18.

REFERENCES

1. Burman, A.D. *Nekotorye osobennosti birmanskoy rifmy* [Some Specifics of the Burmese Rhyme]. *Strany i narody Vostoka* [Countries and Nations of the East]. Moscow, 1971, pp. 140–145. (In Russ.)
2. Ivanova, V.A. *Liricheskaya poema “Kamsuan siprat” (2-ya polovina XVIII v.) i stanovlenie zhanra taiskoj literatury nirat* [Lyrical Poem “Kamsuan Siprat” (the 2nd half of XVIII Century) and Forming of Thai Genre Nirat]. Moscow, 2018. (In Russ.)
3. Zlatoverhova, V.G. *Metriceskaya sistema birmanskoy klassicheskoy poezii* [The Metric System of the Classic Burmese Poetry]. *Problemy vostochnogo stihoslozheniya* [Problems of Eastern Versification]. Moscow, 1973. (In Russ.)
4. Nikulin, N.I. *O stihe vietnamskih poem XVIII – nachala XIX vekov* [About Metrics of Vietnamese Poems of 18th–19th Centuries]. *Problemy vostochnogo stihoslozheniya* [Problems of Eastern Versification]. Moscow, 1973. (In Russ.)
5. Osipov, Y.M. *Literatury Indokitaya. Zhanry, syuzhety, pamyatniki* [The Literatures of Indo-China. Genres, Storylines, Literary Monuments]. Leningrad, 1980. (In Russ.)
6. Sarkisov, I.V. *K voprosu o metriceskoi klassifikacii razmerov taiskoj poezii* [On the Question of Metric

*Дата поступления материала в редакцию: 11 сентября 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 25 сентября 2021 г.
Статья принята к публикации: 15 октября 2021 г.
Дата публикации: 31 декабря 2021 г.*

*Received by Editor on September 11, 2021
Revised on September 25, 2021
Accepted on October 15, 2021
Date of publication: December 31, 2021*

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017817-1

Деклинация частоты основного тона: история изучения и природа явления

© 2021 г. А. Э. Костюк

Младший научный сотрудник Института русского языка
имени В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
kostyuk.ae@gmail.com

Резюме. Обзорная работа посвящена истории изучения деклинационных явлений в речи с момента их наиболее ранних упоминаний в научной литературе. В статье дается описание некоторых подходов к измерению и анализу деклинации частоты основного тона (F_0). Для данного явления предлагаются две наиболее распространенные интерпретации: физиологическая и психологическая.

Благодарность: Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ 19-012-00534 А.

Ключевые слова: деклинация, линия деклинации, деклинационные явления, частота основного тона (ЧОТ), F_0 .

Для цитирования: Костюк А.Э. Деклинация частоты основного тона: история изучения и природа явления // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 104–113. DOI: 10.31857/S241377150017817-1

On F_0 Declination Studies: History and Nature of the Phenomenon

© 2021 Alexander E. Kostyuk

Junior Researcher of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka, Moscow, 119019, Russia
kostyuk.ae@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the history of the study of declination in speech since its first references in scientific literature. The article offers a description of some approaches to measuring and analyzing F_0 declination. The two most common interpretations of this phenomenon are described, the physiological one and the psychological one.

Acknowledgements: The work was carried out with the support of the RFBR, project No. 19-012-00534 A.

Key words: declination, declination line, declination phenomena, pitch, F_0 .

For citation: Kostyuk, A.E. *Deklinaciya chastoty osnovnogo tona: istoriya izucheniya i priroda yavleniya* [On F_0 Declination Studies: History and Nature of the Phenomenon]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seria literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 6, pp. 104–113. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017817-1

1. Введение см. ниже) в значительной степени связана с задачей автоматического синтеза звучащей речи. Уже История подробного изучения деклинационных явлений в речи (об этом термине подробнее в самых ранних подходах к решению этой задачи

была поставлена проблема описания и моделирования интонационного контура во всей его полноте и со всеми его интегральными особенностями. Деклинация F_0 от начала речевого сегмента к концу оказалась одним из перцептивно значимых для слушателя элементов.

Практические задачи, тем не менее, оказались неразрывно связаны с вопросами теоретическими. Так, открытие и описание явления деклинации F_0 в речи привели к возникновению целого ряда работ, посвященных его природе и универсальности. Несмотря на весьма высокую степень теоретической и практической проработанности данной области фонетических исследований, далеко не на все вопросы, связанные с явлением деклинации F_0 , на данный момент существует однозначный ответ. Тем не менее, рассмотреть хотя бы в общих чертах основные аспекты существующих на данный момент подходов к выделению, анализу и интерпретации деклинационных явлений в речи представляется важной и интересной задачей.

2. Первые деклинационные исследования

Первым общую тенденцию к понижению F_0 с течением времени произнесения заметил К.Л. Пайк [1]. Пайк выделил более 20 интонационных контуров для английского языка на основе четырех базовых уровней тона: low, medium, high и extrahigh. Уровень тона определялся на ударных слогах, причем фиксировались только те случаи, когда происходило изменение уровня тона (существенное повышение или понижение F_0). В результате описания собранного материала в терминах своей теории Пайк обнаружил тенденцию к понижению уровня F_0 от начала предложения к его концу, предложив для данного явления термин “drift”.

В следующий раз к описанию и анализу данной тенденции обратились лишь спустя почти два десятилетия – в работе [2, р. 833–844] Д. Болинджер обратил внимание на “нисходящий интонационный паттерн” и на примере материала английского и испанского языков предположил для него возможный статус языковой универсалии.

В некотором смысле знаковой статьёй для дальнейшей истории изучения данного явления можно считать работу [3, р. 124–139]. В данной статье авторы не только зафиксировали постепенное понижение F_0 от начальной точки сегмента к его концу, но и предложили для него термин “деклинация” (declination), в дальнейшем и закрепившийся за данным явлением. В их работе деклинация рассматривалась в первую очередь

как удобный концепт в рамках создания мелодической модели нидерландского языка. Для ее описания было предложено ввести специальный конструкт, названный “*линия деклинации*”, который отражал бы общую тенденцию движения F_0 от начала речевого отрезка к его концу. Основным и первоочередным вопросом в отношении интонационной модели языка вообще и деклинации в частности для авторов данной работы была перцептивная значимость колебаний F_0 : изначально предполагалось описывать изменение F_0 без какой-либо оглядки на синтаксис или семантику, фиксировать интонацию как таковую и ее возможное восприятие.

Первичность восприятия в процессе описания различных интонационных явлений естественным образом приводит к необходимости глубокого физического анализа описываемого материала. Попытка ограничиться исследованием тонального контура как такового, безусловно, не приведет к созданию полноценной модели, а изучение различных аспектов восприятия естественным образом приводит к исследованию физиологических аспектов и первопричин различных наблюдаемых явлений.

Примерно в одно время с исследованиями [3] появились и первые попытки смоделировать естественное движение F_0 искусственным путем, из которых наиболее естественный с точки зрения движения F_0 результат был достигнут в работе [4, р. 91–113]. При моделировании интонации достаточно легко задать необходимые точки пиков и падений, которые однозначно релевантны перцептивно, но оставался вопрос: что делать в ситуации, когда на достаточно длительном сегменте высказывания нет никаких явных движений F_0 ? Что представляет из себя “естественный уровень F_0 ”, относительно которого и формируются все перцептивно значимые изменения? Первые ранние модели предлагали в качестве “отправной точки” горизонтальную линию, соответствующую средней естественной высоте F_0 говорящего, но данное решение не позволило получить хоть сколь-нибудь удовлетворительный результат. Последовательное изучение различных интонационных контуров показало, что в среднем наблюдается постепенное снижение уровня F_0 от начала сегмента к его концу: то самое явление, которое впервые было зафиксировано еще в работе [1]. Таким образом, за естественный “эталонный контур” была принята постепенно нисходящая линия, отражающая общее понижение уровня F_0 с течением времени, которая

в дальнейшем станет повсеместно обозначаться как *baseline*.

Перцептивная значимость деклинационных явлений в речи становится более чем очевидной при любой попытке автоматического синтеза интонационных контуров: отсутствие склонения звучит очень неестественно. Это может объяснить, почему в ранних программах автоматического синтеза звучащей речи [4] уже были предприняты шаги по моделированию общего постепенного понижения уровня F_0 в высказывании, хотя на тот момент концепция деклинации еще не была сформулирована и подробно описана. В программе И.Г. Мэттингли предлагаемый при синтезе аналог деклинации F_0 реализуется двумя способами: падения уровня F_0 охватывают больший интервал, чем предшествующие им подъемы, так что последовательные резкие пики и падения становятся все ниже от начала сегмента к его концу; а также в тех частях контура, где не происходит ни подъемов, ни спадов, уровень F_0 падает очень постепенно. Заметим, что второе положение является перцептивно необходимым: когда нет значительных изменений уровня F_0 на длительном отрезке произнесения, отсутствие постепенного снижения вызывает у слушающего тревогу и существенно понижает впечатление естественности.

Таким образом, явление деклинации в современном виде изначально возникло как искусственный конструкт, необходимый исключительно в практических целях: соотносить локальное движение тона со средним уровнем F_0 говорящего; однако деклинация быстро стала неотъемлемой частью многочисленных мелодических моделей, а затем и интонационных исследований вообще. Появился целый ряд работ ([5, р. 683–692]; [6]; [7, р. 363–369]; [8, р. 399–440]; [9, р. 1014–1030]), посвященных исследованию различных аспектов явления деклинации, ее корреляции с длительностью высказывания и его синтаксической структурой. В данных работах предполагается, что некоторые параметры деклинации (например, скорость падения или возвращение на базовый уровень тонального регистра, так называемый *resetting*) задаются еще на этапе планирования высказывания в связи с наличием их корреляции с различными контролируруемыми синтаксическими параметрами. Подобная гипотеза приводит к перемещению явления деклинации из категории естественных физиологических неконтролируемых механизмов (в данном случае — связанных с фонацией и уровнем подсвязочного давления) в раздел явлений хотя бы в некоторой

мере контролируемых, а следовательно, связанных с движениями мышечного аппарата гортани.

С учетом наличия большой и когда-то весьма бурной дискуссии вокруг явления деклинации, многочисленных работ с интересными противоречивыми результатами было бы странно по какой-либо причине продолжать воспринимать ее как прикладной конструкт, а не как сложное лингвистическое явление, заслуживающее подробного изучения. Несмотря на свою кажущуюся простоту, деклинация долгое время была предметом оживленных споров и весьма сложных экспериментальных исследований с целью поставить финальную точку в изучении ее природы.

3. Подходы к измерению и анализу деклинации F_0

Еще до появления надежных способов измерить F_0 общую тенденцию к понижению F_0 от начала сегмента к его концу можно было определить даже перцептивно, без использования точных измерительных приборов [1]. Однако далеко не в каждом случае определить наличие деклинации возможно невооруженным глазом. В работе [10, с. 254–273] предлагается считать нижнюю линию деклинации за основу, “референс”, относительно которого выстраиваются остальные подъемы и падения F_0 в интонационном контуре.

В той или иной форме представление тонального контура в виде суперпозиции локальных подъемов и спадов F_0 на нисходящей деклинационной линии (или между двумя нисходящими деклинационными линиями, в зависимости от используемой модели) оказалось применимо при изучении интонации на материале различных языков: американский английский [11]; [12, р. 985–995], британский английский [13, р. 54–58], французский [14, р. 236–263]; [15, р. 1319–1332], японский [16, р. 133–136], датский [9], шведский [17], русский [18, р. 1–5]. Еще в работе [19, р. 47–62] отмечалось, что в некоторых тоновых языках также наблюдается явление, названное автором “*down-drift*”, не связанное непосредственно с тоновой структурой языка и в целом весьма напоминающее деклинацию. В дальнейшем появились исследования на материале китайского языка [20, р. 67–74], в которых действительно было зафиксировано наличие ожидаемых деклинационных явлений.

Вероятно, первая попытка установить эмпирическое правило для описания наклона (нижней) деклинационной линии была предпринята в работе [11]. Автор отметил, что для одного диктора конечный уровень F_0 в каждом из его высказываний приблизительно идентичен. Далее он

заметил, что разница между начальными и конечными значениями F_0 (так называемые onset и offset соответственно) примерно постоянна независимо от длительности произнесенного фрагмента (которая варьировалась между 1,7 и 2,8 с). Следовательно, уровень (r) деклинации становится больше при уменьшении длительности произносимого фрагмента. Формула, которую привел в своей работе С. Маэда, выглядит следующим образом:

$$r = \Delta F/t,$$

где ΔF — среднее значение для каждого диктора (около 20–30 Гц для большинства мужских голосов). До этого в работе по синтезу интонации [21, р. 53–60] были предложены две формулы, которые не вычисляют уровень деклинации отдельно, но тем не менее включают уровень деклинации в общее описание тонального контура. В уже упоминавшейся статье [22, р. 177–192] использовался простой подсчет процента падения уровня F_0 за единицу времени.

4. Физиологические механизмы деклинационных явлений

Ранее в ряде работ утверждалось, что явление деклинации представляет собой, в сущности, искусственный конструкт, не присутствующий непосредственно в человеческой речи — движение F_0 в большинстве случаев можно описать как колебания между двух пограничных линий деклинации, ограничивающих подъем тона на пиках и падения на безударных слогах, но в абсолютном большинстве случаев интонационные контуры не бывают линейными. Выше мы уже разобрали наиболее значимые контраргументы к этой позиции, наиболее ранним и подробным из которых, по мнению автора, может служить монография [11]. Отметим, однако, что помимо систематического наблюдения деклинационных явлений в человеческой речи линия деклинации может быть найдена даже в звуковых последовательностях, издаваемых приматами, — это явление было обнаружено и описано в работе [23, р. 363–369]. Данное открытие является весомым аргументом для дальнейшего изучения деклинационных явлений, однако причина возникновения подобных явлений в речи до сих пор является предметом оживленной научной дискуссии.

Естественная тенденция уровня F_0 к постепенному падению с течением времени должна проистекать из какого-то особого свойства механизма, который регулирует скорость вибрации голосовых складок. Можно предположить, что это свойство является особым в том смысле, что

его эффект проявляется независимо от действия тех компонентов механизма, которые отвечают за локальные подъемы и спады F_0 .

По сравнению с обычным дыханием речепроизводство требует увеличения продолжительности выдоха. Это возможно благодаря активности внешних межреберных мышц, необходимой для предотвращения обычно довольно быстрого уменьшения размеров грудной полости [24, р. 141–151]. Однако из-за расхода воздуха уровень подвязочного давления P_s быстро понижается, так что фонация становится невозможной. В качестве контрмеры говорящий уменьшает грудную полость, просто расслабляя внешние межреберные мышцы. Очевидно, баланс между уменьшением P_s и данной контрмерой таков, что постепенное понижение уровня P_s остается, однако скорость его существенно замедляется. Поскольку, при прочих равных условиях, уровень F_0 пропорционален падению давления в надгортанной области, а давление внутри ротовой полости при этом постоянно (при усреднении по сотням миллисекунд), уровень F_0 пропорционален P_s .

Согласно имеющимся физиологическим данным, этот компонент контроля уровня F_0 и другой, т.е. степень напряжения голосовых складок, имеют уникальные, не пересекающиеся обязанности: в первом приближении, постепенное снижение P_s отвечает за феномен деклинации, тогда как мускулатура гортани регулирует контролируемое напряжение голосовых складок, которое вызывает резкие подъемы и падения F_0 .

Хотя неясно, почему в речи баланс, упомянутый выше, таков, что уровень F_0 все же медленно понижается (в конце концов, человек во время пения может легко поддерживать постоянную высоту тона в течение значительного времени), данная модель все же достаточно проста. Тем не менее, она объясняет наблюдения, отмеченные в работе [25, р. 249–255]: в двух фрагментах, содержащих относительно длинный отрезок несущего тона, скорость падения уровня F_0 хорошо коррелировала со скоростью снижения P_s , поскольку отношение $\Delta P_s / \Delta F_0$ соответствовало общепринятому значению 1/5 [24]. Мышечная активность гортани в этих высказываниях не коррелировала каким-либо прямым образом с наблюдаемым уровнем деклинации.

Остановимся подробнее на исследовании Р. Коллье. В своей работе [25] он предлагает подробный анализ физиологической стороны интонационных явлений в речи, при этом значительная часть работы посвящена поиску физиологического коррелята деклинационных явлений.

Эксперимент Коллье по изучению влияния уровня подсвязочного давления и активности мышечного аппарата гортани на частоту вибрации голосовых связок выглядел следующим образом: подсвязочное давление измерялось напрямую с помощью катетера между перстневидным и щитовидным хрящами; активность сокращения перстнещитовидной мышцы (а также грудино-подъязычной, грудино-щитовидной и щитоподъязычной мышц) измерялась путем подключения специальных электродов. Согласно полученным в результате измерений данным, изменение F_0 наиболее явным образом коррелировало именно с изменением активности сокращения перстнещитовидной мышцы: ее сокращение вызывало повышение F_0 , в то время как при ее расслаблении наблюдалось общее понижение F_0 . Следует отметить, однако, что подсвязочное давление Коллье назвал именно тем фактором, который отвечает за характер движения bottom line и плавное понижение F_0 от начала сегмента к концу, т.е., фактически, отвечает за деклинацию.

Взаимосвязь двух основных физиологических коррелятов интонации при речепорождении была сформулирована Коллье следующим образом: постепенное понижение F_0 определяется плавным понижением подсвязочного давления, в то время как все контролируемые отклонения от деклинационной линии (подъема и падения F_0) вызваны сокращениями перстнещитовидной мышцы. Коллье отмечал, что, несмотря на отсутствие у него каких-либо данных о влиянии других мышц гортани на интонационный контур (в исследовании [25] экспериментальным путем их влияние зарегистрировано не было), он не отрицает возможность их участия в формировании интонационного контура; кроме того, потенциально возможны и другие модели порождения интонации, которые не были зафиксированы ввиду отсутствия соответствующего исходного материала. Тем не менее, комбинация подсвязочного давления и сокращения перстнещитовидной мышцы считаются основными физиологическими коррелятами изменения F_0 .

Схожий результат был зафиксирован в работе [11], где С. Маэда предложил свой вариант простой модели речепорождения, учитывающей существование деклинационных явлений. В его данных скорость понижения F_0 была больше, чем можно было объяснить предполагаемым (но не измеренным) снижением P_s . Поэтому Маэда предположил дополнительную, механическую связь между уменьшением объема легких и деклинацией: сокращающиеся легкие постепенно

оттягивают вниз трахею, и это движение трахеи вызывает поворот перстневидного хряща, что приводит к постепенному сокращению голосовых складок и, следовательно, к постепенному снижению скорости их вибрации. Маэда проверил свою гипотезу об оттягивании трахеи на двух различных высказываниях и не нашел причин от нее отказаться.

Гипотезы в [25] и [11] сходятся в том, что феномен деклинации приписывается особенностям дыхательной системы. Электромиографические данные, полученные этими авторами в данных исследованиях, не содержат никаких указаний на то, что мускулатура гортани каким-либо образом участвует в контроле явления деклинации.

Однако изучение физиологической основы деклинационных явлений было далеко от своего завершения. Дальнейшие исследования Коллье привели к появлению работы [26, р. 354–360], которая целиком посвящена исследованию непосредственно тех физиологических явлений и закономерностей, которые обуславливают наличие деклинационных явлений в речи. Следует отметить, что к этому моменту “деклинация” вполне устойчиво закрепилась в многочисленных работах не только как термин, обозначающий некоторый удобный рабочий конструкт в прикладных исследованиях, но и как вполне естественная особенность речепорождения, присущая каждому интонационному контуру [10]. В связи с этим возникла необходимость исследования и описания физиологической природы данного явления, дать объяснение причинам его появления.

На тот момент большая часть работ (включая [25]) основное внимание уделяла исследованию контролируемых изменений F_0 в интонационном контуре, т.е. подъемам и падениям, которые могут порождаться говорящим совершенно сознательно. Данные изменения, как было неоднократно показано ранее [24], обусловлены изменением напряжения голосовых связок, что, в свою очередь, реализуется путем сокращения или расслабления перстнещитовидной мышцы (а также ряда других мышц гортани, хотя и в значительно меньшей степени [25]). При этом изменение подсвязочного давления играет крайне малую роль в резких скачкообразных изменениях F_0 [27, р. 211–222]; [28, р. 5–39]. С другой стороны, постепенное понижение F_0 от начала сегмента к его концу могло объясняться в первую очередь именно динамикой изменения подсвязочного давления, хотя работ, посвященных изучению физиологической стороны именно деклинационных явлений в речи, на тот момент не было. Работа [26] целиком

направлена на исследование и заполнение этой лакуны в области фонетических исследований.

Исследование проводилось на материале сконструированных отдельных высказываний длиной от 5 до 18 слогов (длительность каждого сегмента, таким образом, варьировалась в диапазоне от 0.7 до 3 секунд). В каждом высказывании было не более двух акцентов (маркированных восходяще-нисходящим тоном), остальная часть должна была быть максимально близка к деклинационной линии F_0 . При произнесении стимульного материала у испытуемого измеряли следующие показатели: подсвязочное давление P_s (с помощью пункции трахеи над первым трахейным кольцом), мышечную активность перстнещитовидной и грудино-подъязычной мышц (с помощью электродов) по алгоритму [29, p. 70–83].

В результате исследования Коллье была получена строгая корреляция F_0 и P_s : на всех высказываниях наблюдалось практически идентичное изменение значений за исключением участков с резкими скачкообразными изменениями (т.е. с сознательной акцентуацией). Таким образом, взаимосвязь подсвязочного давления и деклинации F_0 была однозначно подтверждена, а изменение подсвязочного давления оказалось основным физиологическим фактором, отвечающим за изменение F_0 .

Однако полученные Коллье точные значения P_s свидетельствовали о том, что, являясь основной причиной деклинационных явлений, уровень подсвязочного давления при этом не мог быть причиной единственной. Согласно вычислениям, представленным в [30, p. 1271–1275], величина P_s/F_0 должна лежать в диапазоне между 1/3 и 1/7, если это единственный влияющий на деклинацию фактор, при этом в части результатов из [26] значения доходят до 1/11. Таким образом, необходимо найти другие факторы, которые могут быть причиной возникновения деклинационных явлений. Сокращение или расслабление перстнещитовидной и грудино-подъязычной мышц при деклинационных изменениях F_0 наблюдалось, но недостаточно последовательно. Коллье предположил, что деклинация возникает не только как побочный продукт дыхательного процесса в результате изменения давления, но и частично обусловлена сокращениями мышечного аппарата гортани, однако однозначно определить все ответственные за это факторы ему не удалось.

5. Психологическая мотивация деклинационных явлений в речи

В 1977 г. в работе [31] постулируется гипотеза, что деклинация регулируется все-таки именно

мышечным аппаратом гортани. Предлагаемые там рассуждения выглядят следующим образом: скорость деклинации F_0 заранее запрограммирована говорящим, который использует стратегию предвосхищения, принимая во внимание длину высказывания и его синтаксическую структуру; следовательно, деклинация является частью лингвистического кода. Поскольку все лингвистически значимые различия уровня F_0 осуществляются с помощью мышц гортани, склонение также должно контролироваться этими мышцами. Эта гипотеза, безусловно, противоречит наблюдениям о взаимосвязи постепенного понижения уровня подсвязочного давления PS и уровня F_0 , однако гипотеза о программировании деклинации и ее лингвистической природе не лишена смысла.

Ряд исследований, видимо, подтверждает гипотезу о том, что уровень деклинации заранее программируется говорящим. В работе [32] было обнаружено, что для перцептивной идентичности уровня F_0 на двух пиках в одном интонационном контуре, содержащем ровно два таких пика, второй должен быть несколько ниже первого; только тогда они воспринимаются слушающим как одинаковые. Это может быть интерпретировано как указание на наличие общего знания у говорящего и слушающего о постепенном снижении уровня пиков для произвольного высказывания. Результаты в [9] указывают на очень специфическую форму предварительного программирования: в датском языке угол наклона линии деклинации зависит от категории предложения: наибольший для утвердительных предложений, меньше в синтаксически маркированных вопросах и практически нулевой в синтаксически немаркированных вопросах. Поскольку такие лингвистические различия, по-видимому, закодированы в самой деклинации, трудно понять, как их можно объяснить автоматическим побочным продуктом регуляции дыхания во время речи.

Не обращая внимания на причины явления деклинации и принимая во внимание деклинацию только на акустическом и перцептивном уровнях, в [8] авторы выводят из связи между уровнем наклона деклинационных линий и длительностью произносимого фрагмента психологический подтекст о наличии механизма предвосхищения со стороны говорящего. По их мнению, отличному от гипотезы С. Маэда [11], от длительности произнесения зависит не только угол наклона деклинационных линий, но и начальное значение F_0 (onset): при длинном предложении говорящий начинает с более высокого уровня F_0 ,

чем при произнесении короткого предложения. В работе, однако, есть замечание, что механизм предвосхищения не всегда работает безупречно в спонтанной речи.

Другое следствие вырисовывается, если, как это сделано в работе [8], задаться вопросом, в какой области говорящий применяет деклинацию. Учитывая, что синтаксическая единица, на которую распространяется деклинация, не обязательно должна быть полным предложением, можно предположить, что особенно длинные предложения делятся на две или более частей, каждая из которых имеет свою собственную деклинационную линию. Наиболее подходящими кандидатами на такие части являются клаузы. Поэтому на границах клауз следует ожидать наличие реста (“reset”, деклинационный сброс). В [5] высказывается более конкретное предположение, что это может произойти на границе двух клауз, соединенных сочинительной связью, но не между основной и вложенной клаузами. Тогда авторы не нашли никаких доказательств этой гипотезы, но в работе [8] они постарались проверить ее валидность.

Сначала они определяют “полный сброс” (“complete resetting”) как случай, когда все клаузы имеют идентичную деклинационную линию, с одинаковым углом наклона и начальными значениями вершин. Это было бы наиболее очевидно при сравнении значений уровня F_0 пика перед границей (P_k) и пика на слове, следующем за границей (P_{k+1}). Последний должен быть значительно выше первого, фактически на том же уровне, что и самый первый пик в предшествующей клаузе. Купер и Соренсен заметили, что при соединении клауз сочинительной связью они действительно наблюдали это свидетельство сброса верхней деклинационной линии. Однако при этом они отмечали, что более высокое значение уровня F_0 для P_{k+1} может быть вызвано дополнительной акцентуацией этого слова и в отсутствие сброса.

Кроме того, может произойти “частичный сброс” (“partial resetting”): во второй клаузе начинается новая деклинационная линия, но с меньшим углом наклона и/или меньшим начальным значением. В последнем случае также прогнозируется, что P_{k+1} будет выше, чем P_k , но ниже, чем первый пик в первой клаузе.

В [8] также предлагается улучшенный тест на сброс: несколько пиков перед границей основной клаузы должны быть сравнены с их аналогами после границы, и в каждой подобранной паре второй пик должен быть таким же высоким, как и первый. В работе [6] проводится вариант такого

улучшенного теста с двумя совпадающими парами предложений. В одном предложении четыре последовательных пика принадлежат одной и той же синтаксической составляющей; в другом первый пик возникает перед границей главной клаузы, тогда как три следующих — в начале второй. Согласно гипотезе, последние три пика должны быть систематически выше своих аналогов. Предсказание подтвердилось для первых двух пиков, следующих за границей, но не для третьего. Поэтому Купер и Соренсен отвергли сильную версию своей гипотезы.

В работе [33, р. 187–220] на датском материале была показана зависимость угла наклона линии деклинации от типа высказывания: наиболее ярко ее падение было заметно в повествовательных предложениях, в то время как для вопросов она зачастую была практически горизонтальной. Наличие вариативности в значениях угла наклона деклинационной линии позволяет поставить под сомнение ее исключительно физиологическую природу и предположить наличие возможного контроля над деклинационными явлениями со стороны говорящего (в том числе и несознательного). В дальнейшем в работе [34, р. 403–321] была продемонстрирована корреляция некоторых параметров линии деклинации с различными языковыми явлениями: так, например, наклон линии деклинации зависит от длины высказывания, “обнуляясь” на границе синтаксической составляющей (т.е. нижняя точка линии деклинации обнаруживается на последнем слоге составляющей, и для каждой составляющей методологически верно строить новую линию деклинации, явление Reset). Таким образом, согласно Коллье, можно говорить о формировании линии деклинации на этапе планирования высказывания.

Следует заметить, что в большинстве работ, посвященных изучению деклинационных явлений, использовалось в качестве материала так называемая подготовленная звучащая речь, т.е. подготовленное чтение текста. Однако исследования на материале спонтанной звучащей речи (т.е. неподготовленного речепорождения) также показали наличие в ней соответствующих деклинационных явлений [35, р. 838].

Среди более современных исследований подготовленного речепорождения можно отметить работу [20], посвященную изучению деклинации F_0 в речи дикторов новостных программ на английском и китайском (мандаринском) языках. Результаты подтверждают наличие зависимости между длиной высказывания и углом наклона

линии деклинации (впервые отмеченной еще в работе [33]): для коротких высказываний характерно более резкое падение, даже если не учитывать начальный подъем и конечное падение (так называемые краевые явления, описанные еще в работе [36]). Начальная (максимальная) точка деклинационной линии расположена тем выше, чем длиннее предложение, в то время как уровень конечной (минимальной) точки не зависит от длины предложения [37, с. 71–82]. Кроме того, деклинация проявляется как на bottom line, так и на top line. Отдельно следует заметить, что, в то время как для английского языка характерна схожая структура верхней и нижней деклинационных линий, для китайского (мандаринского) языка обнаруживаются некоторые различия. Кроме того, угол наклона для китайского (мандаринского) языка больше (т.е. более резкое падение), чем для английского, а тональный диапазон говорящего более широкий. Как следствие, авторы данного исследования предполагают, что деклинационные явления обусловлены не только физическими и физиологическими явлениями, но также контролируются лингвистически, т.е. являются в определенной степени произвольными и варьируются в зависимости от языка говорящего.

Еще одно свидетельство в пользу лингвистического контроля явления деклинации F₀ приводится в работе [18]. Данная работа была выполнена на материале русскоязычного корпуса CORPRES (Corpus of Russian Professionally Read Speech), который включает в себя более 60 часов записанной звучащей речи 8 информантов в различных разговорных стилях, аннотированной на шести различных уровнях просодической и фонетической разметки (включая различные дополнительные метаданные). В результате анализа корпусных данных было получено статистическое подтверждение зависимости между углом наклона линии деклинации F₀ и длиной высказывания для русского языка: чем короче высказывание, тем больше угол наклона. Кроме того, была обнаружена последовательная корреляция между углом наклона линии деклинации и интонационной структурой высказывания: так, на финитных единицах угол наклона был больше, чем на нефинитных; для общих вопросов с повышением тона в ядерной части характерно отсутствие деклинации в преядерной части. Также имеющийся материал позволил выдвинуть гипотезу о наличии индивидуальных стратегий выбора угла наклона линии деклинации на этапе планирования высказывания. Данные результаты представляют собой дополнительный аргумент

против исключительно физиологического подхода к анализу деклинационных явлений в интонации. Следует отдельно заметить, что в работе [18] в качестве линии деклинации использовалась top line (“линия плато”), в отличие от большинства других исследований.

В исследовании [38] были построены линии деклинации для детской речи в возрасте 9 месяцев (переходная стадия от детского лепета к первым словам) и 36 месяцев (стадия усвоения грамматики и построения простых предложений) для одних и тех же детей. В эксперименте использовались независимые переменные “возраст” и “коммуникативная ситуация”. В качестве значений для второй переменной использовались ситуации произвольного лепетания и “речепорождения” при контакте со взрослыми. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что в свободном детском лепете явление деклинации будет отсутствовать в связи с полной его произвольностью и отсутствием каких-либо ограничений, в том числе и по фонации, так как зачастую совершенно естественным является переход от скрипучего голоса к крику; в свою очередь, при контакте со взрослыми должны были быть зафиксированы некоторые случаи появления деклинационных явлений. Кроме того, предполагалось, что деклинационные явления связаны с усвоением языка ребенком и поэтому непосредственно коррелируют с возрастом, проявляясь все отчетливее у более взрослых детей. В целом гипотеза статистически подтвердилась — наличие и отчетливость деклинационных явлений оказались напрямую связаны как с параметром возраста, так и с текущей коммуникативной ситуацией. Таким образом, была сформулирована следующая зависимость: чем больше ребенку требуется контроля над своим речепорождением (коммуникативная ситуация) или чем выше его собственный уровень контроля речепорождения (повышающийся непосредственно при усвоении языка), тем более частотны в его речи деклинационные явления. В дальнейшем данные предположения также подтвердились в работе [39], где были исследованы группы детей в возрасте от 9 до 48 месяцев и также была обнаружена зависимость между освоением просодических речевых стратегий и частотой деклинационных явлений в речи. Данный вывод также является важным аргументом в пользу “деклинационной теории”.

6. Заключение

Независимо от нашей интерпретации природы явлений, обуславливающих наличие в речи тенденции к постепенной деклинации F₀ от начала

речевого отрезка к его концу, мы не можем отрицать их существование и, насколько это известно на данный момент, в определенной степени универсальный характер. Современная фонетика прошла долгий путь от первого упоминания термина “drift” до сложных компьютерных моделей синтеза речи, где деклинация F_0 является неотъемлемой и очевидной частью относительно естественно звучащего речевого сигнала. На протяжении многих лет интерес к деклинационным явлениям независимо возникал в совершенно разных коллективах исследователей в связи с появлением новых теоретических задач и гипотез. Но, несмотря на уже весьма высокую степень проработанности данной области фонетической науки, деклинационные исследования все еще не достигли той степени завершенности и полноты, которую можно было бы назвать убедительным итогом. В этой области еще много вопросов, не только не получивших ответа, но и даже не поставленных, что позволяет надеяться на появление новых значительных исследований этой проблематики в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Pike K.L. The intonation of American English. University of Michigan. Ann Arbor, 1945. 200 p.
2. Bolinger D.L. Intonation as a universal. Proc. IXth Int. Congr. Linguists, Cambridge, 1962. Pp. 833–844.
3. Cohen A., ‘t Hart J. Perceptual analysis of intonation patterns. Proc. Vth ICA, Liège, 1965. V. 16. P. 124–139.
4. Mattingly I.G. Synthesis by rule of prosodic features. Lang. Speech. 1966. V. 2. P. 91–113.
5. Cooper W.E., Sorensen J.M. Fundamental frequency contours at syntactic boundaries. J. acoust. Soc. Am. 1977. V. 62. P. 683–692.
6. Cooper W.E., Sorensen J.M. Fundamental frequency in sentence production. Springer, New York. 1981. 213 p.
7. Pierrehumbert J. The perception of fundamental frequency declination. J. acoust. Soc. Am. 1979. V. 66. P. 363–369.
8. Sorensen J.M., Cooper W.E. Syntactic coding of fundamental frequency in speech production; in Cole Perception and production of fluent speech. Lawrence Erlbaum Ass., Hillsdale. 1980. P. 399–440.
9. Thorsen N. A study of the perception of sentence intonation – evidence from Danish. J. acoust. Soc. Am. 1980. V. 67. P. 1014–1030.
10. Cohen A., Collier R., ‘t Hart J. Declination: construct or intrinsic feature of speech pitch? Phonetica. 1982. V. 39. No. 4–5. P. 254–273.
11. Maeda S. A characterization of American English intonation. PhD thesis MIT Cambridge. 1976. 334 p.
12. Pierrehumbert J. Synthesizing intonation. J. acoust. Soc. Am. 1981. V.70. P. 985–995.
13. de Pijper J.R. A melodic model of British English intonation. IPO Annu. Progr. Rep. 1980. No. 15. P. 54–58.
14. Vaissière J. Perception of intonation. The handbook of speech perception. 2005. P. 236–263.
15. Delgutte B. Technique for the perceptual investigation of F_0 contours with application to French. J. acoust. Soc. Am. 1978. V. 64. P. 1319–1332.
16. Fujisaki H., Sudo H. Synthesis by rule of prosodic features of connected Japanese. Akadémiai Kiadó, Budapest. 1971. V. 3. P. 133–136.
17. Bruce G. Swedish word accents in sentence perspective. Glerup, Lund. 1977. 163 p.
18. Kocharov D., Volskaya N., Skrelin P. F_0 declination in Russian revisited. Proceedings of the 18th International Congress of Phonetic Sciences, TSC for ICPHS. 2015. V. 293. P. 1–5.
19. Meyers L. Tone patterns in Hausa: a re-analysis of Hausa downdrift. UCLA Working Papers in Phonet. 1974. No. 27. P. 47–62.
20. Yuan J., Liberman M. F_0 declination in English and Mandarin broadcast news speech. Speech Communication. 2014. V. 65. P. 67–74.
21. Fujisaki H., Nagashima S. A model for synthesis of pitch contours of connected speech. Annu. Rep., Eng. Res. Inst., Fac. Eng., Univ. Tokyo. 1969. No. 28. P. 53–60.
22. Cohen, A., ‘t Hart J. On the Anatomy of Intonation, Lingua. 1967. V. 19. P. 177–192.
23. Hauser M.D., Fowler C.A. Fundamental frequency declination is not unique to human speech: Evidence from nonhuman primates. The Journal of the Acoustical Society of America. 1992. V. 91. No. 1. P. 363–369.
24. Ladefoged P. Linguistic Aspects of Respiratory Phenomena. Ann. N.Y. Acad. Sci. 968. V. 155. P. 141–151.
25. Collier R. Physiological correlates of intonation patterns. The Journal of the Acoustical Society of America. 1975. V. 58. No. 1. P. 249–255.
26. Collier R., Geifer C.E. Physiological explanations of F_0 declination // Proceedings of the Tenth International Congress of Phonetic Sciences. 1984. P. 354–360.
27. Atkinson J.E. Correlation analysis of the physiological features controlling fundamental voice frequency. J. Acoust. Soc. Am. 1978. V. 63. P. 211–222.
28. Ohala J. Production of tone // Tone: a linguistic survey. New York, Academic Press. 1978. Pp. 5–39.
29. Harris K.S. Electromyography as a technique for laryngeal investigation. In: C.L. Ludlow and M.O. Hart (Eds.), ASHA Reports: Proceedings of the

- Conference on the Iismimment of Vocal Pathology. 1981. P. 70–83.
30. *Baer T.* Reflex activation of laryngeal muscles by sudden induced subglottal pressure changes. *J. Acoust. Soc. Am.* 1979. V. 65. P. 1271–1275.
31. *Breckenridge J.* Declination as a phonological process. Murray Hill, NJ: Bell System Technical Memorandum. 1977.
32. *Breckenridge J., Liberman M.Y.* The declination effect in perception. Unpublished paper, available from Bell Laboratories, Murray Hill, NJ. 1977.
33. *Thorsen N.* Standard Danish sentence intonation – Phonetic data and their representation. *Folia Linguistica.* 1983. V. 17. No. 1–4. P. 187–220.
34. *Collier R.* F₀ declination: The control of its setting, resetting, and slope // Laryngeal function in phonation and respiration. 1991. P. 403–421.
35. *Remez R.E., Rubin P.E., Ball S.* Sentence intonation in spontaneous utterances and fluently spoken text. *The Journal of the Acoustical Society of America.* 1985. V. 77. No. S1. P. 838.
36. *Pierrehumbert J.* The phonology and phonetics of English intonation. Massachusetts Institute of Technology. 1980. 401 p.
37. *Кривнова О.Ф.* Составляющая несущего тона в структуре мелодической кривой фразы // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М.: Изд-во Московского Университета, 1975. С. 71–82. [*Krivnova, O.F. Sostavlyayushchaya nesushchego tona v strukture melodicheskoy krivoj frazy* [F₀ Baseline in the Structure of Melodic Curve of a Phrase]. *Issledovaniya po strukturnoj i prikladnoj lingvistike* [Studies on Structural and Applied Linguistics], Moscow, MSU Publ., 1975, pp. 71–82. (In Russ.)].
38. *Konopczynski G.* F₀ Declination Line: New Evidence From Infants and Children’s Speech (9–36 Months), a Preliminary Research. *Intonation: Theory, Models and Applications.* 1997. P. 199–202.
39. *Dodane C.* Fo declination line: more evidence from infants’and children’s speech (9–48 months). San Francisco, 1999, pp. 2161–2164.

Дата поступления материала в редакцию: 4 октября 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 12 октября 2021 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2021 г.

Дата публикации: 31 декабря 2021 г.

Received by Editor on October 4, 2021

Revised on October 12, 2021

Accepted on October 15, 2021

Date of publication: December 31, 2021

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017818-2

Экхарду Вайеру in memoriam (29.12.1939 – 12.01.2021) To Eckhard Weiher in memoriam (December 29, 1939 – January 12, 2021)

2021 год начался с тяжелой потери для славянской филологии: от нас ушел Экхард Вайер, профессор славянского языкознания Фрайбургского университета, один из известнейших филологов-медиевистов, издатель древнеславянских рукописей, интереснейший ученый, учитель и коллега, увлекший научной работой не одно поколение славистов в Германии и за ее пределами.

Экхард Вайер родился 29 декабря 1939 г. в Кёнигсберге в семье налогового инспектора. По окончании войны семья переехала в Гамбург, где Вайер в 1959 г. закончил гимназию. С Кёнигсбергом Экхард Вайер сохранял живую связь и рассказывал нам, как приезжал в родной город. После окончания гимназии Вайер поступил в Саарский университет в Саарбрюкене, где стал изучать славянскую филологию, германистику, философию, классическую филологию и индоевропейское языкознание. Соединение методов всех этих дисциплин стало определяющим в его подходе к изучению древнеславянских текстов.

В 1963 г. по окончании Саарского университета Вайер стал научным ассистентом своего учителя Рудольфа Айцетмюллера в Тюбингенском университете. В Саарском университете в 1965 г. под руководством Линды Садник Вайер защитил свою первую диссертацию, посвященную среднецерковнославянскому переводу “Диалектики” Иоанна Дамаскина (первая часть богословского трактата “Источник знания”), выполненному в XIV в., вероятнее всего, на Афоне. Монография на основе диссертации была опубликована в 1969 г. [1]. Из области древней южнославянской филологии фокус научных интересов Вайера сместился на восток славянского мира: после перехода в 1967 г., вслед за Айцетмюллером, в Вюрцбургский университет Вайер в 1970 г. защитил вторую диссертацию (Habilitation), посвященную негативному сравнению в русском фольклоре. Этот труд тоже опубликован в виде монографии [2]. Впоследствии Вайер работал приват-доцентом в Вюрцбургском, Гисенском и Гёттингенском

университетах. В 1976 г. он принял приглашение занять место ординарного профессора славянской филологии во Фрайбургском университете, где проработал с 1977 г. до выхода на пенсию в марте 2005 г.

Основной предмет исследований Вайера составляют история славянских языков и работа с первоисточниками, причем широта его научных интересов находится в полном соответствии со строгими канонами немецкой славистической школы. Свое научное внимание он уделял праславянскому языку и польской исторической фонологии [3]; [4]; [5], сорабистике [6] и древнерусской литературе [7]; [8], однако главный вклад в славистику был сделан им в работах по древней южнославянской филологии, с которой началась его научная деятельность. Особое внимание в статьях и книгах Вайера уделяется технике древних славянских переводов Первого Болгарского царства и афонской традиции XIV в. (которая зачастую характеризуется интенсивным взаимодействием среднеболгарских и древнесербских особенностей), филологическому и историко-философскому анализу древнецерковнославянской богословской терминологии [9]; [10]; [11]. В развитие избранной им палеославистической тематики Э. Вайер в соавторстве с Ф. Келлером и Х. Микласом издал второй, среднецерковнославянский афонский перевод “Богословия” Иоанна Дамаскина (древнейшие свидетели текста – сербская и болгарская рукописи XIV в.) [12]. За свой вклад в изучение древней южнославянской письменности Экхард Вайер в 2001 г. был удостоен звания почетного доктора Шуменского университета, а в 2005 г. награжден болгарской академической медалью им. Марина Дринова.

Особенно широко раскрылся масштаб личности Экхарда Вайера в его издательской и редакторской деятельности. В 1976 г. он стал соиздателем серии *Monumenta linguae slavicae dialecti veteris: fontes et dissertationes* (MLS), основанной в начале 1960-х годов Линдой Садник и Рудольфом

Айцетмюллером. Серия открылась в 1964 г. репринтным воспроизведением первого издания Остромирова Евангелия. До девятого тома включительно серия публиковалась в издательстве “Harassowitz”, однако за публикацию десятого и последующих томов ни это, ни какое-либо другое профессиональное издательство не бралось по финансовым соображениям. В этой ситуации филологи – редакторы серии приняли решение основать собственное, исключительно научное славистическое издательство, известное сегодня как “Weiher Verlag”. На его официальном сайте рассказывается, что первоначально «руководство издательством приняла Урсула В. Вайер, в те годы супруга Э. Вайера, которая, занимаясь книжной торговлей, обладала соответствующими профессиональными знаниями (“U(rsula) W(ilhelmina) Weiher Verlag”). Пригодились и знания по бухгалтерии и налогам самого Экхарда Вайера, чьи родители профессионально занимались налоговыми консультациями» [13]. В сотрудничестве с вюрцбургским “Jal-Verlag” издательство “UW Weiher Verlag” опубликовало в 1975, 1980 и 1984 гг. три тома Жития Иоанна Златоуста, подготовленного Э. Ханзаком (MLS, тт. 10, 13, 18). Остальные тома серии MLS, вышедшие после 1975 г., издавались в Вюрцбурге и во Фрайбурге в издательстве “UW Weiher”, позднее “Weiher”, единственным руководителем которого с 1995 г. стал Э. Вайер. После смерти Л. Садник († 1998) и Р. Айцетмюллера († 2000) он остался единственным редактором серии MLS.

Под редакцией Экхарда Вайера было издано более 50 томов этой единственной в мире палеославистической серии, осиротевшей с его уходом. Описать тематический диапазон изданий под редакцией Вайера невозможно: чтобы указать на содержательное разнообразие серии MLS, вспомним, например, пятитомник “Древнецерковнославянский (древнеболгарский) синтаксис” Р. Вечерки, без которого не обходится ни одно современное исследование древнеславянской грамматики, и издание старопольских “Размышлений Пшемьслских” (Rozmyślanie Przemyskie) Ф. Келлера и В. Твардзика, а также многие другие монографии по древней славянской письменности и публикации важнейших рукописных источников. Без преувеличения, эта серия отражает историю древней славянской письменности в ее обширном жанровом, географическом и языковом многообразии. В ней представлена и значительная часть истории германской палеославистики последней четверти XX – первых полутора десятилетий XXI в. В рамках серии Экхард Вайер и его коллеги организовывали и международные издательские

проекты с учеными из России, Польши, Чехии, Болгарии, Швейцарии, самым значительным из которых стало издание нескольких томов Великих Миней Четых митрополита Макария, выполненное в сотрудничестве с коллегами из Государственного исторического музея в Москве. Это издание должно было завершить проект, начатый российской Археографической комиссией в конце XIX в. Замысел родился ещё в 1960-е годы, однако по политическим причинам германско-российское сотрудничество между Фрайбургом и Москвой стало возможным только в 1990-е. Экхард Вайер был искренне рад тому, что ему удалось осуществить свой замысел (хотя, к сожалению, полностью завершить издание Великих Миней Четых так и не удалось). В знак коллегиальной общности между славистами Москвы и Фрайбурга на обложке томов Миней тиснением изображен св. Георгий Победоносец – небесный покровитель обоих городов. Святой представлен в виде рыцаря, на закругленном щите которого находится крест, Georgskreuz, образуя герб Фрайбурга.

В тех случаях, когда исследователям не удавалось получить грант на издание книги или финансовая поддержка оказывалась недостаточной, Вайер как редактор *Monumenta linguae Slavicae* издавал книги за свой счет. Свои издания он безвозмездно рассылал славянским (и не только славянским) библиотекам, академическим институтам и лично коллегам. Последний, 64-й том серии увидел свет в 2017 г.: книга содержит подготовленное Э. Вайером наборное издание Катехизиса Кирилла Иерусалимского по восточнославянской рукописи XII в. с научным введением [14]. Этот труд стал прощальной публикацией Экхарда Вайера. Вероятно, его тяжелая болезнь стала причиной того, что специалисты – по крайней мере, в России – “не заметили” этого издания; во всяком случае, мы не знаем не только о рецензиях, но даже о ссылках на эту публикацию в тех работах по истории славянской письменности, где такие ссылки были бы уместны. Особенности комплектации российских библиотек новейшими иностранными изданиями хорошо известны, а разослать экземпляры славянским коллегам оказалось некому: в последние годы жизни здоровье не позволяло сделать это Вайеру самостоятельно – кроме его самого, “штат” издательства “Weiher-Verlag” долгие годы состоял из одного человека, Н. Киндерманн. Сегодня она взяла на себя обязательства по руководству издательством [15].

Около десяти лет назад нам посчастливилось лично познакомиться с Экхардом Вайером

во время нашей работы на Славянском отделении (Slavisches Seminar) Фрайбургского университета имени Альберта и Людвиг (Albert-Ludwigs-Universität Freiburg). На одной из наших встреч он передал нам каталог своего издательства и спросил, каких книг у нас нет. Мы с благодарным удивлением отметили отсутствующие в наших домашних библиотеках и в библиотеке Института русского языка РАН экземпляры — речь шла о нескольких десятках томов в каждом случае. Экхард Вайер сказал: “Я дам их вам с условием, что вы будете использовать их в своей научной работе”. Разумеется, иное использование томов серии *Monumenta linguae Slavicae* не предполагалось, и через несколько дней мы получили по несколько коробок с книгами, рыночная цена каждой из которых на тот момент была доступна разве что для западных университетских и национальных библиотек. Сегодня эти книги занимают несколько полных книжных полок в наших личных библиотеках и в Институте русского языка РАН, сохраняя нашу благодарную память о замечательном ученом, профессоре и коллеге Экхарде Вайере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Weiher E.* Die Dialektik des Johannes von Damaskus in kirchenslavischer Übersetzung. Wiesbaden: Harassowitz, 1969 (= MLS, 8). 47 + 312 S. (In German)
2. *Weiher E.* Der negative Vergleich in der russischen Volkspoesie. München: Wilhelm Fink, 1972 (= Forum Slavicum, Bd. 35). 224 S. (In German)
3. *Weiher E.* Urslavisch-Gemeinslavisch-Dialekte des Gemeinslavischen (?). Anzeiger für slavische Philologie. Bd. 2. 1967. S. 82–100. (In German)
4. *Weiher E.* Nochmals zu H. Birnbaums “Dialekte des Gemeinslavischen”. Anzeiger für slavische Philologie. 1971. S. 117–119. (In German)
5. *Weiher E.* Die Entwicklung der Nasalvokale im Polnischen Anzeiger für slavische Philologie. 1967. Bd. 2. S. 1–10. (In German)
6. *Weiher E.* Zur Auswertung des Sorbischen in Megisers “Thesaurus polyglottus” vom Jahre 1603. Anzeiger für slavische Philologie. 1971. Bd. 5. S. 107–117. (In German)
7. *Weiher E.* Zum Chozenie igumena Daniila im Kodex Nr. 485 (211) des Klosters Chilandar. Anzeiger für slavische Philologie. 1972. Bd. 6. S. 171–175. (In German)
8. *Weiher E.* Die altrussische Literatur der Kiever Zeit. Neues Handbuch der Literaturwissenschaft. Bd. 6. Wiesbaden, Wiebelsheim: Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion, AULA-Verlag, 1985. S. 4110–435. (In German)
9. *Weiher E.* Studien zur philosophischen Terminologie des Kirchenslavischen. Die Welt der Slaven. 1964. Bd. 9. 1964. S. 147–175. (In German)
10. *Weiher E.* Zur sprachlichen Rezeption der griechischen philosophischen Terminologie im Kirchenslavischen. Anzeiger für slavische Philologie. 1972. Bd. 6. S. 138–159. (In German)
11. *Miklas H., Weiher E.* Преводачески похвати в Богословието на Йоан Екзарх в сравнение с по-късни паралелни преводи. Старобългарска литература. 1986. Кн. 19. София, 1986. С. 29–59. (In Bulgarian)
12. *Keller F., Miklas H., Weiher E.* Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der kirchenslavischen Übersetzung des 14. Jahrhunderts. Freiburg i. Br.: Weiher, 1987 (= MLS, 25). 60 + 841 S. (In German)
13. Der Verlag: Experte seit 40 Jahren. Weiher Verlag. Slavistische Forschungspublikationen. Online: <https://www.weiher-verlag.de/der-verlag.html> (In German)
14. *Weiher E.* Die altbulgarische Übersetzung der Katechesen Kyrills von Jerusalem. (GIM Sin. 478). Freiburg i. Br.: Weiher, 2017 (MLS, 64). 103 + 586 Seiten. (In German)
15. Kontakt. Weiher Verlag. Slavistische Forschungspublikationen. Online: <https://www.weiher-verlag.de/kontakt.html> (In German)

Р.Н. Кривко

Доктор филологических наук,
ассистент-профессор Венского университета (Австрия),
Institut für Slawistik Universität Wien,
Spitalgasse 2-4, Hof 3, A-1090 Wien, Austria
roman.krivko@univie.ac.at

И.А. Подтергера

Доктор филологических наук,
профессор Гейдельбергского университета (Германия),
Slavisches Institut der Universität Heidelberg

Schulgasse 6, D-69117 Heidelberg, Germany
irina.podtergera@slav.uni-heidelberg.de

Roman N. Krivko
Doct. Sci. (Philol.),
Assistant Professor of the University of Vienna,
Institut für Slawistik Universität Wien
Spitalgasse 2-4, Hof 3, A-1090 Wien, Austria
roman.krivko@univie.ac.at

Irina A. Podtergera
Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the University of Heidelberg,
Slavisches Institut der Universität Heidelberg,
Schulgasse 6, D-69117 Heidelberg, Germany
irina.podtergera@slav.uni-heidelberg.de

Дата поступления материала в редакцию: 21 июня 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 23 августа 2021 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2021 г.

Дата публикации: 31 декабря 2021 г.

Received by Editor on June 21, 2021

Revised on August 23, 2021

Accepted on October 15, 2021

Date of publication: December 31, 2021

Для цитирования: *Кривко Р.Н., Подтергера И.А. Эххарду Вайеру in memoriam (29.12.1939 – 12.01.2021) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 114–117. DOI: 10.31857/S241377150017818-2*

For citation: Krivko, R.N., Podtergera, I.A. *Eckhardu Vajeru in memoriam (29.12.1939 – 12.01.2021)* [To Eckhard Weiher in memoriam (December 29, 1939 – January 12, 2021)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 6, pp. 114–117. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017818-2

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТОМА 80, 2021 год

	Вып.	Стр.
<i>Антопольский А.Б.</i> Об информационном обеспечении научно-методического руководства научными исследованиями в области языкознания в Российской Академии наук	2	53
<i>Арманд Е.Е.</i> см. Рахилина Е.В.	6	69
<i>Арутюнова Е.В., Бешенкова Е.В., Иванова О.Е.</i> Лингвистические основы современного написания топонимов (к теории орфографического правила)	1	21
<i>Аюшеева Э.Б.</i> Мотив мировой горы в вариантах бурятской Гэсэриады	3	93
<i>Базаров Е.Э., Кулева А.С., Пестова А.Р., Шестакова Л.Л.</i> Стилистически сниженная лексика в современном толковом словаре: изменения в употреблении просторечной лексики	1	42
<i>Бакланова И.И.</i> см. Федосюк М.Ю.	2	87
<i>Баршт К.А.</i> О задачах и перспективах проекта «Комплексная автоматизированная база данных «Объединенный цифровой архив Ф.М. Достоевского»»	2	18
<i>Баршт К.А.</i> Спор между «отцами» и «детьми» в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» в историко-литературном и текстологическом аспектах	6	20
<i>Беларев А.Н.</i> Иафет в шатрах Сима: равнинистическая герменевтика и современная теория литературы	4	23
<i>Бешенкова Е.В.</i> Антиномии орфографии в области написания форм кратких отглагольных прилагательных с <i>н</i> или <i>ни</i>	4	86
<i>Бешенкова Е.В.</i> см. Арутюнова Е.В.	1	21
<i>Иванова О.Е.</i> см. Арутюнова Е.В.	1	21
<i>Богданова О.А.</i> Международная научная конференция «Усадьба Реальная – Усадьба Литературная»	1	108
<i>Бурцева А.О.</i> Советская «оборонная литература» начала 1930-х годов и (анти)колониализм: литературное оформление новой идеологии	4	34
<i>Козлова М.А.</i> Интермедальность и городское пространство: к анализу понятия «городской картины»	4	43
<i>Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н.</i> Карл Брюллов и Дмитрий Струйский («Римские каникулы» на Васильевском острове в Петербурге)	1	85
<i>Дементьев В.В.</i> Новая дискурсивная революция? (К осмыслению двух типологических характеристик интернет-коммуникации)	2	64
<i>Ермакова О.П. (рец.) Грановская Л.М.</i> Русская лексика времен Гражданской войны. 1918–1920. М.: Флинта, 2020. 278 с.	5	115
<i>Ермакова О.П.</i> Кто чей тезка и современник? (Взаимодействие грамматики и прагматики)	2	81
<i>Ефимов А.С.</i> Мотивы прозы Н.М. Карамзина в повести А.А. Дьякова «Из записок социал-демократа»	2	47
<i>Жаткин Д.Н.</i> см. Васильев Н.Л.	1	85
<i>Жаткин Д.Н., Футляев Н.С.</i> Русская судьба басенного творчества Джона Гея	5	52
<i>Зубков К.Ю.</i> И.Ф. Горбунов – сотрудник журнала «Время» (об одной заметке, приписываемой Достоевскому)	3	87

<i>Ивинский А.Д.</i> М.Н. Муравьев, Екатерина II и Фридрих II: к вопросу о статусе литературного языка	2	30
<i>Изумрудов Ю.А.</i> Сергей Дурылин и Борис Садовой: неизданная переписка	3	42
<i>Иорданская Л.Н., Мельчук И.А.</i> Необычные русские парные подчинительные союзы (типа <i>НЕ УСПЕЛ...</i> , <i>КАК...</i> или <i>ЕДВА...</i> , <i>КАК...</i>)	1	5
<i>Казакова С.А.</i> План В.Я. Брюсова по изданию полного собрания сочинений А.С. Пушкина	2	38
<i>Карпов А.А., Потапова Р.К., Потапов В.В.</i> XXII Международная конференция SPECOM-2020 “Речь и компьютер”	2	107
<i>Карпова О.М. (рец.) Артемова О.Г.</i> Языковые ключи к английской литературе от Шекспира до Фаулза / Научн. ред. А. А. Кретов. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. (Серия: Библиотека маркемологии. Т. 4). 596 с.	5	108
<i>Кибальник С.А.</i> “Братья Карамазовы” и “Сон смешного человека” (к вопросу об автоинтертекстуальности у позднего Достоевского)	1	62
<i>Костюк А.Э.</i> Деклинация частоты основного тона: история изучения и природа явления	6	104
<i>Кравчук И.А.</i> “Возможность Тверитинова”: заметки комментатора	6	30
<i>Кривко Р.Н., Подтергеря И.А.</i> Экхарду Вайеру in memoriam (29.12.1939 – 12.01.2021)	6	114
<i>Кристева Ю.</i> “...Все мы нигилисты”	6	11
<i>Крылов С.А.</i> Указатель авторов словарных статей к третьему изданию энциклопедии “Русский язык” (М., 2020)	2	98
<i>Крысин Л.П.</i> Михаил Викторович Панов (К столетию со дня рождения)	2	116
<i>Крысько В.Б.</i> Mutando mutanda: Заметки об аномалиях	5	5
<i>Крючкова Е.Р.</i> Международная научная конференция “Индоевропейское языкознание и классическая филология-XXIV (чтения памяти И.М. Тронского)”	1	102
<i>Кузнецова Е.В.</i> Образ фланера в ранней лирике В.Я. Брюсова: отечественный и западноевропейский контекст	3	24
<i>Кулева А.С.</i> см. Базаров Е.Э.	1	42
<i>Кульков А.Н.</i> см. Цветкова М.В.	5	71
<i>Куц Н.В.</i> Барон Е.Ф. Розен и “Литературные прибавления к Русскому инвалиду” (1831–1832)	3	58
<i>Ларкович Д.В.</i> Русско-турецкие войны в русской литературе: аксиологические приоритеты в исторической динамике	4	5
<i>Лю Ядин.</i> О противоречивости трактовок образа Григория Мелехова в советской литературной критике	6	46
<i>Мельчук И.А.</i> см. Иорданская Л.Н.	1	5
<i>Михайлова М.В.</i> см. Чэн Лян	5	92
<i>Морозов А.Д.</i> “Инкская утопия” в романе “Письма перуанки” Ф. де Графиньи	4	54
<i>Москвин В.П.</i> Инкогерентность как характеристика стихотворного текста (к трактовке образной системы О. Мандельштама)	4	60
<i>Нефедова Е.А.</i> О некоторых особенностях глагольной бипрефиксации в современных русских говорах	4	108
<i>Нещеретов И.И.</i> Ритмика 5-стопного русского хорей в XX веке	3	101
<i>Нива Ж.</i> Достоевский: “отзывчивость к крайностям”	6	6
<i>Никушоева Ш.С.</i> см. Рахилина Е.В.	6	69

<i>Падерина Е.Г.</i> Гоголевская пародия на жанр повести (“Коляска”)	3	5
<i>Паолелла А.</i> У истоков литературного портрета: физиогномика в контексте современных гуманитарных наук	2	5
<i>Пастернак Е.А.</i> О метрическом репертуаре стихотворений Г.Р. Державина в прижизненном собрании сочинений: (опыт статистического анализа)	5	101
<i>Пестова А.Р.</i> см. Базаров Е.Э.	1	42
<i>Петрова З.Ю., Фатеева Н.А.</i> Международная научная конференция “Метафорическая картина мира современной художественной прозы”	4	117
<i>Подтергера И.А.</i> см. Кривко Р.Н.	6	114
<i>Полонский В.В.</i> Достоевский, или “Писатель, который изменил человека...”	6	15
<i>Потапов В.В.</i> см. Карпов А.А.	2	107
<i>Потапова Р.К.</i> см. Карпов А.А.	2	107
<i>Примочкина Н.Н.</i> “Герой” или “антигерой”? (Проблема героя в творчестве М. Горького начала 1920-х годов)	5	81
<i>Рахилина Е.В., Никушоева Ш.С., Арманд Е.Е.</i> К истории понятий: лингвистический ракурс. Шугнанское ПРЯТАТЬ	6	69
<i>Резникова Т.И., Шерстюк А.Ю.</i> О семантической непрерывности: поле ‘толкать’ в славянских языках	5	21
<i>Сабурова Л.Е.</i> Бестиарные образы в произведениях Томмазо Ландольфи	3	70
<i>Саркисов И.В.</i> Рифма в метрических системах Юго-Восточной Азии	6	89
<i>Топорова Т.В.</i> “Перебранка Локи”: лингво-стилистический этюд	6	53
<i>Фатеева Н.А.</i> см. Петрова З.Ю.	4	117
<i>Федосюк М.Ю., Бакланова И.И.</i> Театральный проезд или проезд Театра? (Согласованные и несогласованные определения во внутригородской топонимии)	2	87
<i>Федосюк М.Ю., Чжан Сяо.</i> Показатели смыслов слов, употребленных в тексте	6	79
<i>Фомина Е.М.</i> Функции экфрасиса в романе Д. Тартт “Щегол”	3	78
<i>Футляев Н.С.</i> см. Жаткин Д.Н.	5	52
<i>Халтрин-Халтурина Е.В.</i> О цикле ламентаций в “Королеве фей” Спенсера (линия воительницы Бритомарт)	6	61
<i>Цветкова М.В., Кульков А.Н.</i> Русский Пратчетт (на материале переводов романа “Monstrous Regiment”)	5	71
<i>Чжан Сяо</i> см. Федосюк М.Ю.	6	79
<i>Чони П.</i> “Окаянные дни” И.А. Бунина в историческом контексте: между реализмом и гиперреализмом	5	46
<i>Чэн Лян, Михайлова М.В.</i> Автобиографическое “Я” в повести Скитальца “Этапы”: сопоставление вариантов	5	92
<i>Шервашидзе В.В.</i> Поэтика вселенского единства в драматургии и поэзии Поля Клоделя	1	71
<i>Шерстюк А.Ю.</i> см. Резникова Т.И.	5	21
<i>Шестакова Л.Л.</i> см. Базаров Е.Э.	1	42
<i>Яковлева А.В.</i> Морфосинтаксис новогреческих пространственных наречий в диахронической перспективе	5	34